

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Южно-Российский институт управления-филиал РАНХиГС**

На правах рукописи

Давыдова Наталья Сергеевна

**МОДЕЛИ ПАРТИЙНО-ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АГРЕГАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 5.5.2. Политические институты,
процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор Понеделков А.В.

Ростов-на-Дону – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Инновации в партийном строительстве: источники, механизмы внедрения, эффективность	21
1.1 Функциональные характеристики и типологизация политических партий в контексте проекции детерминант инновационного развития на партийное строительство в современной России.....	21
1.2 Политические инновации в партийно-электоральной агрегации: ключевые элементы, институциональные противоречия и механизмы трансформации	38
1.3 Специфика политико-инновационного процесса в современной России и его проекция на модели партийно-электоральной агрегации	56
Глава 2 Современные модели партийно-электоральной агрегации и перспективы их применения в Российской Федерации	74
2.1 Партийно-электоральная агрегация как инструмент инновационного развития политической системы России.....	74
2.2 Основные модели партийно-электоральной агрегации в современном политическом процессе	90
2.2.1 Политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации.....	91
2.2.2 Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации	105
2.2.3 Партийно-электоральная агрегация, ориентированная на гражданскую идентичность.....	118
2.2.4 Контент и дискурс-анализ партийно-электоральной агрегации в программах парламентских партий Российской Федерации	132
Заключение.....	147
Список литературы	152

Введение

Актуальность темы исследования. Российские политические процессы в настоящее время характеризуются высокой динамикой социально-политических трансформаций, усложнением механизмов взаимодействия между политическими элитами, партиями, электоратом и институтами власти, а также необходимостью внедрения социальных и политических инноваций в условиях происходящей политической модернизации.

Соответственно актуализируется задача теоретико-методологического и прикладного анализа механизмов взаимодействия различных политических акторов, с акцентом на политических институтах-посредниках, способных аккумулировать общественный запрос на перемены и интегрировать его в сферу принятия политических решений. К таким институтам-медиаторам следует отнести современные политические партии, которые интенсивно трансформируются от партий традиционного типа к современным инновационным партиям.

В современной российской политической системе партии выполняют важную посредническую функцию, обеспечивая коммуникацию между обществом и государственными институтами. При этом их организационные и коммуникативные практики постепенно изменяются: традиционные формы партийной деятельности дополняются новыми механизмами общественного участия и политической мобилизации.

К примеру, партия «Единая Россия» развивает форматы взаимодействия с гражданами через общественные советы, а также использует цифровые платформы для обсуждения общественно значимых вопросов и обратной связи с избирателями. КПРФ и ЛДПР делают ставку на цифровые каналы, используя интернет-ресурсы для поддержания связи со сторонниками и оперативного распространения информации о своей деятельности. «Справедливая Россия» делает акцент на проведении общественно-политических форумов и реализации социально значимых проектов, что позволяет выявлять запросы граждан и

интегрировать их в политическую повестку. «Новые люди» ориентированы преимущественно на интерактивные форматы: онлайн-обсуждения, краудсорсинговые механизмы при подготовке законодательных инициатив. Эти практики фиксируют общую тенденцию к переходу политической коммуникации в более гибкое, интерактивное русло.

Развитие подобных инструментов актуализирует необходимость поиска моделей партийно-электоральной агрегации, способных учитывать современные условия функционирования политической системы и обеспечивать продуктивное взаимодействие государства и общества. Именно поэтому анализ таких моделей приобретает ключевое значение для политической науки. Полученные в ходе исследования результаты позволяют охарактеризовать особенности формирования политической повестки, механизмы политической мобилизации, а также наметить пути совершенствования партийного строительства в России, в частности, через развитие социальных инноваций и расширение каналов диалога между властью, партиями и институтами гражданского общества.

Таким образом, изучение моделей партийно-электоральной агрегации является актуальной научной задачей, так как дает возможность проследить, адаптацию современных российских партий к динамичным социально-экономическим и технологическим изменениям. Одновременно такой анализ помогает глубже понять характер взаимодействия политических институтов с обществом, выявить пути повышения эффективности партийного строительства и определить инновационный потенциал для дальнейшей модернизации российской политической системы.

Степень разработанности проблемы. Проблемы демократического партийного строительства в достаточной мере исследованы современной политической наукой. Исследовательские изыскания базируются на положениях классиков партологии Ж. Блонделя, Ж. Дюверже, Дж. Сартори, О. Фокарда и др., а также на научных трудах зарубежных ученых, таких как Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон, Г. Лассуэл.

Современная российская научная политическая мысль в сфере партийного строительства концентрируется в деятельности ряда политологических исследовательских центров. Прежде всего следует отметить московский центр (Л.В. Кынев, Ю.Г. Кургунюк, Е.И. Мелешкина и др.), большой вклад в развитие современной российской партологии внесли петербургский (Б.А. Исаев, Н.А. Баранов и др.) и сибирский (Я.Ю. Шашкова) центры. Особо следует отметить результаты исследований Ростовской политологической школы под руководством А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, С.А. Кислицына.

В рамках этой школы по данной проблематике защищены 3 докторские диссертации (С.Г. Зырянов, М.И. Пранова, Л.Х. Дзахова) и более 15 кандидатских диссертаций (В.В. Скоробогатько, К.Г. Дубровский, М.В. Метлушенко, И. Кривчук, Е.А. Клещарь, Г.А. Айвазян, Г.А. Лактионов, М.О. Омаров, Л.В. Попова, А.М. Сафонова, А.В. Соколов, И.С. Зорько, В.А. Джиева, Г.Х. Паунежева и др.)¹.

Разработка выбранной темы диссертационного исследования потребовала комплексного междисциплинарного анализа электоральных процессов на базе работ по проблемам инноваций и национальных инновационных систем, постиндустриального информационного общества, сетевого общества и акторно-сетевых коммуникаций, проблемам национальной идентичности, гражданского общества, партийного строительства, политических технологий, кибербезопасности и других смежных тем. Отметим только некоторые основополагающие работы по указанным направлениям.

С теоретико-методологической точки зрения разработки обозначенных проблем выделим работы К. Фримена, С. Меткалфа, посвященные исследованию национальных инновационных систем² и имеющие корреляцию с отечественными исследованиями Л.И. Абалкиным, А.Г. Аганбегяном, С.Ю. Глазьевым, Л.М. Гохбергом и др.³.

¹ Понеделков А. В. Ростовская научная школа политической элитологии в ретроспективе и перспективе // Гуманитарий Юга России. 2025. Том. 14. № 3. С. 227-240.

² Бурцев Д.С. Развитие теоретических подходов к определению сущности и функций понятия национальной инновационной системы // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 12. – С. 19–22.

³ Абалкин Л. И. Россия. Поиск самоопределения: очерки / Л. И. Абалкин; Рос. акад. наук. – 2-е изд. – М.: Наука, 2005. – 464 с.; Aganbegyan A. G. On the modernization of public production in Russian Federation / A. G. Aganbegyan // Economy of Region. – 2011. – Iss. 2. – P. 11-14; Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы

Поскольку инновации затрагивают все сферы, включая социально-политический, идеологический, культурно-цивилизационный компонент, для разработки темы имеют значение труды гарвардской школы (С. Хантингтон⁴ и др.) и отечественной (Н.Я. Данилевский, Б.С. Ерасов, В.В. Ильин, А.С. Панарин, Р.П. Трофимова, Ю.В. Яковец)⁵.

Типологии инноваций по социально-экономическим и социально-политическим основаниям, в зависимости от того, носят ли они поддерживающий характер или приводят к качественным «прорывам» в экономике и социальной жизни, представлены, к примеру, в работах В.И. Супруна⁶. Политическая инноватика с акцентом на проблемах взаимосвязи политической культуры и процесса инновационного развития России нашла свое отражение в работах И.В. Грошева, В.А. Мау, Ю.С. Пивоварова и др.⁷

Следует так же отметить знаковые события современности – 50-летие теории постиндустриального общества (выход работы Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество», позже работ Э. Тоффлера, М. Кастельса и др.), а также 30-летие присуждения нобелевской премии за теорию человеческого капитала, который играет определяющую роль в инновационном развитии, Г. Беккеру.

Дополнительно необходимо отметить, что в новейшей зарубежной политической науке проблематика партийных систем и партийной трансформации

централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, Г. Г. Фетисов. – М.: Наука, 1992. – 207 с.; Глазьев С.Ю. Возможные и вероятные сценарии долгосрочного развития России: цикл публ. лекций «Академики – студенчеству» / С.Ю. Глазьев. – М.: ГУУ, 2006. – 25 с.; Гохберг Л. М. Инновации в российской экономике: стагнация в преддверии кризиса? / Л. М. Гохберг, И. А. Кузнецова // Форсайт. – 2009. – Т. 3, № 2. – С. 28-46 и др.

⁴ Хантингтон С. Ф. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Ф. Хантингтон; [пер. с англ. А. Башкирова]. – М.: Изд-во АСТ, 2008. – 635 с.; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.

⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008 – 816 с.; Ильин В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер; Под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 300 с.

⁶ Инновации как драйвер социокультурного развития / В. А. Юрченко, В. И. Супрун, Р. С. Гринберг и др.; Ответственный редактор: В.И. Супрун. – Новосибирск: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2013. – 372 с.

⁷ Мау В. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) / В. Мау // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 32-50. – DOI 10.32609/0042-8736-2009-9-32-50; Ильин М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М.В. Ильин. – М.: Приор, 2000. – 321 с.; Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита / Ю. С. Пивоваров // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 12-32; Грошев И.В. Экономические реформы в России сквозь призму русской ментальности / И.В. Грошев // Социально-гуманитарные знания, 2000. – № 6. – С. 25-46 и др.

получила дальнейшее развитие в ряде исследований 2015-2025 гг., акцентирующих внимание на кризисе партийного представительства, цифровизации политики и изменении форм политического участия.

Так, С. Скарроу⁸ анализируют новые формы партийной мобилизации и трансформация партийных организаций в условиях снижения традиционного членства. Значительный вклад в анализ партийных изменений в условиях индивидуализации политики внесли Г. Рахат и О. Кениг, рассматривающие процессы политической персонализации в цифровом медиaprостранстве и обосновывающие переход от партийно-центрированной к персонализированной политике⁹.

В некоторых работах подчеркивается адаптационный характер партий в условиях кризиса представительства. Например, А. Гаужа рассматривает проблемы снижения партийной идентификации и необходимость институциональной адаптации партий к новым условиям политической конкуренции¹⁰.

Современные исследования также фокусируются на изменении характера связи между партиями и избирателями. Например, С. Марг, Л. Гайгес, Ф. Бутцлафф, Ф. Вальтер (2024) анализируют формирование новых каналов участия и взаимодействия партий с гражданами в условиях снижения доверия и роста индивидуализации политического поведения¹¹.

Современные российские исследования партийных систем и электоральных процессов представлены рядом ключевых авторов и направлений. Институциональный анализ партийной системы России проведен в трудах А.Г.

⁸ Susan E. Scarrow, *Beyond Party Members. Changing Approaches to Partisan Mobilization*. – Oxford, 2015. – Pp. 240. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/35030740/Susan_E_Scarrow_Beyond_Party_Members_Changing_Approaches_to_Partisan_Mobilization_Oxford_2015_pp_240 (дата обращения 12.03.2025).

⁹ Rahat G. *Comparative Politics From Party Politics to Personalized Politics? Party Change and Political Personalization in Democracies* / G. Rahat, K. Ofer. – Oxford University Press. – 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=edsoso&AN=edsoso.9780198808008.001.0001&authtype=shib&site=eds-live&scope=site&custid=s5122861&authtype=shib>. (дата обращения 18.03.2026).

¹⁰ Party reform / A. Gauja. – Oxford Academ, 216. – Pp. 214

¹¹ Новая власть граждан / Отв. Ред. С. Марг, Л. Гайгес, Ф. Бутцлафф, Ф. Вальтер. Серия: Том 1332. – Бонн: Федеральный центр политического образования, 2013. – 341 с.

Арутюнова¹², А.В. Кынева¹³, Е.Ю. Мелешкиной, И.В. Фомина¹⁴ и др., где рассматриваются особенности «партии власти» и трансформации политической конкуренции на региональном уровне.

Электорально-поведенческое направление представлено работами, посвященными анализу голосования и политической мобилизации, представленных отечественными исследователями В.Г. Гималаевым, Н.А. Назаровой, М.Е. Родионовой¹⁵ и др.

Проблематика электоральных технологий раскрыта у Т. Э. Гринберг, И. Е. Минтусова¹⁶, а вопросы цифровизации политической коммуникации исследовали И.А. Архипов¹⁷, С.И. Белов¹⁸, Н.П. Крапивин¹⁹, С.В. Володенков, С.Н. Федорченко²⁰ и др.

Следует отметить, что трансформации социально-гуманитарного знания в сфере партийного строительства актуализирует теоретико-методологическую разработку новых концептов. В диссертации, соответственно, разрабатывается концепт партийно-электоральной агрегации.

¹² Арутюнов А. Г. Эксперты в области этнополитологии и эксперты в области региональных выборов: общее, различное, перспективы взаимодействия / А.Г. Арутюнов // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 65-68. – DOI 10.31171/vlast.v31i1.9463.

¹³ Kynev A. The Scandalous Electoral Victory of the Governing Party United Russia / A. Kynev // Euxeinos. Culture and Governance in the Black Sea Region. – 2023. – Vol. 13, No. 35. – P. 8-14. – DOI 10.55337/35.exnq9828.

¹⁴ Мелешкина Е. Ю. Использование образов советского прошлого в дискурсе "Единой России" и КПРФ / Е. Ю. Мелешкина И. В. Фомин // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2022. – № 3(106). – С. 80-104. – DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-80-104.

¹⁵ Родионова М. Е. Современные тенденции электоральных процессов в государствах ЕС / М. Е. Родионова, Н. А. Назарова, В. Г. Гималаев // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 3(67). – С. 846-855. – DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.029.

¹⁶ Минтусов И. Е. Коммуникационные технологии в контексте электоральных и неэлекторальных политических технологий: опыт классификации / И. Е. Минтусов, Т. Э. Гринберг // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 февраля 2023 года. – М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2023. – С. 221-222.

¹⁷ Архипов И. А. Основные измерения цифровизации в современных отечественных исследованиях политической коммуникации / И. А. Архипов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 154-159. – DOI 10.17072/2218-1067-2025-2-154-159.

¹⁸ Белов С. И. Проблемы цифровизации политической коммуникации между властью и обществом в современной России / С. И. Белов // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 16-22. – DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22.

¹⁹ Крапивин Н. П. Политическая коммуникация в избирательном процессе в рамках технофеодальной концепции цифровизации политики / Н. П. Крапивин // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 6. – С. 239-244.

²⁰ Володенков С. В. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193. – DOI 10.17223/1998863X/60/16.

Гипотеза исследования заключается в том, что характер и эффективность партийного строительства в современной России детерминируются не абстрактным набором «инновационных» партийных форм, а способностью партий интегрироваться в процессы государственной инновационной политики и развития национальной инновационной системы через механизмы партийно-электоральной агрегации. Объективные трансформации глобального политического пространства в направлении выстраивания нового мирового порядка и «многополярности», трансформируют характер и динамику партийного строительства, отражаясь в политических науках посредством таких инновационных концептов как «партии инновационного типа», «партийно-электоральная агрегация», «киберпартии», «консоциативные партийные системы», «картельные партии» и др., которые позволяют эффективно анализировать феномены замещения партий традиционного типа партиями, способными агрегировать и политически продвигать запрос общества на инновации и перемены, выступать медиаторами между интересами политических сил, государством и обществом.

Предполагается, что именно модели партийно-электоральной агрегации (политико-маркетинговая, кластерно-сетевая и гражданско-идентичная) отражают различные уровни институциональной зрелости партий и их включенности в инновационные процессы. При этом только те партийные структуры, которые обеспечивают устойчивую связь между государственными институтами, научно-образовательной средой, бизнесом и гражданским обществом, способны не просто декларировать, но институционально обеспечивать артикуляцию и продвижение общественного запроса на инновационное развитие.

Эволюция указанных моделей в постсоветской России носит закономерный характер: от доминирования политико-маркетинговых механизмов мобилизации электората к формированию кластерно-сетевых форм взаимодействия и далее к становлению гражданско-идентичной модели, ориентированной на интеграцию общественных интересов в рамках национальной идеи. В этой логике партийно-электоральная агрегация выступает не только инструментом политической конкуренции, но и ключевым механизмом сопряжения политической системы с

задачами инновационного развития, что определяет ее центральную роль в современных политических процессах.

Объект исследования – процессы формирования, функционирования и трансформации партийно-электоральных отношений в политической системе современной России.

Предмет исследования – закономерности, типологические особенности и механизмы функционирования моделей партийно-электоральной агрегации, обеспечивающих взаимодействие политических партий и электората в условиях трансформации политической системы современной России.

Цель диссертационного исследования – теоретико-методологическое моделирование, выявление закономерностей формирования и функционирования моделей партийно-электоральной агрегации, разработка их типологии в условиях трансформации политической системы современной России.

Основные исследовательские задачи:

1. проанализировать теоретические подходы к типологизации и функциям политических партий, определить влияние детерминант политико-инновационного процесса на механизмы партийного строительства в современной России;

2. определить ключевые элементы национальной инновационной системы России, выявить их связь с партийно-электоральной агрегацией и установить влияние административно- политической элиты на эффективность внедрения социальных инноваций;

3. выявить специфику политико-инновационного процесса в современной России, определить ключевые элементы национальной инновационной системы в политической сфере и установить их взаимосвязь с процессами партийного строительства, а также разработать модели партийно-электоральной агрегации, отражающие инновационно-электоральную функцию партий как института-медиатора между обществом и властью.

4. сформулировать и обосновать концепт партийно-электоральной агрегации как интегрированного механизма взаимодействия партий, электората и власти, обеспечивающего представительство общественных интересов;

5. осуществить теоретико-методологическое моделирование и раскрыть содержание базовых моделей (политико-маркетинговой, кластерно-сетевой, гражданско-идентичной) партийно-электоральной агрегации в контексте решения проблем внедрения социальных инноваций в российский партогенез.

Научная новизна исследования заключается в разработке относительно нового для политических наук концепта «партийно-электоральной агрегации», соответствующего актуальным задачам поиска новых форм взаимодействия основных акторов современных политических процессов в целях модернизации российской политической системы и становления новых форм российской демократии. Данный концепт позволяет осуществить теоретико-методологическое моделирование партийно-электоральной агрегации в контексте проблем внедрения социальных инноваций в современное российское партийное строительство, что конкретизируется в следующих положениях научной новизны:

1. Даны функциональные характеристики политических партий, обоснована инновационная функция как системообразующий элемент партийного строительства, уточнена типологизация партий и выявлен гибридный характер российской партийной системы. Выявлены и систематизированы ключевые детерминанты политических инноваций, проецирующиеся на основные аспекты партийной деятельности, что позволило доказать их влияние на трансформацию механизмов партийно-электоральной агрегации.

2. Идентифицированы структурные компоненты национальной инновационной системы России, коррелирующие с партийно-электоральной агрегацией. Показано, что концентрация функций инициатора, исполнителя и контролера инноваций в рамках административно-политической вертикали формирует замкнутый цикл, ограничивающий эффективность агрегации как института-медиатора между обществом и властью. Обосновано, что преодоление институциональных противоречий требует перехода к национально-

ориентированным механизмам агрегации на основе обновления политической элиты, профессионализации партийных кадров и внедрения прогрессивных моделей межэлитного взаимодействия;

3. Показано, что специфика политико-инновационного процесса в современной России, проявляется в противоречивом сочетании государственно-инициированных механизмов модернизации и административно-бюрократической замкнутости элит, замыкающих инновационный цикл на себя. Определены ключевые факторы, определяющие проекцию данного процесса на партийное строительство: конфигурация партийной системы, цифровизация электоральных процессов, институциональные рамки, качество человеческого капитала и ценностно-цивилизационный компонент. Обосновано, что успешность партийного строительства в России напрямую зависит от наличия профессионалов с постденежной мотивацией и высокой политической акторностью, способных преодолевать институциональные барьеры, блокирующие внедрение инноваций в партийно-электоральную деятельность.

4. разработан авторский теоретико-методологический концепт партийно-электоральной агрегации, представляющий интегрированный механизм институционального и коммуникационного взаимодействия партий, электората и органов власти, который обеспечивает объединение, трансформацию и представительство общественных интересов в электоральных и партийных процессах. В отличие от классического понимания агрегирования интересов, предложенный концепт связывает партийную деятельность с электоральными механизмами, политическими технологиями и современными формами политической коммуникации, что позволяет использовать его в качестве аналитического инструмента для изучения трансформации партийного строительства и модернизации политической системы России.

5. Осуществлено теоретико-методологическое моделирование, проведен контент и дискурс-анализ программных документов российских парламентских партий в рамках базовых моделей партийно-электоральной агрегации: политико-маркетинговой, кластерно-сетевой и гражданско-идентичной. Выявлены их

функциональные особенности, различия в условиях внедрения социальных инноваций в политическую практику и определена роль партий инновационного типа как политических акторов, агрегирующих общественные запросы, внедряющих инновационные политические решения и выступающие посредниками между гражданами, политическими элитами и институтами власти. Аргументированно, что данные модели необходимы в роли аналитических инструментов для оценки электоральных процессов, партийного строительства и модернизации российской политической системы.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-научных методов, обеспечивающих комплексный анализ моделей партийно-электоральной агрегации в современной России.

К числу используемых общенаучных методов относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, а также системный подход, позволяющий рассматривать партийно-электоральную агрегацию как целостный политический процесс, включающий совокупность акторов, институтов и каналов взаимодействия.

Ключевую роль в исследовании играют специально-научные методы. Институциональный анализ применяется для выявления формальных и неформальных правил функционирования партийной системы и электоральных механизмов. Компаративистский метод используется для сопоставления различных моделей партийно-электоральной агрегации и выявления их типологических особенностей. Структурно-функциональный метод позволяет определить функции партий и электората в рамках агрегационных процессов.

В качестве одного из важных методов исследования используется качественный и количественный контент-анализ политических документов и коммуникаций. Эмпирическую базу анализа составили программные документы политических партий, предвыборные материалы, официальные заявления, а также цифровой контент (публикации на официальных сайтах и в социальных сетях). Количественный контент-анализ применялся для выявления частотности ключевых категорий, а качественный для интерпретации процессов и стратегий

политических коммуникаций. Это позволило эмпирически обосновать различия между моделями партийно-электоральной агрегации.

Дополнительно использован метод кейс-анализа, позволяющий рассмотреть конкретные практики партийно-электоральной агрегации в современной России, а также элементы дискурс-анализа для выявления особенностей политической риторики и предвыборных стратегий российских партий.

Положения, выносимые на защиту

1. Выявлены особенности российского партийного строительства в контексте внедрения политических инноваций. К ним можно отнести, во-первых, асимметричную конфигурацию российской партийной системы с доминированием «партии власти» в условиях конкурентной борьбы, что создает новые стимулы для разработки инновационных электоральных и коммуникативных технологий. Во-вторых, технологические сдвиги, связанные с цифровизацией политической коммуникации и появлением инструментария предиктивной аналитики существенно трансформирует механизмы агрегации интересов и политической мобилизации электората. В-третьих, двойное позиционирование политических элит с одной стороны как инициаторов инновационной политики, а с другой как объектов политической модернизации выступает институциональным барьером для внедрения системных нововведений. (п. 12. паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии «Эволюция партийных и избирательных систем; современные модели политического представительства»).

2. Определено, что ключевыми элементами национальной инновационной системы России, функционально сопряженными с процессами партийно-электоральной агрегации, выступают человеческий капитал с актуализированной инновационной мотивацией, государственная инновационная политика, как механизм стратегической интеграции субъектов и ценностно-целевой компонент, соотнесенный с культурно-цивилизационным кодом. Аргументировано, что эффективность партийно-электоральной агрегации как института-медиатора между обществом и политической властью снижается вследствие формирования замкнутого цикла инновационных процессов при котором административно-

политическая элита концентрирует функции инициатора, исполнителя и контролера внедрения инноваций. Поэтому данная конфигурация зачастую блокирует внедрение социальных инноваций, в современные политические процессы. (п. 12. паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии «Эволюция партийных и избирательных систем; современные модели политического представительства»).

3. Уточнена специфика политико-инновационного процесса в современной России и его институциональная проекция на партийное строительство. Доказано, что внедрение политических инноваций в партийно-электоральной сфере осуществляется преимущественно через государственно-инициированные и технологически опосредованные механизмы модернизации политического управления. В этом контексте формируется трансформация партийных структур, механизмов политической мобилизации и процессов агрегации общественных интересов.

Установлено, что политико-инновационные процессы в современной России и их проекция на партийное строительство определяются ценностно-опосредованным характером внедрения инноваций в условиях доминирования патерналистской политической культуры. Ключевым ограничением эффективности выступает дефицит профессионалов с высокой политической акторностью, что в сочетании с двойственным положением элиты, являющейся одновременно и инициатором, и тормозом инноваций, блокирует реальную модернизацию партийно-электоральной системы. Аргументировано, что в современных условиях эффективное партийное строительство требует синтеза инновационных стратегий с цивилизационным кодом России и ориентации на азиатские модели модернизации, сохраняющие традиционные ценности (п. 12. паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии «Эволюция партийных и избирательных систем; современные модели политического представительства»).

4. Сформулирован и теоретически обоснован новый концепт партийно-электоральной агрегации как интегрированного механизма институционального и

коммуникационного взаимодействия политических партий, электората и институтов власти, обеспечивающего объединение, трансформацию и политическое представительство общественных интересов в процессе электоральной конкуренции и партийного строительства. Показано, что в отличие от классической трактовки агрегирования интересов как одной из функций партий, концепт акцентирует взаимосвязь партийной деятельности с электоральными механизмами политической мобилизации, политическими технологиями и современными формами политической коммуникации.

Доказано, что данный концепт обеспечивает формирование партийной программы в соответствии с действующим общественным запросом. На этой основе разработаны три модели партийно-электоральной агрегации: политико-маркетинговая, кластерно-сетевая и гражданско-идентичная. Данные модели могут использоваться при анализе социально-политических практик и проектирования электорального поведения. (п.13. паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии «Избирательные кампании, электоральные циклы и избирательные технологии»).

5 Показано, что российский партогенез демонстрирует историческую вариативность реализации партийно-электоральной агрегации. Если в середине 1990-х годов доминировала политико-маркетинговая модель, то с начала XXI века в условиях развития акторно-сетевых и информационных технологий широкое распространение получила кластерно-сетевая модель, при этом политико-маркетинговая модель интегрировалась в новые сетевые схемы, расширяя возможности агрегации, мобилизации и использования информации в электоральной практике.

Проведение контент и дискурс-анализа программ парламентских партий Российской Федерации позволило выявить ключевые особенности современной партийно-электоральной агрегации. Определено, что центральное место в программах всех партий занимает социально-экономическая проблематика. При этом различия между партиями проявляются в используемых дискурсивных стратегиях, интерпретации социальных проблем и способах легитимации программных

положений. В целом российская партийная система характеризуется высокой степенью идеологической гибридности, выражающейся в сочетании различных идеологических и прагматических подходов к мобилизации электоральной поддержки.

Установлено, что идеологическая гибридность сочетается с доминированием базовых моделей партийно-электоральной агрегации: политико-маркетинговой («Единая Россия», «Новые люди»), гражданско-идентичной (КПРФ, «Справедливая Россия») и кластерно-сетевой (ЛДПР). Таким образом, механизмы агрегации в современных условиях реализуются через сочетание институциональных и дискурсивных практик, формируя специфическую конфигурацию партийного пространства и обеспечивая представительство разнообразных социальных интересов.) (п.13. паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии «Избирательные кампании, электоральные циклы и избирательные технологии»).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные в диссертации результаты и сформулированные выводы обладают как теоретической, так и прикладной значимостью. В теоретическом плане они могут быть использованы для дальнейшего осмысления особенностей современной российской демократии, трансформации партийно-электоральных процессов, а также взаимосвязи политических институтов, инновационного развития и политической культуры.

В прикладном отношении материалы исследования представляют интерес для анализа и совершенствования практик политического управления, разработки механизмов партийно-электоральной агрегации, а также могут быть востребованы в экспертной, аналитической и образовательной деятельности.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов в решении прикладных задач современной политической практики. В частности, они могут быть использованы при разработке стратегий внедрения социальных и политических инноваций в деятельности партий, ориентированных на обновление форм взаимодействия с обществом; при совершенствовании

механизмов партийно-электоральной агрегации, направленных на расширение участия граждан в процессах принятия политических решений; а также при выстраивании более эффективного взаимодействия между институтами власти, партийными структурами и гражданским обществом в контексте модернизации политической системы.

Особое значение в данном контексте приобретает гражданско-идентичная модель, которая позволяет более последовательно интегрировать современные информационно-цифровые технологии в политические процессы. Ее использование способствует укреплению обратной связи между государством и обществом и формированию более гибких и адаптивных механизмов политического управления.

Степень достоверности положений и результатов проведенных исследований. Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием широкого круга теоретических и эмпирических материалов в области политологии, экономики, социологии и философии, что обусловлено междисциплинарным характером темы.

Политологическая направленность работы и специфика ее объекта и предмета предопределили применение методологии политического анализа, сочетающей классические теории партийного строительства и электорального поведения с современными подходами к изучению партийно-электоральной агрегации. Это позволило выделить основные модели партийно-электоральной агрегации: политико-маркетинговую, кластерно-сетевую и гражданско-идентичную, что подтверждает обоснованность и научную достоверность полученных результатов.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась в ходе участия автора в ряде научных и научно-практических мероприятий. Основные положения и выводы работы были представлены на конференциях различного уровня и получили положительную оценку научного сообщества.

В частности, результаты исследования обсуждались на научно-практической конференции с международным участием «Патриотизм в современной России в

условиях роста угроз национальной безопасности» (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 17 февраля 2023 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Семейно-демографические проблемы в условиях развития современного российского государства-цивилизации» (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 29 ноября 2024 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Ценностно-патриотические регулятивы в формировании исторической культуры современной молодежи: к 80-летию Великой Победы» (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 28 февраля 2025 г.), VI Международной научно-практической конференции «Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее» (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 20 марта 2026 г.), а также в рамках круглого стола «Патриотизм как консолидирующая основа российского общества и традиционных ценностей» (Таганрогский институт им. А. П. Чехова – филиал РГЭУ (РИНХ), 3 марта 2025 г.) и других научных мероприятий.

Результаты исследования отражены в 6 научных публикациях общим объемом 3,1 п.л., в том числе в 5 статьях, размещенных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (протокол № 4 от 18.12.2024 г.).

Апробация результатов исследования отражена в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

1. Давыдова, Н. С. От «демократического транзита» - к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н. С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063. – DOI 10.35775/PSI.2023.91.3.017.

2. Давыдова, Н. С. Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 4(97). – С. 1523-1530. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.023.

3. Давыдова, Н. С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

Статьи в изданиях, рекомендуемых Ученым советом РАНХиГС.

1. Давыдова, Н. С. Модели партийно-электоральной агрегации в политической жизни современной России / Н. С. Давыдова // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 176-184. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-176-184.

2. Давыдова, Н.С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н.С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308

Иные работы автора.

1. Давыдова, Н.С. Внедрение инноваций в сфере формирования лидеров нового поколения в условиях роста угроз национальной безопасности в современной России / Н.С. Давыдова, Т.П. Вернигорова, Т.А. Узденов // Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности. Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ростов-на-Дону, – 2023. – С. 87-91.

Структура работы.

Диссертационная работа 170 с. включает введение, две главы, пять параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1 Инновации в партийном строительстве: источники, механизмы внедрения, эффективность

1.1 Функциональные характеристики и типологизация политических партий в контексте проекции детерминант инновационного развития на партийное строительство в современной России

Политические партии представляют собой один из ключевых институтов современной представительной демократии, обеспечивающий связь между обществом и государством. Именно через партии осуществляется агрегация и артикуляция социальных интересов, рекрутирование политических элит, формирование общественной повестки и легитимация политического курса.

В условиях системной трансформации социально-политического пространства, сопровождающейся цифровизацией, ростом запроса на инновационные формы политического управления и пересмотром традиционных моделей политического участия, функциональная роль партий приобретает новое звучание. Политические партии оказываются не только субъектами политических инноваций, но и объектами институциональных изменений.

Актуальность обращения к функциональному и типологическому анализу политических партий в контексте инновационного развития России обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, современное партийное строительство сталкивается с системным кризисом, проявляющимся в снижении доверия избирателей, дисфункциональности механизмов агрегации интересов и имитационном характере заимствования западных моделей партогенеза. Во-вторых, государственная инновационная политика, декларирующая приоритет устойчивого опережающего развития, наталкивается на институциональные ограничения, связанные с административно-бюрократическим характером политической элиты, которая замыкает инновационный цикл на себя, выступая одновременно заказчиком, исполнителем и контролером инновационных преобразований. В-третьих, именно политические партии, будучи каналом

трансляции общественных запросов в управленческие решения, оказываются той средой, в которой детерминанты инновационного развития либо получают реальное воплощение, либо блокируются сложившимися институциональными практиками²¹.

Теоретической основой анализа выступает структурно-функциональный подход, разработанный в трудах З. Нойманна, К. Джанды, Г. Алмонда и других исследователей, акцентирующих политическую субъектность партий и их роль в электоральных процессах, а также современная теория организаций, позволяющая идентифицировать партии по таким параметрам, как институционализация, проблемная ориентация, социальная поддержка, организационная сложность, автономия, согласованность, стратегия и правительственный статус.

Типологический инструментарий, предложенный Р. Гантером и Л. Даймондом, представляет значительную эвристическую ценность для анализа российской партийной системы с ее гибридными характеристиками²².

В данном параграфе решаются следующие задачи. Во-первых, на основе структурно-функционального подхода систематизируются ключевые функции политических партий, выделяется их инновационная составляющая. Во-вторых, анализируется эволюция типологий партий и их применимость к идентификации российских партийных организаций. В-третьих, рассматривается проекция детерминант политико-инновационного процесса (стратегических, ценностно-цивилизационных, институционально-правовых и коммуникационных) на институциональные механизмы партийного строительства, что позволяет выявить глубинные противоречия между декларируемыми целями инновационного развития и реальной практикой партийно-электоральной агрегации в современной России. Такой комплексный подход дает возможность не только зафиксировать кризисные явления, но и определить направления трансформации партийной

²¹ Давыдова, Н.С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н.С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – №2. – С. 303-308.

²² Першуткин А. Гантер Р., Даймонд Л. Виды политических партий: Новая типология (Реферат) GUNTHER R., DIAMOND L. Species of political parties: A new typology // Party politics - L. etc., 2003 - Vol. 9, N 2 - P. 167-199 / А. Першуткин // Политическая наука. – 2006. – № 1. – С. 54-60.

системы в направлении ее большей адаптивности, профессионализации и соответствия национальным цивилизационным ориентирам.

Современные партии выполняют несколько ключевых функций, объединяя разные социальные группы и формируя общие позиции и интересы. Они вовлекают граждан в политическую жизнь, стимулируют участие в выборах и общественных инициативах, а также способствуют развитию политической культуры, помогая людям осознавать свои права и обязанности.

На основе структурно-функционального подхода, классических и современных теоретических концепций (З. Нойманн, К. Джанда, Г. Алмонд и др.) в политологической науке выделяются следующие ключевые функции политических партий, которые представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Функции политических партий²³

№	Функция	Содержательная характеристика
1	Агрегация и артикуляция интересов	Выявление, обобщение и систематизация разнородных социальных интересов, трансформация их в единую политическую программу и требования к органам власти.
2	Политическая социализация	Формирование политической культуры граждан, информирование о правах и обязанностях, вовлечение населения в политическую жизнь, воспитание политического сознания и ответственности.
3	Рекрутирование элит	Отбор, подготовка и выдвижение политических лидеров, управленцев и кандидатов на выборные должности, формирование кадрового резерва для государственных структур.
4	Участие в формировании органов власти и контроле за их деятельностью	Выдвижение кандидатов на выборах, участие в формировании парламента и правительства, осуществление парламентского контроля за исполнительной властью, оппонирование действующему политическому курсу.
5	Посредническая (коммуникативная)	Выступление в роли связующего звена между обществом и государством, трансляция общественных запросов в управленческие решения, обеспечение обратной связи между гражданами и властью.
6	Идеологическая (программная)	Разработка и продвижение идеологических доктрин и политических программ, формирование ценностно-целевых ориентиров общественного развития, обоснование стратегических целей и задач.
7	Мобилизационная	Организация и активизация граждан для участия в политической жизни (выборы, референдумы, общественные инициативы, протестные и поддержанные акции), консолидация сторонников вокруг партийных целей.

²³ Составлена автором

8	Инновационная	Внедрение новых технологий и форматов политической деятельности (цифровые платформы, онлайн-коммуникации, краудсорсинговые механизмы, сетевые структуры), адаптация партийных стратегий к изменяющимся условиям социально-политической и технологической среды, генерация и продвижение инновационных подходов к управлению общественными процессами.
9	Легитимационная	Обеспечение общественного признания и поддержки политической системы и институтов власти через участие в электоральных процедурах, придание легитимности результатам выборов и решениям органов государственной власти.
10	Интегративная	Объединение различных социальных групп, этнических и конфессиональных общностей вокруг общенациональных целей и ценностей, снижение уровня социальной напряженности и конфликтности, укрепление гражданского единства.

Представленный перечень функций демонстрирует многомерность партийной деятельности и позволяет заключить, что кризисные явления в современном российском партийном строительстве связаны, в том числе, с дисфункциональностью ряда ключевых механизмов, прежде всего, агрегации интересов, рекрутирования элит и реализации инновационной функции, что обусловлено административно-бюрократической замкнутостью политической элиты и имитационным характером заимствования западных моделей партогенеза.

Партии выступают посредниками между обществом и государством, превращая общественные запросы в реальные решения. Они активно применяют инновационные подходы, используя цифровые инструменты, новые форматы взаимодействия и разнообразные инициативы. Кроме того, партии строят коалиции и объединяют различные силы для реализации стратегических целей²⁴.

Современное партийное строительство сочетает традиционные задачи и инновационные практики, играя важную роль в укреплении политической системы и повышении эффективности взаимодействия между гражданами, политическими организациями и государственными институтами. В последние несколько лет государство, по крайней мере на уровне программных документов, Концепции национальной безопасности, например, и других документов декларирует

²⁴ Мухаметов Д.Р. Политические партии в цифровой реальности. Партии сетевого контроля и сетевой координации // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2021. – № 2 (373). – С. 59–70.

приоритетность для России устойчивого опережающего развития. Более того, запущены значимые национальные проекты в области демографии, науки и образования, которые призваны обеспечить национальную инновационную систему необходимыми ресурсами и человеческим капиталом²⁵. Продолжается развитие и финансирование известных научных центров инновационного развития, таких, например, как Дубна, Пущино, Черноголовка, Протвино, Сколково и др. Вместе с тем, в масштабах страны – это точечные успехи государственной инновационной политики, которые не обеспечивают инновационной системе достаточный толчок и потенциал для выхода из кризиса и прогрессивное развитие.

В целом, к детерминантам развития национальных инновационных систем и политических инноваций в современной политической практике следует отнести такие факторы как:

- наличие адекватной стратегии инновационного развития, учитывающей реальный запрос политических элит и общества;
- адекватная инновационной стратегии идеология инноваций, учитывающая цивилизационную компоненту национальной инновационной системы и ее социокультурное своеобразие;
- распределение политико-экономических полномочий между федеральным центром и регионами, от которых зависят «точки роста» и обеспечения региональных инноваций;
- наличие специальных структур при правительстве РФ по контролю и мониторингу за реализацией национальной инновационной стратегии;
- политико-экономические и правовые механизмы регулирования прав собственности (в том числе интеллектуальной) на инновационные продукты;
- выстроенная система связей между институтами образования, исследовательскими центрами, бизнес-структурами, институтами-медиаторами, политическими центрами принятия решений, гражданским обществом.

²⁵ Рыбалка С.В. Региональные политические элиты в процессах политической модернизации: структурные предпосылки и проблемы трансформации // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 7–8. С. 73–77.

Однако сами по себе они остаются лишь внешними условиями, если не рассматривать их проекцию на институциональные механизмы партийного строительства. Именно партии, будучи каналом агрегации и трансляции общественных интересов, оказываются той средой, в которой указанные детерминанты либо получают реальное воплощение, либо блокируются сложившимися практиками.

Наличие адекватной стратегии инновационного развития напрямую связано с программной функцией партий. Партийные платформы должны содержать не декларативные, а реалистичные механизмы реализации инновационного курса, базирующиеся на актуальной общественной повестке. В российской практике, однако, агрегация интересов нередко превращается в формальную процедуру, а не в содержательный процесс выработки стратегических приоритетов²⁶.

Ценностно-цивилизационная компонента инновационной стратегии требует от партий выработки собственных идеологических конструктов, увязывающих инновационное развитие с национальными интересами и социокультурными ориентирами. Без этого инновационные цели остаются внешними по отношению к массовому сознанию, а партии, транслирующие такие цели, теряют доверие избирателей²⁷.

Распределение полномочий между центром и регионами непосредственно сказывается на положении региональных отделений партий. В условиях гиперцентрализации региональные партийные структуры часто превращаются в административные придатки федеральных органов, утрачивая способность к самостоятельной агрегации локальных интересов²⁸. Между тем именно на региональном уровне формируются «точки роста», что требует децентрализации партийного управления и расширения полномочий местных отделений.

²⁶ Ямбуренко Е.Н. Политические партии как акторы инновационного развития // Социально-политические науки. 2016. – № 2. С. 59–61.

²⁷ Акерманн, Г. А. Инновации как фактор модернизации: концептуальная интерпретация и политические смыслы: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Акерманн Гильем Аймар. – М.: Российский университет дружбы народов. – 2013. – 138 с.

²⁸ Арустамов Л.Г. Избирательные и партийные системы современной России: проблемы и тенденции взаимодействия: политико-правовой анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Арустамов Левон Георгиевич. – М.: Государственный университет управления. – 2010. – 153 с.

Наличие контрольных структур при правительстве, мониторящих реализацию инновационной стратегии, ставит перед партиями вопрос о собственных экспертно-аналитических возможностях. Парламентские партии должны располагать независимыми механизмами оценки государственной инновационной политики, что требует качественного обновления кадрового состава и привлечения профессионалов, способных предлагать содержательные альтернативы.

Правовые механизмы регулирования собственности на инновационные продукты также находят проекцию в партийной деятельности. Партии, представленные в законодательных органах, участвуют в формировании правовой среды, определяющей условия инновационной деятельности²⁹. Именно через партии интересы научных центров и технологических предпринимателей могут быть трансформированы в законодательные инициативы, однако в сложившихся условиях эта функция уступает место лоббизму крупных корпоративных и государственных структур.

Наконец, система связей между институтами образования, исследовательскими центрами, бизнесом и гражданским обществом – это та среда, в которой партии могли бы выступать сетевыми интеграторами. Но традиционная партийная архитектура, ориентированная на электоральные циклы, не всегда готова к этой роли. Необходимы новые форматы работы, позволяющие партиям аккумулировать интеллектуальный и социальный капитал, выходя за рамки узкопартийных интересов.

Таким образом, проекция детерминант на партийное строительство обнаруживает глубинные институциональные противоречия. Каждая детерминанта актуализирует соответствующие функции партий, но их реализация наталкивается на системные ограничения, обусловленные административно-бюрократическим характером элиты, замыкающей инновационный цикл на себя.

²⁹ Ерыгина В.И. Инновационное правовое регулирование российской партийной системы // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-pravovoe-regulirovanie-rossiyskoy-partiynoy-sistemy> (дата обращения: 21.05.2026).

Партийное строительство оказывается не столько драйвером инноваций, сколько пассивным реципиентом, воспроизводящим дисфункциональные практики. Преодоление этой ситуации требует качественной перестройки механизмов межэлитного взаимодействия и пересмотра роли партий в системе политического управления.

Вернемся к партийному генезису. Понятие «политическая партия» входит в научный оборот политических наук во второй половине XIX века, но наибольшее развитие в связи с практическими интересами партийного строительства данное понятие получило в работах К. Маркса, А. Бебеля, Г. Плеханова и др.

Р. Михельс, М. Вебер, М.Я. Острогорский и др. систематизировали теорию политических партий. Партия выступает в рамках указанных теорий не только как социальный институт и политический субъект, партия отражает феномен агрегации интересов общественно-политических групп. Соответственно партия становится институтом, способом и механизмом артикуляции и трансляции определенных идей и идеологий заинтересованной группы лиц, групп интересов и т.д., возможностью выдвижения и продвижения во власть.

В работах М. Я. Острогорского, Р. Михельса, М. Дюверже и др., ставших классикой структуралистского подхода к феномену политической партии, партии рассматривались и классифицировались не столько по идеологическому критерию, сколько в зависимости от присущей им внутренней структуры. Соответственно в рамках социально-политических наук появляется понимание, что власть неодинаково распределяется внутри партийных образований, а концентрируется в руках партийных лидеров. Генезис политических партий связывается с феноменом промышленной революции, демократизацией и всеобщими выборами³⁰.

Структурно-функциональный подход акцентировал в определении феномена партии ее политическую субъектность, а также функции и возможности влияния народа на действующую власть посредством электоральных процессов и

³⁰ Растимешина Т.В. Политические партии: основные подходы к определению понятия, природа и функции / Т.В. Растимешина, А.С. Епифанов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. –2017. –№1 (13). – С. 148-158.

институтов (З. Нойманн). То есть партия, посредством участия в выборах ведет политическую борьбу с целью успешной конкуренции с другими группами интересов, а также с целью получения доступа и установления контроля над правительством и структурами политического управления.

Структурно-функциональный подход акцентировал в теории партии и партийного строительства функции партийно-электоральной агрегации интересов общественных агентов, поскольку именно благодаря и посредством электоральных процессов партия ведет конкурентную борьбу за власть.

Более широкое и развернутое определение политической партии можно найти, например, в работах К. Джанда, который понимает под партией любую организацию, которая создана с политической целью и в своей деятельности направлена на завоевание позиций в государственной власти³¹. Это определение позволяет интерпретировать как партийные организации более широкий круг общественно-политических объединений, что соответствует специфике партийного строительства в России³².

В качестве типологии партий по характеру политической стратегии К. Джанга предлагает выделять партии с состязательной, сдерживающей или подрывной стратегией³³.

Для идентификации политической партии вводятся такие социально-политические параметры как:

– институционализация, которая отражает генезис и актуальное состояние партии. Высокая институционализация политических партий указывает, как правило, на социально-политическую стабильность в обществе;

– проблемная ориентация, которая отражает идеологическую позицию партии по ключевым политическим вопросам. Чаще всего политическая позиция в самом общем виде идентифицируется по шкале «правая – левая». Слишком

³¹ Janda K. Political parties: A cross-national survey. – London, New York: Collier-Macmillan, The Free press, 1980. – XVIII, 1019 p.

³² Растимешина Т. В. Указ. соч.

³³ Janda K. Указ. соч.

широкий спектр и диапазон партий по данной шкале свидетельствует об относительной разобщенности и нестабильности в обществе;

– социальная поддержка. Данный параметр указывает на атрибутивное свойство партии агрегировать и отстаивать социальные интересы группы, сообщества и т.д. То есть партия отражает интересы стоящих за ней социальной группы.

– организационная сложность, централизация власти отражается в характере организации партии и степени концентрации власти. Для идентификации партий по данному критерию социологи и политологи используют современную теорию организаций;

– автономия, важный параметр, который указывает, является ли партия независимой организацией или она, например, выступает как партия власти. Здесь имеет значение как, из каких источников партия финансируется и т.д.

– согласованность и вовлеченность, параметры, которые отражают степень внутрипартийной координации и единства через выявление сплоченности и фракционности внутри партии.

– стратегия и тактика, это параметры, которые могут меняться с течением времени. Партии могут использовать в начале своего продвижения во власть более агрессивные стратегии, а затем переходить на умеренные и даже консервативные позиции.

– правительственный статус. Данный параметр выявляется посредством электорального статуса партии по количеству поданных за нее голосов. Вместе с тем, он может определяться и по степени участия партии в работе правительства³⁴.

Следует отметить, что попытки классифицировать и типологизировать политические партии по разным основаниям и критериям в рамках социально-политических наук постоянно продолжаются. Это связано с тем, что:

³⁴ Janda K. Political parties: A cross-national survey. – London, New York: Collier-Macmillan, The Free press, 1980. – XVIII, 1019 p.

– качественно-количественные характеристики партий отражают параметры социального времени и породившей их эпохи. Соответственно новые реалии порождают новые характеристики партий и партийных объединений;

– партии выражают интересы и запросы избирателей, которые так же исторически меняются в процессе социального развития и смены поколений. Соответственно это сказывается на характере, идеологии и стратегии партий.

– партии управляются и используют в политической борьбе современные им политические и технологические средства. Соответственно качественный прогресс социально-политических технологий и методов политического управления ведет к изменению существенных характеристик политических партий.

Так, например, Гантер Р. и Даймонд Л. «выделяют 15 типов партий, которые включены в различные виды политических партий: партии элит (elite-based parties), массовые партии (mass-based parties), этнические партии (ethnic-based parties), электоральные партии (electoralist parties) и партии движения (movement parties)»³⁵.

Партии элит развивались от партий традиционной местной элиты, которая не требовала развитой инфраструктуры и опиралась на личные связи, авторитет, а также немногочисленный электорат обеспеченных граждан, к клиентельным элитным объединениям. Современные партии элит носят клиентельный характер. Поскольку избирательное право расширило электоральные возможности граждан и географию, современные партии элит представляют объединение нескольких партикулярных фракций по географическому, социально-экономическому, персональному и др. признакам. В целом, для партий элит характерна слабо развитая инфраструктура и идеология, поскольку межэлитное и внутриэлитное взаимодействие основано на личном авторитете и межличностных связях.

Массовые партии можно разделить на два основных типа: плюралистические массовые партии и протогегемонистские массовые партии. Плюралистические партии не стремятся к радикальным преобразованиям политической системы,

³⁵ Першуткин А. Гантер Р., Даймонд Л. Виды политических партий: Новая типология (Реферат) GUNTHER R., DIAMOND L. Species of political parties: A new typology // Party politics - L. etc., 2003 - Vol. 9, N 2 - P. 167-199 / А. Першуткин // Политическая наука. – 2006. – № 1. – С. 54-60.

действуют в рамках существующих демократических процедур, опираются на массовое членство и поддержку электората с целью реализовать свою идеологию и политические цели в результате политической борьбы. Для партий этого типа характерно наличие вспомогательных структур в виде профсоюзов, религиозных организаций и т.д., которые обеспечивают им сторонников и массовое членство. Протогегемонистские массовые партии преследует более радикальные цели, связанные со сменой, радикальной трансформацией политического режима, поэтому для них характерна более четкая и жесткая идеология и дисциплина, радикальная политика³⁶.

Разнообразие видов современных партий можно свести к основным видам, названия которых достаточно репрезентативны:

– Классовые массовые социально-демократические партии, например, социально-демократические партии Германии, Швеции, Чили др. Это партии с открытым членством. Основная линия внутрипартийной борьбы проходит между реалистами прагматиками, нацеленными на победу в предстоящих выборах и идеологами, сосредоточенными на идейном обеспечении и программных документах.

– Ленинистские партии ориентированы на революционные преобразования существующего строя, поэтому руководство партией носит авторитарный идеализированный характер, а членство в партии – селективный характер. Такие партии выступают как правило от имени рабочего класса, а в случае прихода к власти - от имени народа.

– Плюралистические националистические партии опираются на массовое членство, религиозно-культурные организации и определенные этнические группы, в целях отстаивания политического и социокультурного самоуправления.

– Крайне националистические партии ориентированы на захват власти в целях обеспечения доминирования одной нации над остальными. Для партий

³⁶ Ерыгина В.И. Инновационное правовое регулирование российской партийной системы // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-pravovoe-regulirovanie-rossiyskoj-partiynoy-sistemy> (дата обращения: 21.05.2026).

такого вида характерны: интенсивная индоктринация членов партии, харизматический авторитарный лидер, жесткая иерархия и дисциплина, высокий уровень селективности.

– Конфессиональные массовые партии, например, христианско-демократические партии Западной Европы, ориентированы на религиозные ценности. Соответственно в рядах сторонников такой партии могут возникать споры по поводу интерпретации религиозных догм и канонов. В целом такие партии организованы по принципу либерально-демократических, но с идеологией, коррелирующей с религиозными постулатами.

– Фундаменталистские партии опираются на жесткую иерархию власти, нетерпимость к инаковости, религиозные догмы, которые навязываются всему социуму в качестве единственно верных. Такие партии отождествляют религию и государство, поэтому в случае победы, они превращают страну в религиозный институт.

– Этнические партии защищают интересы определенной этнической группы³⁷. Организационная структура таких партий слабо развита. Они опираются на формальное членство, ограниченное этническими группами.

– Конгрессные партии – коалиция этнических партий, которые выступают за национальное единство, интеграцию различных этносов³⁸.

– Электоральным партии не имеют четкой идеологии и структуры, заинтересованы только в победе на выборах посредством привлечения как можно большего электората. Соответственно они декларируют максимально широкий спектр общественных интересов, чтобы получить мандат на власть.

– Программные партии ставят основной целью мобилизацию уже существующего электората, который поддерживает их идеологию и программу. В отличие от партий, ориентированных на агрегацию новых интересов и идей,

³⁷ Матвеева Е. В. Политические партии и объединения: учебное пособие / Е. В. Матвеева. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 219 с. [Электронный ресурс – Лань: электронно-библиотечная система]. Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/30053> (дата обращения: 17.01.2025).

³⁸ Там же.

программные партии сосредоточены на организации электоральной поддержки в рамках своей идеологии и политической программы.

– Персоналистские партии. В таких партиях наблюдается высокая степень централизации власти вокруг лидера, что ограничивает роль партийных структур и институциональных механизмов. Они организованы вокруг фигуры определенного политического лидера, например, президента страны, который позиционируется как человек, способный разрешить кризисную ситуацию, «спасти страну». Такие партии чутко реагируют на изменения в общественных настроениях и стремятся адаптировать свою стратегию и риторику в соответствии с ожиданиями и потребностями потенциальных избирателей. Соответственно в деятельности обозначенного типа партий нередко присутствует демагогия и популизм. Вместе с тем, при высокой харизме лидера, который наделен властью и ресурсами, персоналистические партии получают преимущества в политической борьбе, преодолевая конкуренцию за счет многочисленности и активности электората, использования административного ресурса в предвыборной гонке.

– Партии-движения, среди которых есть партии, акцентированные на социальной солидарности и системе прямого участия (Левوليбертальные партии без централизованного управления. И постиндустриальные крайне правые партии, выступающие критиками социальной политики правительства и вмешательства государства в экономику. Лидеры таких партий обладают непререкаемым авторитетом для членов партии³⁹.

Обозначенная современная типология политических партий является полезной для анализа российской партийной системы, поскольку российские партии имеют сходные структурно-функциональные черты в виду изначального демократического транзита, попытках имитировать западное социально-демократическое политическое устройство. Вместе с тем, цивилизационная и

³⁹ Першуткин А. Гантер Р., Даймонд Л. Виды политических партий: Новая типология (Реферат) GUNTHER R., DIAMOND L. Species of political parties: A new typology // Party politics - L. etc., 2003 - Vol. 9, N 2 - P. 167-199 / А. Першуткин // Политическая наука. – 2006. – № 1. – С. 54-60.

культурно-историческая специфика России, как будет показано далее, значительно повлияла на отечественный партогенез.

Итак, структурно-функциональный подход акцентировал в теории партии и партийного строительства функции партийно-электоральной агрегации интересов общественных агентов, поскольку именно благодаря и посредством электоральных процессов партия ведет конкурентную борьбу за власть. Соответственно рабочее определение политической партии с учетом российской специфики на основании комплексного структурно-функционального подхода и современной теории организаций позволяет понимать под партией не только институционализированные парламентские партии, но и более широкий круг общественно-политических организаций, ведущих политическую борьбу за власть, возможность представлять и отстаивать интересы стоящих за партией людей, контролировать действующее правительство, участвовать в политическом управлении страной.

Следует отметить, что актуальный процесс инновационного развития и социально-политической модернизации России, как показывают данные социально-политического и экономического мониторинга и экспертный научный анализ, претерпевает кризис.

В числе факторов, обуславливающих кризисные тенденции, следует особо отметить разработку и проведения инновационных преобразований в России по западным образцам в рамках концепции демократического транзита, без учета отечественной цивилизационной специфики, традиционного культурно кода, исторического генезиса институтов власти и общественно-политического управления.

Политической системе России для эффективности на современном этапе необходим, прежде всего, человеческий капитал – класс профессионалов, политических управленцев и менеджеров, которые бы обладали инновационным

стратегическим мышлением, постденежной мотивацией, высокой политической акторностью и ориентацией на общенациональные интересы⁴⁰.

Для иллюстрации инновационной функции политических партий в России можно обратиться к конкретным практикам последних лет. Наиболее системный опыт в этой сфере накоплен «Единой Россией», которая последовательно внедряет цифровые инструменты в электоральные и коммуникационные процессы.

Прежде всего, это касается процедуры предварительного голосования (праймериз), которая с 2026 года впервые проводится полностью в онлайн-формате. Голосование организовано на специальной платформе PG.ER.RU, а для участия требуется авторизация через портал «Госуслуги». В 2021 году эта система, работающая на технологии блокчейн, охватила более 6 миллионов избирателей и продемонстрировала устойчивость к кибератакам. Опыт «Единой России» в развитии этого инструмента рассматривается как вклад в защиту технологического суверенитета страны.

Для постоянного взаимодействия с гражданами партия развивает мобильное приложение «ВВЕРХ.ПРО». Платформа позволяет муниципальным депутатам обмениваться опытом, получать юридическую поддержку и координировать реализацию инициатив. В регионах приложение используется для сбора обратной связи от населения и отслеживания активности партийных структур.

Другие партии также осваивают цифровые каналы. ЛДПР одной из первых создала официальный канал в национальном мессенджере МАХ, рассматривая его как платформу для прямого диалога с гражданами без посредников.

Приведенные примеры показывают, что российские партии, прежде всего «Единая Россия», последовательно наращивают инновационную составляющую своей деятельности. Внедряются не только отдельные цифровые продукты, но и целостные механизмы, охватывающие как внутрипартийные процедуры (электронные праймериз), так и внешние коммуникации (мобильные приложения,

⁴⁰ Рудой В.В., Понделков А.В., Старостин А.М. Проблема эффективности политического руководства современными модернизационными процессами в России: элитологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2010. – № 4. – С. 6–12.

мессенджеры). Однако, как уже отмечалось, эффективность этих инноваций во многом ограничивается институциональной средой и характером взаимодействия политической элиты с обществом⁴¹.

Для эффективного проведения государственной инновационной политики, данный класс профессионалов должен стать основой для обновления политической элиты в России, поскольку современная политическая элита носит преимущественно административно-бюрократический характер и использует административный ресурс и инновационный потенциал страны для собственного воспроизводства в рамках коррупционных теневых схем в ущерб реальной социально-политической и промышленной модернизации⁴².

Иначе говоря, анализ процесса и результатов модернизации социально-политической системы России показывает, что государственная бюрократия, политические элиты и другие политические акторы инновационных процессов нередко используют административный ресурс в целях сохранения собственных привилегий и достижения частных интересов в ущерб общегосударственным национальным интересам. Инновационный запрос российской политической элиты, по факту, не носит стратегического трансформационного характера, не имеет адекватной ценностно-целевой компоненты.

Обозначенная ситуация усугубляется двойственным положением политической элиты, которая выступает не только субъектом, но и объектом социально-политических преобразований. Более того, административно-политическая элита, опираясь на цивилизационную специфику и традиции российской власти, которая исторически не возникала как результат общественных договоренностей, как это было на Западе, а занимала обособленное от народных интересов положение, осуществляет так же финальную экспертную оценку своей инновационной деятельности. То есть, выступая в одном лице заказчиком,

⁴¹ Кшов А. С. Политическая коммуникация как производная идейно-функциональной программтики политических партий / А. С. Кшов // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 7(95). – С. 3377-3384. – DOI 10.35775/PSI.2023.95.7.009.

⁴² Леньков Д.А. Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 3. – С. 191–197.

инициатором, исполнителем и контролером процесса и результата инноваций, административно-политическая элита полностью замыкает инновационный цикл на себя. Поэтому, несмотря на отдельные стратегические инициативы и декларацию верных приоритетов, государственная инновационная политика не привела Россию к мировому лидерству на базе устойчивого опережающего социально-экономического развития. Более того, актуальный экспертный научный анализ выявил системную разбалансировку социально-экономической и политической системы современной России, отсутствие эффективных моделей социально-политического и межэлитного взаимодействия (административных, интеллектуальных, бизнес-элит, элиты гражданского общества и т.д.), как фундаментального условия и предпосылки развития национальной инновационной системы⁴³.

Современное партийное строительство в России сталкивается с системными кризисами, обусловленными как наследием «демократического транзита», так и цивилизационно-историческими особенностями страны, что требует разработки национально-специфических моделей партийного развития и модернизации политической системы.

1.2 Политические инновации в партийно-электоральной агрегации: ключевые элементы, институциональные противоречия и механизмы трансформации

В рамках параграфа предполагается выявить особенности современного партийного строительства в их взаимосвязи с процессами политических инноваций и партийно-электоральной агрегации. Анализ исходит из того, что цифровое измерение партийного строительства позволяет раскрыть не только институциональные параметры деятельности политических партий, но и

⁴³ Скорикова А. А. Сравнительный анализ партийных систем России и зарубежных стран: выявление тенденций и перспектив развития / А. А. Скорикова, А. А. Крицкая // Политика и право, государство и экономика в условиях глобальных трансформаций: Сборник докладов II Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 ноября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. – С. 162-166.

динамические аспекты их взаимодействия с обществом, государством и другими акторами политического процесса посредством инновационных технологий. В центре внимания находятся такие функции, как агрегация и артикуляция интересов, политическая социализация, рекрутирование элит, участие в формировании органов власти и контроле за их деятельностью, а также инновационная функция, проявляющаяся в способности партий адаптироваться к изменяющимся условиям, осваивать новые коммуникативные технологии и выступать проводниками политических нововведений. Особый акцент делается на специфике реализации указанных функций в условиях современной российской партийной системы, характеризующейся доминированием «партии власти», ограниченной конкуренцией и активным использованием цифровых платформ в электоральных процессах.

Политические инновации в современной России формируются в результате сложного взаимодействия институциональных условий, структуры партийной системы и социально-культурной среды⁴⁴. В этом контексте партийно-электоральная агрегация выступает не только как механизм объединения разнородных интересов в партийные программы, но и как пространство, в котором возникают и апробируются новые политические практики.

Прежде всего, важную роль играет конфигурация самой партийной системы. В ситуации, когда ключевые ресурсы и значительная часть электорального влияния сосредоточены у партии власти, а оппозиционные структуры обладают более ограниченными возможностями, складываются специфические условия для поиска новых форм политической деятельности. Это выражается в экспериментах с форматами коммуникации, электоральными стратегиями и содержанием программ. При этом региональные различия заметно влияют на характер таких изменений: на местах инновации нередко развиваются неравномерно, в зависимости от политической и социальной специфики территории⁴⁵.

⁴⁴ Писеуков, Д.В. Политическая стабильность: понятие факторы, инновации / Д.В. Писеуков // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2024. – № 1. – С. 41-44.

⁴⁵ Степанова С. С. Политические инновации как фактор изменений института парламентских партий в современной России / С. С. Степанова // PolitBook. – 2022. – № 2. – С. 182-194.

Не менее значимым фактором является изменение самого электорального поведения. Повышение информированности граждан, распространение цифровых каналов коммуникации и новые формы выражения политических предпочтений постепенно меняют ожидания избирателей. В этих условиях партии вынуждены пересматривать привычные способы взаимодействия с обществом, искать более гибкие инструменты мобилизации и учитывать более сложную структуру общественных запросов.

Существенное влияние оказывают и институциональные рамки. То, какие именно нововведения могут прижиться в партийной работе и насколько широко они распространятся, во многом определяется устройством институциональной среды. Избирательное законодательство, порядок финансирования партий и сложившиеся административные практики задают здесь рамки: в одних случаях они ограничивают возможные изменения, в других – создают для них пространство.

Не меньшее значение имеют технологические сдвиги. Цифровые платформы, инструменты аналитики, социальные сети – все это заметно меняет подходы к партийной деятельности. У партий появляются новые возможности для работы с аудиторией, отслеживания настроений и принятия решений, что неизбежно сказывается на том, как они выстраивают свои стратегии.

У партий появляется возможность точнее отслеживать общественные настроения, сегментировать электорат и выстраивать более адресные формы политического воздействия, что напрямую влияет на характер агрегации интересов.

Наконец, общий социально-экономический и культурный контекст также играет свою роль. Рост активности гражданского общества, усложнение социальной структуры и увеличение разнообразия общественных запросов стимулируют партии к поиску новых форм представительства и взаимодействия с различными группами населения⁴⁶.

⁴⁶ Туркова Я. К. Особенности влияния деятельности политической элиты современной России на развитие социальных инноваций гражданского общества / Я. К. Туркова, Г. Д. Ревягин // Институциональные трансформации

Таким образом, политические инновации в сфере партийно-электоральной агрегации представляют собой многослойное явление, возникающее на пересечении институциональных условий, технологических изменений и общественных трансформаций. Их анализ позволяет рассматривать инновации не только как способ адаптации партий к меняющейся среде, но и как важный фактор постепенного обновления самой политической практики⁴⁷.

Современные российские практики формирования и внедрение политических инноваций осуществляется в рамках закрепленных в нормативно-правовых актах исходных политико-стратегических начал. Так, в новой редакции Конституции РФ подчеркивается, что «высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы» (ст.3); «в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (ст.13); а также «идеологическое многообразие» (ст.13)⁴⁸. Эти положения создают правовую основу для функционирования партийной системы и институциональных механизмов агрегации интересов.

Дополнительно на формирование инновационной политической практики влияют целевые регуляторы, закрепленные указами Президента РФ. Например, Указ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ставит целью защиту России от социокультурных угроз и сохранения традиционных ценностей, одновременно определяя рамки для адаптации партийных стратегий и электоральных технологий. При этом данные регулятивы, как правило, носит характер общих ориентиров и стратегических принципов, оставляя конкретные методы, технологии и учет специфики региональных и

общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее : сборник докладов V международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2025. – С. 296-300.

⁴⁷ Мищенко Я.П. Российские политические инновации / Я.П. Мищенко, П.С. Захарова // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее: Сборник трудов четвертой международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09–22 февраля 2024 года. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – С. 167-170.

⁴⁸ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 19.04.2026).

социальных условий в прерогативе политических институтов и лидеров, которые опираются на накопленный опыт политической практики и результаты эмпирических исследований.

Исходные политико-стратегические начала рационального подхода к проблемам: в новой редакции Конституции РФ, подчеркивается, что «Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы» (ст.3); «В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (ст.13)⁴⁹.

Для достижения поставленных в диссертационном исследовании задач, необходимо обратиться к теоретическим научным работам по инноватике. Необходимо отметить, что инноватика как междисциплинарная область знания активно развивается в социально-гуманитарных науках в XXI веке. Этому активно способствуют как социально-экономические и гуманитарные кризисы (кризис 2008-2010 гг., кризис на фоне пандемии, постковидная реальность и попытки геополитической «переделки мира»), так и беспрецедентное развитие науки и техники, которые детерминируют поиски новых путей и подходов к решению актуальных проблем современности, разработку моделей не только «догоняющего рывка», но и устойчивого опережающего развития, перехода к пятому и шестому экономическому укладу.

Содержательно понятие инновации подразумевает разработку и внедрение качественно новых, обеспечивающих качественный прорыв технологий организации как человеческой жизни в целом, так и новые принципы развития ее отдельных систем и подсистем. На практике, это выражается прежде всего в развитии новых высокотехнологичных производств, построении новых цифровых экономик, основанных на ценности информации и знания, переход к обществу постиндустриального информационного типа.

⁴⁹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет- портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 19.04.2026).

Поскольку инновации исторически инициируются и разворачиваются прежде всего в социально-экономическом пространстве, исследованию инновационных моделей и путей развития посвящены многочисленные работы, репрезентирующие социально-экономические взгляды на проблемы инновации. Вместе с тем, очевидно, что инновации не происходят абсолютно спонтанно, не внедряются в жизнь сами по себе, а тесно связаны со сферой политического, прежде всего государственного управления. Поэтому политическая инноватика не только дополняет сферу социально-экономической инноватики, но и во многом задает условия и перспективу развития, внедрения тех или иных моделей и концепций инновации и модернизации на уровне стран, народов, регионов, в глобальном масштабе. Политическая инноватика, таким образом выступает как область стратегической сферы социально-гуманитарных наук и частью реальной политики⁵⁰.

Политизации понятия «инновация», расширению его трактовки в качестве социально-экономического и технико-теологического феномена способствовало понимание того, что управление инновационной деятельностью выходит за рамки отдельных компаний и производств и носит общенациональный стратегический характер. Поэтому инновации всегда имеют политическую подоплеку, которую способен выявить комплексный политологический и междисциплинарный анализ.

Инновации предполагают качественные преобразования на всех уровнях власти и общества, а не только в экономической и технико-технологической сферах. В этом контексте политологическая интерпретация инноваций выявляет двойное позиционирование таких политических субъектов как государство, политические элиты и лидеры. Они, с одной стороны, являются инициаторами и авторами проектов инновационного развития на законодательном уровне – инновационной политики. И, вместе с тем, являются основными объектами модернизации и демократических преобразований. Двойное позирование наделяет обозначенные субъекты не только властными полномочиями по разработке и продвижению инноваций, но и способностью использовать инициированные

⁵⁰ Пронин Э. А. Социально-политические аспекты инноватики в управлении современной Россией / Э. А. Пронин // Право. Экономика. Безопасность. – 2016. – № 2(8). – С. 119-121.

процессы и выделяемые на цели стратегического развития ресурсы в узкокорпоративных интересах, снижать эффективность механизмов реализации стратегических приоритетов страны. Ситуация усугубляется тем, что государственный контроль за процессами инновационного развития так же находится в ведении политических элит, поэтому их моральные и профессиональные качества влияют на финальную экспертизу полученных в процессе модернизации страны результатов⁵¹.

Это, в свою очередь ставит проблему контроля управляющих элит со стороны гражданского общества, развития механизмов политического участия для граждан России, анализа и корректировки процессов современного партийного строительства и трансформации традиционных политических партий.

Таким образом, внедрение инноваций требует не только разработки и реализации новых политических стратегий, но и преодоления сопротивления со стороны тех, кто заинтересован в сохранении существующего статус-кво, неспособен адекватно отвечать изменившимся вызовам и условиям времени⁵².

В качестве основных субъектов политических инноваций, от которых зависит процесс и результат претворения инновационного посыла в социокультурную действительность выступают прежде всего: политическая элита, включая политических лидеров, политические партии, гражданское общество, институты-медиаторы.

Следует отметить так же ведущую роль государства в разработке и проведении инновационной политики в жизнь. Это связано прежде всего с тем, что:

– государство обладает необходимым потенциалом, объемом и концентрацией ресурсов для инициации и поддержания инноваций. Инновации требуют значительных инвестиций в фундаментальную науку и высокотехнологичное производство, которые имеют долгие сроки окупаемости и,

⁵¹ Терещенко В. В. Политическая инновация как коммуникативный процесс: восприимчивость элит к нововведениям / В. В. Терещенко // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 131-143. – DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-3-131-143.

⁵² Давыдова Н. С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н. С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308.

соответственно, не могут опираться только на поддержку частного бизнеса и общественные инициативы.

– государство отвечает за разработку и обеспечение стратегических национальных интересов. Инновации и модернизация экономики в первую очередь должны обеспечить страну и национальную экономику конкурентными преимуществами на мировых рынках, стать фундаментом устойчивого прогресса в социально-экономической сфере, что должно выражаться в конечном итоге в повышении уровня и качества жизни его граждан.

– государство не только олицетворяет, но и является выразителем общенациональной идеи, отражающей основу национального единства и своеобразия. Соответственно государственный контроль и участие в инновационном развитии страны необходим для предотвращения иностранной идеологической экспансии, которая нередко сопровождает попытки копирования чужого социально-экономического проекта и опыта, во имя сохранения национальной идентичности и развития собственного уникального национального проекта.

Немаловажно, что инновационная политика государства и характер инноваций могут подразумевать разную степень и объем вмешательства и поддержки в процессы модернизации страны. Поэтому некоторые теоретики инновационного развития справедливо считают, что чрезмерный контроль и вмешательство со стороны государства может придавать инерцию нововведениям, тормозить инновации. Так, например, чрезмерное центрирование вокруг государства в процессе формирования инновационных кластеров может исказить структуру и характер коллаборации акторов, придавая системе вертикальный вектор и ограничивая рыночную конкуренцию⁵³.

Вместе с тем, можно согласиться и с противоположной точкой зрения, согласно которой в период проведения инновационной перестройки экономики

⁵³ Yashkova T. A. Инновационная политика в контексте структурных изменений экономики Российской Федерации первой половины XXI века / Т. А. Yashkova // *Innovation Management and Technology in the Era of Globalization: materials of the international scientific-practical conference* : материалы международной научно-практической конференции. Vol. I : Региональная Академия Менеджмента, 2014. – P. 36-42.

рынок носит неустойчивый характер не может являться единственным регулятором процесса нововведений в социально-экономической сфере⁵⁴. Бесконтрольное заимствование со стороны государства существующих «западных» образцов инновационного развития способно оказаться бесплодной имитацией старого, а не порождением нового. Поэтому первостепенное значение в этом вопросе имеет баланс «вмешательства – невмешательства» государства в инициирование и проведение инноваций в жизнь. Логично предположить, что оптимальным альтернативным вариантом является государственная поддержка и контроль на уровне разработки государственной инновационной политики, которая обеспечивает стратегическое направление, и вместе с тем, предоставляет достаточную свободу инновационным кластерам в выработке тактических решений на уровне конкретного взаимодействия и коллаборации⁵⁵.

Вопрос о том, являются ли инновации результатом объективного технико-экономического давления или же они преимущественно следуют общественному запросу на модернизацию и нововведения, продолжает вызывать теоретические споры⁵⁶. По нашему мнению, данные факторы взаимно обусловлены, поскольку прогресс технологий, инфраструктурные, геополитические изменения и т.д., актуализирующие конкуренцию на международной арене и делающие инновационное развитие безальтернативным для государств, стремящихся сохранить технико-технологический и политический суверенитет и мировое лидерство детерминируются такими социальными субъективными факторами как общественные настроения, идеологические установки, запрос общества на

⁵⁴ Будущее России: новая индустриализация или сырьевая модель / Московский экономический форум. – 2013 – 20 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://me-forum.ru/media/events/plenary-panel-discussion-ii/> (дата обращения 17.04.2024).

⁵⁵ Давыдова Н. С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н. С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308.

⁵⁶ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.; Field, A. As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution / A. Field // The Journal of Economic History. – 2002. – 62(02). – Pp. 634-636. DOI:10.1017/S0022050702000979; Freeman, C. Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics / C. Freeman. – Edward Elgar Pub, 2008. – Pp. 257.

перемены, политическая воля лидеров, уровень легитимности политической власти и т.д.⁵⁷.

Реальные инновационные процессы в политической сфере возникают на пересечении интересов общества, государства, бизнеса и политических элит. Эффективное взаимодействие между этими участниками является ключевым условием успешного внедрения новшеств.

Обратимся к западному и восточному опыту внедрения инноваций, который демонстрирует различие подходов, обусловленных культурными, институциональными и экономическими особенностями. В западных странах, таких как США и Германия, инновации преимущественно развиваются через рыночные механизмы: стартапы, венчурное финансирование, конкуренцию и стимулирование индивидуальной инициативы. Сравнение подходов к развитию инноваций показывает, что эффективные модели могут быть разными. В США, например, Кремниевая долина стала центром технологического предпринимательства во многом благодаря частным инвестициям и гибкому регулированию – это позволяет новым разработкам быстро проходить путь от идеи до внедрения.

В Японии и Южной Корее избрали иную стратегию, более централизованную. Там государство и крупный бизнес действуют согласованно, совместно планируя долгосрочные программы. Японская промышленная политика 1970–1990-х годов строилась на партнерстве государства и корпораций, что помогло активно развивать робототехнику и электронику. Южная Корея сделала ставку на стратегическое планирование и целевое финансирование научно-исследовательских разработок, что позволило создать глобально конкурентоспособные технологические компании.

Заложенный К. Фриманом в конце XX века теоретический посыл системного инновационного развития был воплощен в XXI веке и получил практическую

⁵⁷ Давыдова Н. С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н. С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308.

проверку на опыте развитых западных стран и «азиатских тигров»⁵⁸. Суть концепции национальных инновационных систем можно свести к следующему:

- инновации оказывают решающее значение на конкурентоспособность страны и рост ее экономики;
- инновации зависят от влияния и взаимодействия социально-экономических, социально-политических, социокультурных институтов;
- инновации опираются на систему приращения научно-технического и гуманитарного знания и человеческий капитал⁵⁹.

При этом национальная система понимается как система национальных институтов, их связей и взаимоотношений, то есть включает структурно-функциональный и институциональный аспекты.

Принципиально, что между всеми элементами системы должно обеспечиваться высокоуровневое инновационное взаимодействие. Система не только создает некий инновационный продукт, но обеспечивает соответствующую инфраструктуру, условия и многоуровневые связи, которые становятся гарантом продвижения продукта на рынок, получения его конечными потребителями – претворения инноваций в жизнь. Соответственно национальная инновационная политика играет в этом цикле производства и внедрения инноваций ключевую роль, так как регулирует институциональный, правовой, финансовый статус национальной инновационной системы.

Таким образом, государственная инновационная политика является ключевым фактором в развитии национальных инновационных систем. Она обеспечивает необходимые ресурсы, способствует интеграции инновационных систем и влияет на конкуренцию как внутри страны, так и на международной арене. Эффективная государственная поддержка создает благоприятные условия для инноваций, стимулирует экономический рост и улучшение социокультурной жизни страны.

⁵⁸ Freeman C. The Economics of Industrial Innovation – 3rd Edition, The MIT Press, 1997.

⁵⁹ Басов С.В., Илюхина И.Б. Национальные инновационные системы: формирование концепции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 8. – С. 57–62.

На уровне государственной инновационной политики государство осуществляет прямую и косвенную поддержку инноваций. То есть, в сферу государственного политического регулирования входят задачи по стимулированию инновационной активности субъектов (например, налоговое стимулирование), созданию соответствующей инфраструктуры, поощрения фундаментальной науки и наукоемких производств, организацию научно-исследовательских центров и лабораторий, организацию инновационных кластеров, а также обеспечение соответствующего спроса на инновационные продукты и инновации в целом в стране.

На современном этапе развития России очевидно, что успех инноваций зависит не только от экономических вливаний, но и от ценностно-целевой составляющей, которую можно назвать идеологией инноваций, интегрированной в национальную идею страны⁶⁰.

Положительным примером корреляции между стратегическими целями инновационного развития и национальными традициями можно считать инновационное развитие ведущих азиатских стран, которые нашли адекватное сочетание внедрения инноваций с целью технико-технологического прорыва и сохранения культурно-цивилизационного своеобразия «азиатских тигров», обеспечив тем самым инновациям прочный идеологический этический фундамент и легитимацию на уровне общественного сознания, культурного менталитета нации⁶¹.

В целом, государственная инновационная политика предусматривает целевое финансирование НИОКР, госзаказы на выполнение НИОКР, создание институтов развития, а также стратегический выбор приоритетов инновационного развития, обеспечение благоприятного климата в выбранных приоритетных направлениях и правового поля взаимодействия между элементами национальной инновационной

⁶⁰ Старостин А. М. Инновационные аспекты в электоральной политике современной России / А. М. Старостин, А. В. Понделков, Е. Н. Тованчова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 5(156). – С. 132-137.

⁶¹ Вотченко Е. С. Социальное инвестирование как инновационный механизм взаимодействия власти и бизнеса в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Вотченко Е. С. Краснодар: Южный федеральный университет. – 2017. – 263 с.

системы. Следует так же отметить, что государство обеспечивает такой параметр инновационной деятельности как безопасность. С этой целью разрабатываются соответствующие политик-правовые инструменты, в том числе законы и механизмы, обеспечивающие защиту авторского права и интеллектуальной собственности на инновационные продукты и технологии⁶².

Перечень приоритетных направлений инновационного развития, состоящий из 52 пунктов, был впервые опубликован в Российской Федерации в 2002 году и пересматривается каждые 4 года.

Следует отметить, что для успешной реализации обозначенных задач политического управления и регулирования, а также реализации национальных стратегических интересов, государство должно иметь эффективную систему обратной связи и мониторинга инновационного развития. Одним из элементов мониторинга спроса на инновации на уровне общества можно считать институт опроса общественного мнения. Так, например, результаты опросов общественного мнения, проводимых ВЦИОМ по теме инноваций. Так, например, согласно опросу ВЦИОМ «шесть из десяти россиян убеждены, сфера инноваций и технологий в России сегодня на подъеме – 63% (в том числе 7% отмечают, что она в расцвете, 56% - постепенно развивается). За два года положительный тренд укрепился (2021 г. – 55%). Одновременно с этим сократилась доля россиян, критически оценивающих отечественную сферу инноваций и технологий, с 24% в 2021 г. до 17% в текущем периоде»⁶³.

Вместе с тем, результаты опроса экспертов и общества по вопросам модернизации политической системы современной России, как будет показано далее, свидетельствуют, что эффективность данной модернизации оценивается ниже, чем эффективность инновационной деятельности государства в области экономики, науки и технологий.

⁶² Старостин А. М. Инновационные треки репрезентации науки и научной политики во взаимодействии национальной инклюзивности и глобальной динамики / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 201-206.

⁶³ Общественный интерес к науке и технологиям. 20 ноября 2023. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennyi-interes-k-nauke-i-tekhnologijam> (дата обращения: 27.05.2024).

Согласно анализу индикаторов инновационной деятельности, представленному в статистическом сборнике за 2024 год, уровень инновационной активности организаций невысок и демонстрирует незначительную положительную динамику: 2019 – 9,1%; 2020 - 10.8%; 2021 - 11.9%; 2022 - 11.0%⁶⁴. При этом в числе наиболее значимых факторов, которые препятствуют инновациям, указаны не только общеэкономические факторы, но и внутренние факторы: «Низкий инновационный потенциал организации. Недостаток квалифицированного персонала. Недостаток информации о новых технологиях. Недостаток информации о рынках сбыта. Неразвитость кооперационных связей. Несоответствие приоритетам организации»⁶⁵, что поднимает проблему, прежде всего, развития человеческого капитала как основного условия успешного продвижения инноваций в современной России.

Принимая во внимание вышеобозначенные факторы и политический бэкграунд инноваций, можно сделать вывод об актуальной необходимости корреляции моделей партийно-электоральной агрегации и инновационного развития России. Партийные элиты, как ключевые субъекты политического процесса, должны играть активную роль в продвижении инновационной повестки, формировании общественного запроса на нововведения и обеспечении политической поддержки для реализации инновационных проектов. Это требует не только стратегического планирования и разработки инновационных политик, но и создания механизмов для их эффективного воплощения в жизнь через политические и социальные институты⁶⁶.

С теоретико-методологической точки зрения развития темы следует работы К. Фримена, который один из первых ввел и распространил понятие НИС в 1980-х годах. Он определял НИС как «сеть институтов в государственном и частном секторах, чья деятельность и взаимодействие иницируют, импортируют,

⁶⁴ Индикаторы инновационной деятельности: 2024: статистический сборник / В.В. Власова, Л. М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 260 с.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Давыдова Н. С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н. С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308.

модифицируют и распространяют новые технологии» С. Меткалф определил НИС как «совокупность различных институтов, которые совместно и по отдельности вносят вклад в развитие и распространение новых технологий... Это система взаимосвязанных институтов для создания, хранения и передачи знаний, навыков, которые определяют новые технологии»⁶⁷

Ростовская школа инноватики, представленная прежде всего работами А.М. Старостина, также внесла значительный вклад в разработку теории и выработку прикладных рекомендаций в области политической социально-гуманитарной инноватики⁶⁸.

Можно выделить основные социально-гуманитарные инновации современности, в числе которых непосредственное отношение к теме нашего исследования имеют такие инновации как:

- «концепция и технологии формирования социального государства;
- концепция, технологии и практики ненасильственных действий;
- технологии и инструментарий программирования поведения в организациях и базовых видах деятельности (PR, HR, GR, НЛП и т. д.);
- сервисная модель госуправления («гибкая власть»), ее реализация в технологиях «электронной демократии», «электронного правительства»;
- программа мультикультурализма и формирования толерантной межнациональной среды;
- концепция и политический проект гуманизации отношений к человеку и различным группам меньшинств со стороны государства и местных обществ (права человека, права женщин, права детей, права пожилых людей, права безнадёжных

⁶⁷ Богдан Н.И., Корзун Т.С. Инновационные системы: секторальный подход как условие современной промышленной политики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 6. – С. 11–19.

⁶⁸ Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели / А.М. Старостин // в сборнике трудов Международной научной конференции «Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. – 512 с.; Старостин, А. М. Политологические инновации в контексте социально-гуманитарной инноватики / А. М. Старостин // Конфликтология. – 2013. – № 3. – С. 178-189; Старостин, А. М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления / А. М. Старостин // Государственная служба. – 2012. – № 5(79). – С. 52-54.

больных и др.)»⁶⁹, – подчеркивает присущую социально-гуманитарным и политическим инновациям ценностно-целевую компоненту.

Соответственно инновации можно классифицировать как «белые», «серые» и «черные» по критерию их гуманистической направленности и ценностно-целевой компоненте. К белым инновациям можно отнести те, которые направлены на развитие человеческого капитала в целом и гуманизацию социально-политической сферы. Серые подразумевают направленность на реализацию интересов определенных групп и страт, поэтому они не могут быть свободны от социально-политических манипуляций, но осуществляют их в рамках определенного политико-правового поля. Черные инновации используют методы жесткой манипуляции и деструктивно воздействуют на психику оппонентов, объектов манипуляции. Это технологии черного пиара, нейролингвистического программирования, с элементами суггестии, моббинг, психотеррор и т.д. Черные инновационные технологии широко используются в информационных войнах с целью победы любой ценой, невзирая на существенный вред, который они наносят психике отдельного человека и структурам общественного сознания⁷⁰.

Согласимся, что инновации как качественное преобразование действительности не всегда оказывают прогрессивное конструктивное воздействие на сферу, в которой они реализуются. В этом так же можно усмотреть политический контекст, поскольку инновации иницируются, как правило в интересах определенных групп, сообществ, стран, наций т.д. То есть в данном контексте они связаны с политической борьбой определенных субъектов за власть, влияние, лидерство. Поэтому, как нам представляется, абсолютно белые инновации выступают идеальным типом и меняют свой «цвет» в практике применения, поскольку утрачивают свою универсальную этическую направленность на благо всего человечества. Более того, следует учитывать долгосрочный и отсроченный эффекты внедрения тех или иных новшеств в жизнь отдельных людей, стран и

⁶⁹ Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели / А.М. Старостин // в сборнике трудов Международной научной конференции «Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. – С. 7.

⁷⁰ Там же.

человечества в целом. Большинство технико-технологических инноваций так или иначе востребованы индустрией войны и производства оружия, что на практике может быть использовано как в наступательных агрессивных действиях, так и для поддержания паритетности и баланса, в целях сдерживания конфликтов.

Отметим так же тот факт, что инициаторы качественных прорывов не всегда могут предугадать реальные последние своих инновационных введений. Отсюда вывод, что по критерию ценностно-целевого воздействия и применения инновационных продуктов, инновациям присуща амбивалентность, что не отрицает присущего им ценностно-целевого компонента, но акцентирует политический контекст и моральную ответственность иницирующих социально-гуманитарные инновации субъектов.

Способность общества к инновациям во многом определяется его институциональными структурами, называемыми «метаинститутами». Они формируют правила и принципы работы социальных и экономических систем, выходя за рамки ежедневных потребностей. К таким структурам относятся парламент и фондовая биржа, которые задают нормы «игры» в политике и экономике, а также научные организации, чьи открытия меняют существующие парадигмы и способы понимания действительности.

Инновационные возможности общества во многом зависят от того, как устроены его основные институты – например, парламент, биржа, научные центры. Они задают правила, по которым работает экономика и политика.

Политические и партийные элиты тоже влияют на внедрение нового. Через законы, госпрограммы и финансирование они направляют инновации, укрепляют свое положение и развивают экономику. Важно, чтобы лидеры умели быстро адаптироваться и управлять переменами. При этом нельзя забывать о ценностях. Инновации должны служить обществу, а не только отдельным группам⁷¹.

Необходимо сосредоточить внимание на ценностной направленности инноваций, отдавая предпочтение общественным интересам перед частными,

⁷¹Сергеев В. М. Инновации, демократия и логика конкуренции / В. М. Сергеев // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 108-113.

чтобы сочетать устойчивое развитие с прорывным характером модернизации и укреплять социальную справедливость в России.

Вторичный анализ данных социологических исследований, опросов общественного мнения на предмет инноваций позволяет сделать вывод, что запрос на инновации со стороны общества, развитие идеологии инноваций в период с 2019 по 2024 годы опережает динамику инновационного развития России.

С политологической точки зрения важно еще раз отметить, что двойное позиционирование политических субъектов (совмещение ими функций инициаторов государственной инновационной политики и объектов управленческого инновационного воздействия) порождает ролевой конфликт и выступает существенным тормозом на пути инновационного преобразования современной России. Это обусловлено тем, что их качественные характеристики не соответствуют задачам инновационного прорыва и детерминируют их поведение как регрессивной силы, противодействующей реформам и модернизации, в силу заинтересованности в удержании собственной власти.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что политические инновации в современной России представляют собой многоаспектное социально-политическое явление, порождаемое взаимодействием структурных, институциональных, культурно-социальных и технологических детерминант. В рамках партийно-электоральной агрегации инновации выступают не только как механизм адаптации партий к изменениям электоральных предпочтений, но и как фактор институциональных трансформаций, способствующий реконфигурации политической практики в условиях усложняющейся политической среды и цифровизации общественно-политических процессов.

Теоретически этот вывод коррелирует с современными исследованиями политических инноваций, в которых подчеркивается важность рассмотрения инноваций не как «линейных» технологических изменений, а как комплексного феномена, включающего институциональные, идеологические и нормативные измерения политического процесса. В российской научной литературе отмечается, что инновации в электоральной политике изучаются через призму изменения

избирательных технологий, организационных процедур и правового регулирования, что отражает актуализацию институционального анализа в политической науке XXI века.

Вместе с тем, национальная инновационная система (НИС) в политическом измерении выступает важным аналитическим ориентиром, позволяющим рассматривать политические инновации как часть целостного процесса модернизации, включающего взаимодействие государственных институтов, политических партий, гражданского общества и гражданского капитала. Современные исследования национальных инновационных систем подчеркивают, что эффективность инновационного развития определяется качеством связей между различными элементами политико-социальной системы и синергией институциональных акторов⁷².

В результате можно утверждать, что политическая инноватика выступает не только инструментом обновления партийно-электоральной практики, но и стратегическим компонентом национальной инновационной политики, тесно увязанным с легитимацией власти, развитием электоральной культуры и модернизацией институтов государственного управления. Это требует не только углубленного теоретического осмысления, но и разработки интегративных методологических подходов, синтезирующих концепты партийных систем, электоральной социологии и национальных инновационных систем.

1.3 Специфика политико-инновационного процесса в современной России и его проекция на партийно-электоральную агрегацию

В рамках настоящего параграфа предполагается рассмотреть специфику политико-инновационного процесса в современной России и ее проекцию на партийно-электоральную агрегацию. Политико-инновационный процесс в данном

⁷² Головацкий Е.В. Политические нововведения: ресурсное обеспечение в современном российском обществе: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук: 23.00.02 / Головацкий Е. В. – Кемерово, – 2009. – 278 с.

контексте понимается как совокупность последовательных этапов инициации, разработки, апробации и институционализации новых политических практик, технологий и институциональных форм, обеспечивающих адаптацию политической системы к изменяющимся условиям внутреннего и внешнего контекста. Ключевым теоретическим допущением выступает положение о том, что политические инновации не могут быть сведены к технико-технологическим новшествам в сфере управления, но включают в себя ценностно-целевой компонент, отражающий специфику национальной модели политического развития.

В параграфе рассматривается специфика политико-инновационного процесса в современной России и его влияние на партийное строительство. Политическая система анализируется по аналогии с национальной инновационной системой, что позволяет рассматривать политическую инноватику как стратегический компонент государственной политики. Особое внимание уделяется двойственному положению политических элит, выступающих одновременно инициаторами и объектами инновационных преобразований. Выявлены основные детерминанты политических инноваций, включая конфигурацию партийной системы, цифровизацию электоральных процессов, институциональные рамки и качество человеческого капитала. Показано, что успешность партийного строительства напрямую зависит от наличия профессионалов с постденежной мотивацией и высокой политической акторностью. Сделан вывод о необходимости синтеза инновационных стратегий с историко-цивилизационными особенностями России и ценностно-целевыми ориентирами общества.

Как уже было отмечено в тексте предыдущего параграфа, политическую систему мы рассматриваем по аналогии с национальной инновационной системой, со всеми присущими ей атрибутами, структурными компонентами и связями соответствующего уровня.

Специфика политико-инновационного процесса в современной России проявляется в том, что внедрение новых идей, форм управления и социальных инициатив тесно связано с особенностями партийной системы. Особенностью

политико-инновационного процесса в современной России проявляется в том, что внедрение новых идей, форм управления и социальных инициатив тесно связано с особенностями партийной системы. Политические партии в России, наряду с государственными институтами, выступают ключевыми посредниками между обществом и властью: они собирают и формируют общественные запросы, адаптируют их к текущей политической практике и одновременно внедряют собственные инновационные решения в партийно-электоральную деятельность.

В современных условиях партии сталкиваются с необходимостью оперативно реагировать на быстро меняющиеся социальные и технологические условия. Для этого они используют цифровые инструменты коммуникации, экспериментируют с новыми форматами взаимодействия с избирателями и ищут более гибкие организационные решения. В результате традиционные иерархические структуры постепенно трансформируются в сетевые и адаптивные организации, способные учитывать интересы различных социальных групп и внедрять инновационные политические практики⁷³.

Эти изменения показывают, что развитие партийной системы в России невозможно рассматривать изолированно от социальных и технологических трансформаций. Эффективность партий зависит от их способности адаптироваться, внедрять новшества и выстраивать продуктивное взаимодействие между государственными институтами, политическими организациями и обществом в целом.

Как уже было отмечено в тексте предыдущего параграфа, политическую систему мы рассматриваем по аналогии с национальной инновационной системой, со всеми присущими ей атрибутами, структурными компонентами и связями соответствующего уровня.

Следует так же отметить, что инновации, государственная инновационная политика, модернизация политической, в том числе партийно-электоральной, системы и т.д. являются актуальным предметом исследования социально-

⁷³ Парма Р.В. Тренды развития политических партий в цифровой среде коммуникации // Власть. – 2023. – № 4. – С. 121–125.

гуманитарного знания и темой политологических исследований за последние двадцать лет, актуальность политического анализа темы не только не снижается, но все более возрастает в связи с такими факторами как:

– углубление современного социально-экономического кризиса, вызванного сначала пандемией, а затем геополитическим переустройством мира. Если быть более точными, то современный кризис имеет кумулятивный эффект, он выступает во многом следствием череды кризисов, начиная с дефолта 1998 года, финансового кризиса 2008 года, «санкционного» 2014 года, постковидного 2020 года, кризиса, спровоцированного началом специальной военной операции на территории Украины в феврале 2022 и военным конфликтом США, Израиля и Ирана. Соответственно современный геополитический кризис системно отражается во всех сферах социально-политической реальности и наследует проблемы предшествующих кризисов.

– накопленный опыт и данные социально-политических мониторингов по проблеме инноваций, что позволяет не только оценить текущие результаты, но и проследить определенную динамику развития инновационных процессов, выявить корреляции между предпринимаемыми мерами по реализации инновационной политики и конкретными результатами, которые были достигнуты в результате политических решений и проводимых реформ;

– развитие центров политической инноватики, которые являются поставщиками нового знания в данной междисциплинарной области, позволяют осуществить анализ темы на основании новых подходов, новых теоретико-методологических моделей, т.е. осуществить актуальный научный синтез по теме.

– фактор интенсификации социального времени, который отражает беспрецедентную скорость развития социально-политических процессов, возникновения новых акторов, параметров и переменных их взаимодействия, постоянной перестройкой политических сетевых конфигураций и т.д.

– необходимость теоретико-методологического моделирования актуальной социально-политической реальности, поиска теоретико-методологических

ориентиров в решении насущных проблем на основе актуальных параметров осмысления и анализа⁷⁴.

Применительно к теме нашего исследования, детерминантой социально-экономического развития и инноваций выступают прежде всего люди, обладающие необходимыми знаниями, навыками, информацией и мотивацией. Это так же подтверждает тезис о ценностно-целевой компоненте инноваций.

Актуальная оценка социально-экономического развития в России, прозвучала на XII Грушинской международной социологической конференции: «Специалисты отмечают цикличность в социально-экономическом развитии России: отставание – экзистенциальный вызов – модернизационный рывок – отставание... Сегодня Россия вновь стоит перед экзистенциальным вызовом. Ключевым исследовательским вопросом является выявление культурно-поведенческого потенциала и реальной возможности совершения российским обществом нового модернизационного рывка без возвращения в колею привычного цикла»⁷⁵.

Генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров отметил, что современная социальная ситуация в России характеризуется глубокими и многогранными изменениями на всех уровнях общественной жизни. По его мнению, эти трансформации порождают новые социальные и политические противоречия, с которыми необходимо работать, чтобы обеспечить устойчивое развитие общества. Федоров подчеркнул, что в этих условиях формируется новая «норма» общественного взаимодействия, которая требует внимательного изучения⁷⁶. Важно понять, как она интегрируется в существующую социальную структуру и какие механизмы адаптации используют люди на разных уровнях общественной жизни. По мнению эксперта, системное наблюдение за этими процессами и выработка

⁷⁴ Ирсетская Е. А. Современная экономическая культура в поисках оптимального баланса развития: по материалам XII Международной социологической Грушинской конференции / Е. А. Ирсетская, А. Г. Тюриков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 4(170). – С. 332-342. – DOI 10.14515/monitoring.2022.4.2249.

⁷⁵ Общество в поисках баланса: Материалы XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 23–27 мая 2022 года / отв. ред. А. В. Кулешова; Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения». – М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2022. – 308 с.

⁷⁶ Федоров В. Гендиректор ВЦИОМ рассказал о росте социального оптимизма в России / В. Федоров; РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250618/rossiya-2023599373.html> (дата обращения: 21.05.2026).

рекомендаций по адаптации граждан к новым реалиям становятся ключевыми задачами для исследователей и государственных институтов⁷⁷.

Условиями перехода к новому более прогрессивному социально-экономическому укладу выступает также формирование нового вида, класса, страты собственников, которые, в отличие от собственников материально-технического капитала, являются собственниками человеческих ресурсов. В последнем случае речь идет о профессионалах, менеджерах, управленцах, в том числе профессионалах политического управления.

Иначе говоря, инновационные процессы в России, наряду с многими уже обозначенными факторами в значительной степени детерминированы наличием и действиями профессионалов, которые должны иметь:

- достаточно высокую численность;
- высокий доход в соответствии с высоким уровнем образования;
- высокий уровень человеческих ресурсов;
- постденежную мотивацию;
- достаточно высокую политическую акторность.

Две последние характеристики следует подчеркнуть, поскольку это непосредственно работает на тему диссертационного исследования.

Научная дискуссия, развернувшаяся в мае 2022 года по проблеме человеческого капитала (XII международная Грушинская социологическая конференция. Секция «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?»), выявила, что класс профессионалов, от которых зависит успех инноваций, в России имеет низкие качественно-количественные показатели. Только 6% от общего числа профессионалов обладают всеми указанными параметрами⁷⁸. Недостаточность выявляется по таким значимым

⁷⁷ Ирсетская Е. А. Современная экономическая культура в поисках оптимального баланса развития: по материалам XII Международной социологической Грушинской конференции / Е. А. Ирсетская, А. Г. Тюриков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 4(170). – С. 332-342. – DOI 10.14515/monitoring.2022.4.2249.

⁷⁸ XII международная Грушинская социологическая конференция. Секция «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2022/chelovecheskij%20kapital_Latov_Tihonova.pdf (дата обращения: 18.05.2024).

параметрам как доходность образовательного капитала, постденежная мотивация и политическая акторность.

Концепт Т. Шульца и Г. Беккера о доходности от образования на практике был дополнен пониманием, что на качество человеческого капитала влияет не только исходный уровень образования, но и, например, способность и мотивация к непрерывному обучению, самоорганизации, добросовестность и т.д.⁷⁹

«Социология образования помогает понять, почему резкий рост в 1990-2000-е молодых работников с вузовскими дипломами не привел к «российскому чуду». Для объяснения отставания наших российских профессионалов надо обратить внимание на проблему третьей образовательной революции»⁸⁰. Так, если первая образовательная революция привела к появлению элитного образования. Вторая – к появлению системы образования – к всеобщему начальному и среднему образованию. Вторая революция в основном завершилась в развитых странах в конце XX века. Третья образовательная революция – это переход не только к системе всеобщего высшего образования, но, что немаловажно, к системе непрерывного образования.

Ряд проведенных социологами и политологами научных и статистических исследований выявляет, что недостаток профессионалов в сфере политического управления, организации процессов политического участия, партийно-электоральной агрегации существенно тормозит инновации в России и модернизацию ее политической системы.

Если, согласно теориям постиндустриального общества и человеческого капитала, принять тезис, что мировое лидерство и конкурентоспособность России зависит в настоящее время не столько от внедрения новых технологий в промышленности, сколько от уровня развития человеческого капитала, то акцент государственной инновационной политики должен быть перенесен в направлении

⁷⁹ Корицкий А. В. Истоки и основные положения теории человеческого капитала // Креативная экономика. – 2007. – № 5. – С. 3-10.

⁸⁰ Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия? : стенограмма секции XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 25 мая 2022 г. / программные директора: Ю. Латов, Н. Тихонова. – URL: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2022/chelovecheskij%20kapital_Latov_Tihonova.pdf (дата обращения: 21.05.2026)

формирования класса профессионалов, в том числе и профессионалов политического управления, а так же разработки моделей их эффективного взаимодействия в рамках социально-экономического и социально-политического поля.

С одной стороны, цифровизация социально-экономического пространства, переход к новому экономическому укладу (пятому и шестому) формирует запрос на профессионалов. А, с другой, у профессионалов формируется соответствующий запрос к адекватным условиям труда и дохода от высоких профессиональных компетенций. Царюк Д.А. резюмирует, что «предоставление на работе условий, учитывающих реализацию социальных навыков и потребностей граждан, выходит на первое место. Так как гражданин должен обеспечить себя знаниями и навыками для использования новейших технологий и выполнения современных задач, ему необходимо непрерывное образование»⁸¹.

Следует отметить, что в настоящее время государство инициировало ряд важных национальных проектов, в числе которых проект «Демография», включающий меры по поддержке системы обучения и переобучения для граждан России разного возраста⁸². Данный национальный проект можно считать адекватной реакцией на социально-экономический запрос по организации непрерывного образования с целью повышения качественно-количественных характеристик человеческого капитала. Вместе с тем, как показывают результаты социально-политических исследований, предпринимаемых усилий оказывается явно недостаточно для того, чтобы от догоняющего развития перейти к развитию устойчивому и опережающему.

Выявляя и оценивая детерминанты современного российского социально-политического кризиса, следует так же отметить, что именно в кризис общество ожидает от институтов власти и политического управления наиболее активных и

⁸¹Царюк Д. А. Баланс между устойчивым экономическим развитием страны и адаптацией высокотехнологичных производств согласно социальным навыкам и потребностям гражданина РФ в XXI веке / Д. А. Царюк // Общество в поисках баланса: Материалы XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 23–27 мая 2022 года / отв. ред. А. В. Кулешова; Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения». – М.: ВЦИОМ, 2022. – С. 237-240.

⁸²Национальные проекты России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/?mobile=1> (дата обращения: 29.05.2024).

эффективных решений и действий. Кризис – это ситуация неопределенности, поэтому, наряду с использованием политического опыта прошлого, она требует принципиально нового моделирования ситуации. На первый план выходит такой параметр социально-политического взаимодействия как доверие граждан политической власти. Если при этом действия властей не являются адекватными возникшей ситуации, происходит дефицит доверия, что усугубляет социально-экономический кризис и кризис власти⁸³.

Опрос ВЦИОМ от 24 мая 2024 года выявил, что «Владимиру Путину доверяют 81,1% опрошенных россиян, одобряют его работу на посту Президента РФ 78,7%»⁸⁴. Согласно другому актуальному опросу «8 из 10 россиян полагают, что Владимир Путин сможет обеспечить стабильность в нашей стране (80%, +13 п.п. с января 2022 г.) и ее развитие (79%, +15 п.п. с января 2022 г.). По мнению 76%, у действующего главы государства есть продуманный план действий по улучшению экономической ситуации в стране, в начале позапрошлого года так считали только 60%»⁸⁵.

Это достаточно высокий показатель, который выступает свидетельством того, что россияне полагаются в кризис, прежде всего на государство и общенационального лидера, а также на партию власти. В этом можно проследить и отражения цивилизационного евроазиатского типа России, в котором доминирует ориентация на коллективизм, традиционные ценности и политическая культура с элементами «подданнической» культуры, а не западной индивидуалистической культуры активного политического участия.

⁸³Тюриков А.Г. Сетевые инструменты формирования доверия населения к деятельности органов власти в кризисных ситуациях // Ирсетская Е. А., Тюриков А. Г. Современная экономическая культура в поисках оптимального баланса развития: по материалам XII Международной социологической Грушинской конференции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022 № 4. С. 332–342. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2249>.

⁸⁴ Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий. 24 мая 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-24052024> (дата обращения: 28.05.2024).

⁸⁵ Президент Путин: оценки и отношение граждан. 06 мая 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezident-putin-ocenki-i-otnoshenie-grazhdan> (дата обращения: 18.05.2024).

В пользу последнего вывода свидетельствуют результаты соцопроса, проведенные среди россиян 27 февраля 2024 года: «Согласно опросу ВЦИОМ, для россиян по их собственному определению социальная справедливость – это в первую очередь социальные гарантии – 50% (равенство, равные возможности – 21%, социальная поддержка граждан – 10%, улучшение жизни пенсионеров, снижение пенсионного возраста – 9%, доступная и бесплатная медицина и образование – 6% и 3% соответственно, а также поддержка молодых семей, семей с детьми – 1%). 23% россиян определяют социальную справедливость через экономические гарантии (повышение уровня жизни – 10%, отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными – 6%, благополучие граждан – 3%, а также вознаграждение каждому по труду, наличие рабочих мест, доступные цены)»⁸⁶. Немаловажно, что «часть россиян вкладывают в понятие социальной справедливости гарантии стабильности и развития – 7% (порядок и безопасность – 5%, развитие регионов, уверенность в завтрашнем дне) и гарантии власти – 4% (честность, открытость перед народом, гласность – 3%, близость власти к народу)»⁸⁷.

Согласно результатам мониторинга «Семья как ценность», выполненного по заказу Экспертного института социальных исследований «крепкая семья – наиболее важная ценность для 67% россиян. 82% выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, культуру материнства и отцовства, 76% - за преемственность семейных традиций»⁸⁸.

Как видно, из приведенных данных семья, общение с близкими, порядок и безопасность, стабильность, социальные и экономические гарантии, патернализм власти и т.д. доминируют.

⁸⁶ Социальная справедливость: мониторинг. 27 февраля 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 28.05.2024).

⁸⁷ Социальная справедливость: мониторинг. 27 февраля 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 28.05.2024).

⁸⁸ Семья как ценность. 24 января 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 28.05.2024).

Можно отметить, что в стране не сформировался класс профессионалов с постденежной мотивацией, высокой политической акторностью, так необходимый для постиндустриализации и модернизационного рывка. Есть основания полагать, что недостаток профессионалов имеет критическое значение и сказывается на качественно-количественных показателях современных российских, в том числе партийных элит.

Это так же означает, что модернизация социально-политической системы, осуществляемая в России без учета ее культурно-цивилизационной специфики и ценностно-целевого компонента, не будет эффективной. В этом ключе России более подходят аналоги моделей инновации, осуществляемые в развивающихся странах Азии, поскольку они внедряют технические новшества с учетом национального своеобразия и цивилизационной уникальности, не разрушая традиционного для своей страны аксиологического фундамента.

Как нам представляется, инновация и модернизация – это процесс, открытый и в прошлое, и в будущее. В прошлое - потому, что он опирается на традиционный для страны менталитет, аксиологическую основу, которые находят отражение в характере общественного запроса, социальных ожиданий и моделях социально-политического взаимодействия. В будущее – потому что модернизация определяется целями и перспективами будущего развития, стратегическими национальными интересами и проектом будущего, который формируется на уровне элит и общества.

Согласимся с мнением В.Г. Федотовой, что «культура начинает привлекать внимание и выходить на передний план тогда, когда становится политической силой»⁸⁹. В современной России, как показывает анализ данные социально-политических мониторингов, роль культуры в процессах инновационных преобразований, ценностно-целевая компонента инновация важна и существенна.

⁸⁹ Федотова В. Г. «Глядя из будущего» как методология прогнозирования российских перспектив / В. Г. Федотова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2022. – № 2. – С. 3-9.

В рамках социально-политических наук обоснованно утвердилась точка зрения, что исторический генезис отношений между властью и обществом, обществом и государством в России воспроизводят в разные исторические эпохи одни и те же характерные черты:

– Государство в России всегда носило патерналистский характер и существовало относительно обособленно от общественных интересов.

– Модернизационные процессы в России инициировались и проводились «сверху». При этом власть вынуждена была опираться в проведении реформ на исторически сформировавшиеся черты общинного российского менталитета.

– Генезис российских институтов власти существенно отличался от генезиса института власти западных стран. То есть, государство в России не возникло как институализация общественных договоренностей и не находилось под общественным контролем как это было на Западе.

– Западные образцы модернизации не имели успеха на российской почве, претерпевали в процессе заимствования существенные деформации под влиянием «цивилизационного кода», традиционного уклада России, оказывались во многом контрпродуктивными преобразованиями⁹⁰.

То есть, современная Россия нуждается в актуальном анализе и разработке моделей инновационного развития, прежде всего, учитывающих ее цивилизационное своеобразие, исторический опыт и традиционный менталитет.

Следует еще раз акцентировать внимание и исследовательский интерес на тезисе о двойственном положении политической элиты, действующей государственной власти, административно-бюрократических структур в качестве инициаторов инноваций и, одновременно, в качестве объектов, на которые направлена модернизация. Это придает обозначенным политическим субъектам способность в значительной степени как положительно, так и отрицательно влиять

⁹⁰Егоров, В. Г. Цивилизационные предпосылки политической и социально-экономической эволюции России / В. Г. Егоров // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 3. – С. 21-54. – DOI 10.18384/2224-0209-2018-3-903.

на ход модернизации в России, что существенным образом (чаще отрицательно) сказывается на результатах проводимых в стране социально-политических реформ.

Современные социально-политические исследования показывают, что эффективность инновационной политики и инновационных преобразований зависит прежде всего от элитных и межэлитных моделей взаимодействия, от качества запроса элит на инновации и инновационного проекта политических элит.

Как показывает социально-политический анализ и свидетельствуют данные мониторингов, современная Россия близка к критической точке окончательной утраты лидерства в области фундаментальных научных исследований, технологий и т.д. То есть из сверхдержавы с высоким потенциалом и сырьевыми ресурсами, благодаря действием современных политических элит, страна оказалась не способна на необходимый модернизационный рывок. «По экспертным оценкам Россия обладает более чем 30 % мирового ресурсного потенциала. В то же время ее научно-инновационный потенциал сократился за последние 20 лет более чем втрое и составляет ныне менее 3 % от мирового. Что, с одной стороны, не позволяет реализовывать требуемые адекватные оборонные программы, обеспечивающие национальную безопасность и программы глубоко-технологичной переработки ресурсного потенциала. С другой стороны, это ведет к быстрому росту рисков утраты ресурсов и территорий»⁹¹.

Указанные проблемы напрямую проецируются на партийное строительство. Под влиянием цифровизации традиционные иерархические партийные структуры постепенно трансформируются в сетевые и адаптивные формы, однако в российской практике этот процесс носит противоречивый характер: внедрение цифровых инструментов (онлайн-праймериз, мобильные приложения) сочетается с сохранением жесткой вертикали управления, ограничивающей реальную автономию региональных отделений. Инновационные технологии открывают новые каналы агрегации интересов — краудсорсинговые платформы, онлайн-опросы, цифровые приемы обратной связи. К сожалению, в российской партийной

⁹¹ Старостин А.М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении. Монография. / А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. – 704 с. – С. 345.

системе эти механизмы нередко носят имитационный характер, поскольку реальное агрегирование интересов подменяется административным согласованием позиций в рамках вертикали власти⁹².

Инновационный характер управления требует качественно иного подхода к рекрутированию партийных кадров, однако на практике оно по-прежнему строится на принципах лояльности и административной целесообразности, а не профессиональной компетентности. И как следствие, механизмы партийно-электоральной агрегации продолжают воспроизводить дисфункциональные практики, ориентированные не на общественные интересы, а на самосохранение элитных групп. Преодоление данного противоречия требует не просто внедрения отдельных цифровых инструментов, а системной трансформации, включающей качественное обновление политической элиты⁹³, пересмотр моделей межэлитного взаимодействия и переход к национально-ориентированным механизмам агрегации интересов, учитывающим цивилизационную специфику и ценностно-целевые ориентиры российского общества.

Этому способствовали и способствуют следующие, напрямую связанные с качеством и действиями российских элит, факторы:

– На протяжении долгого времени ориентация социально-политических элит на заимствование западных моделей и имитацию «просвещенной демократии» в ущерб национальным интересам России.

– Неоднократно отмечалась закупка «второсортных» технологий за рубежом в ущерб развитию собственной материально-технической и интеллектуальной базы для создания отечественных инновационных продуктов. Очевидно, что это снижает конкурентоспособность страны, подрывает основания развития российского бизнеса в таких стратегически значимых областях как

⁹² Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян / Е. В. Бродовская, С. Е. Заславский, А. Ю. Домбровская, В. А. Лукушин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 1(173). – С. 96-120. – DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2254.

⁹³ Кузнецов В.Ф. Подготовка и обучение партийных кадров в современных условиях // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2024. – Т. 15, № 4 (45). – С. 38–41.

биотехнологии, оборона, космос, информационная безопасность и т.д., и, в конечном итоге ставит под угрозу национальную безопасность и суверенитет.

– Социально-экономические издержки реформ, их слабая социально-политическая результативность и отдача подрывает основания социального доверия к власти, социальной стабильности, социального благополучия граждан России. Соответственно возникает опасность и риск протестных настроений и выступлений, что, в свою очередь, еще больше снижает уровень социальной стабильности и национальной безопасности страны.

– Бюрократическая вертикаль власти, бюрократическая элита образует в современной России само замкнутую группу, в руках которой сосредоточено управление государственными ресурсами и одновременно политический контроль над качеством исполнения, результатами реализации государственной инновационной политики. Такое положение бюрократической элиты, которая связана теневыми коррупционными механизмами с бизнесом, делает ее неподконтрольной обществу и непрозрачной, зарытой для научно-интеллектуальной элиты России.

– Научно-интеллектуальная элита, независимое экспертное сообщество, в свою очередь, лишено не только ресурсного обеспечения для продвижения и реализации инновационных проектов и идей, но и реально работающих механизмов по представлению своих инициатив во власть. Тот факт, что административно-бюрократическая элита, имитирует научную экспертность (наличие у более половины высших чиновников ученых степеней) позволяет ей выступать не только иницирующим, финансирующим, контролирующим инновации субъектом, но самостоятельно обеспечивать экспертизу результатов собственной деятельности, замыкая весь цикл инновационного процесса на себя.

– Так называемый элитный запрос и инновационный проект у государственной бюрократии отсутствует, точнее, как было обозначено ранее, он сводится к минимизации расходов бюджета на финансирование отечественных исследований и закупке устаревших технологий за рубежом. Вместе с тем, для инновационного рывка России требуется долгосрочное стратегическое

планирование, включающее среднесрочное планирование, разработку логистики и инфраструктуры для создания, внедрения инновационных продуктов в социально-политическую реальность. При этом ценностно-целевая компонента инноваций должна обеспечиваться ориентацией политической административно-бюрократической элиты на национальные интересы и общественное благо, а не узкокорпоративную заинтересованность.

– Корруптированность политических и бизнес элит, теневые механизмы освоения инвестиций в модернизацию России, включающие откаты и другие схемы нецелевого освоения бюджетных средств значительно снижают эффект от реализуемых инновационных проектов. Вышеупомянутая доходность от образования, которая, как было указано фундирует инновационные преобразования в направлении постиндустриализации общества в условиях развитой теневой экономики не способна реализоваться. Профессионалы, непосредственные исполнители инновационных проектов не имеют достойного дохода, коррелирующего с их уровнем образования, лишены возможности, мотивации к выдвижению и реализации качественно новых прорывных идей, политической воли и акторности.

Анализ политико-инновационного процесса в современной России показывает, что эффективность партийного строительства и модернизации политической системы зависит от сочетания историко-цивилизационных особенностей, качества человеческого капитала и ценностно-целевой ориентации общества. Ключевым фактором успешных реформ выступает наличие профессионалов с высоким уровнем знаний, постденежной мотивацией и политической акторностью, способных формировать стратегический инновационный запрос и реализовывать модернизационные проекты⁹⁴.

Современная Россия сталкивается с кумулятивными социально-экономическими и геополитическими кризисами, что усиливает значение доверия

⁹⁴ Еремян В. В. Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (часть I) / В. В. Еремян, Э. В. Еремян // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 141-161. – DOI 10.24412/1608-8794-2022-1-141-161.

общества к институтам власти и подчеркивает необходимость национально-ориентированных моделей инновационного и партийного развития. Модернизация, не учитывающая культурно-цивилизационную специфику и традиционные ценности, не способна обеспечить устойчивый прогресс. Таким образом, успешное развитие политической системы и партийных институтов требует синтеза инновационных стратегий, исторического опыта и ценностных ориентиров общества, создавая условия для формирования устойчивого модернизационного рывка и повышения конкурентоспособности государства.

Проекция политико-инновационного процесса на партийно-электоральную агрегацию в современной России обнаруживает устойчивое рассогласование между функциональными требованиями инновационной трансформации и фактическими механизмами агрегирования интересов. Внедрение цифровых коммуникационных инструментов, краудсорсинговых платформ и процедур внутрипартийного голосования не приводит к институциональной перестройке агрегационных практик, поскольку последние остаются встроенными в вертикальную логику административного управления.

Эмпирически фиксируется, что инновации в партийной сфере выполняют преимущественно адаптационную, а не системно-преобразующую функцию: новые технологии интегрируются в сложившиеся процедурные цепочки, не меняя их содержательного наполнения. Агрегация интересов сохраняет характер элитно-корпоративного согласования, при котором общественные запросы проходят фильтрацию через бюрократические структуры партийного аппарата, а не через конкурентное соизмерение позиций.

Ключевым структурным ограничением выступает кадровый фактор. Анализ качественных характеристик политических профессионалов показывает дефицит субъектов, обладающих одновременно высоким уровнем компетенций, постденежной мотивацией и политической акторностью. Отсутствие данной страты воспроизводит нечувствительность партийно-электоральных механизмов к инновационным управленческим моделям и закрепляет доминирование критериев

лояльности над критериями профессиональной эффективности при рекрутировании партийных элит.

Дополнительным фактором дисфункциональности выступает двойственная позиция элитных групп, которые выступают одновременно инициаторами инновационных решений и их объектами. Это положение создаёт институциональный конфликт интересов, результатом которого становится замыкание циклов оценки эффективности на самих субъектах инновационной деятельности, что исключает внешнюю верификацию результатов и снижает адаптивный потенциал партийной системы.

Таким образом, проекция инноваций на партийно-электоральную агрегацию в современной России не формирует нового качества политического представительства, а ведет к гибридизации форм, к примеру, внешнее заимствование технологий агрегации сочетается с сохранением традиционных механизмов принятия решений. Условием преодоления данного противоречия является не техническое обновление процедур, а перестройка моделей межэлитного взаимодействия и введение внешних по отношению к административной вертикали каналов агрегации интересов, что предполагает пересмотр принципов кадрового отбора и институциональный разрыв между функцией инициации инноваций и функцией их реализации

Глава 2 Современные модели партийно-электоральной агрегации и перспективы их применения в Российской Федерации

2.1 Партийно-электоральная агрегация как инструмент инновационного развития политической системы России

В параграфе рассматривается партийно-электоральная агрегация как политический инструмент политической модернизации. На основе ретроспективного анализа российского партотенеза (1990–2020-е гг.) можно выделить три этапа формирования партийной системы: имитация западных моделей демократического транзита (1990–2000 гг.), административная централизация и формирование гибридного режима (2000–2010 гг.), становление партий инновационного типа с учетом историко-цивилизационной специфики. Обосновывается двойственная природа российских партий, выступающих одновременно механизмом агрегации общественных интересов и инструментом воспроизводства административно-бюрократической элиты.

В качестве теоретико-методологической новации вводится концепт «партийно-электоральной агрегации», акцентирующий медиативную функцию партий между обществом и властью, а также связь электоральных процессов с формированием общественного запроса на инновации.

Выделены три базовые модели агрегации: политико-маркетинговая (стратегическое управление электоральной поддержкой), кластерно-сетевая (сетевые формы мобилизации) и гражданско-идентичная (консолидация общества вокруг инновационных инициатив на основе традиционных ценностей). Сделан вывод о перспективности гражданско-идентичной модели, способной обеспечить легитимацию государственной инновационной политики и модернизацию партийной системы с учетом цивилизационной

Современное партийное строительство в России развивается в условиях необходимости интеграции общественных запросов, инновационных процессов и государственной политики. Базовые модели партийно-электоральной агрегации

(политико-маркетинговая, кластерная и гражданско-идентичная) отражают различные подходы к взаимодействию партий, общества и власти. Политико-маркетинговая модель акцентирует на стратегическом управлении электоральной поддержкой, кластерная – на сетевых формах мобилизации и альтернативных групповых объединениях, а гражданско-идентичная – на вовлечении широких слоев населения в инновационные и социально значимые процессы.

Перспективы развития этих моделей в России связаны с усилением инновационного потенциала партий, адаптацией к цифровым и социальным трансформациям, а также с необходимостью повышения эффективности посредничества между государством и гражданами. Особое значение приобретает гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации, которая объединяет общество вокруг инновационных и социально значимых инициатив, связывая государственные программы с общественными интересами и обеспечивая модернизацию партийной системы и успешную реализацию национальных инновационных проектов.

Процесс формирования партийной системы современной России начался в 1990-е годы, в период радикальных трансформаций социально-политической и экономической сфер⁹⁵. В первые десять лет, 1990–2000 гг., партийное строительство в значительной мере носило имитационный характер: происходила попытка воспроизвести западные модели демократии, при этом историко-цивилизационная специфика России и традиции национального государственного управления учитывались ограниченно⁹⁶. Партийная деятельность в России исторически складывалась как инструмент легитимации власти и политической элиты, что создало основу для формирования гибридного режима с формальными признаками демократии и ограниченной реальной политической конкуренцией.

В таких условиях партии выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они служат механизмом агрегации общественных интересов,

⁹⁵ Кротков В.О. Трансформация российской партийно-политической системы в 1990 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 2. – С. 84–87.

⁹⁶ Зайцев В.В. Российская государственность и модернизация партийной системы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2005. – № 4. – С. 14–23.

посредником между социальными группами и каналом для выражения запросов граждан. С другой стороны, партийные структуры нередко используются административно-бюрократической элитой для сохранения и укрепления собственного влияния. Исследование современных моделей партийно-электоральной агрегации позволяет проследить, как структура и стратегия партий сказываются на реализации государственной инновационной политики, межэлитных взаимодействиях и развитии национальной инновационной системы.

Партийное строительство в обозначенный первый период осуществлялось государством «сверху», а не как результат общественного консенсуса. Политические элиты стремились к имитации западной демократической системы в целях легитимации своего властного статуса внутри страны и за ее пределами. В результате, как отмечают многие политологи, в России установился гибридный режим, внутренняя сущность которого была далека от задекларированных внешних демократических форм⁹⁷.

С формально-правовой точки зрения начало российского партогенеза совпадает с датой 14 марта 1990 г. утверждения Закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР», поскольку, наряду с руководящей ролью КПСС он признавал право граждан объединяться не только в общественные, но и политические объединения с целью участия в политическом руководстве страной⁹⁸.

Результатом стало появление на политической арене нескольких партий, в том числе Либерально-демократической партии, Социал-демократической, Партии Советского Союза, Партии свободного труда, Российского христианско-демократического движения и т.д. А события августа 1991 года инициировали в России возникновение избыточного количества партийных образований, что было обозначено некоторыми политологами в негативном ключе как феномен

⁹⁷ Степаненков С. Партийная система России – 2012: эволюция, проблемы и перспективы / С. Степаненков // Власть. – 2012. – № 5. – С. 40-43.

⁹⁸ Конституция Российской Федерации. Новая редакция: с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года: с комментариями Конституционного суда РФ. – М.: Проспект, 2022. – 116 с.

«избыточной демократии»⁹⁹. Данный феномен отражал тот факт, что количество и спектр партийных объединений носил избыточно широкий, несистемный, атомарный характер. Количество возникающих идей и идеологий выходило за рамки емкости политико-правового поля, а также не сопровождалось формированием адекватной культуры гражданского политического участия.

Здесь следует акцентировать исследовательский интерес на понятии «демократический транзит» и демократизации. Несмотря на то, что Западная Европа пошла по пути демократизации несколько веков назад, в развитой теоретической форме концепт демократизации и демократического транзита связан с существованием современных западных демократий и процессами конца XX века, когда началось масштабное разрушение авторитарных политических режимов в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве.

Следует отметить, что транзитология как направление социально-политических исследований сформировалось в конце XX века с целью изучения демократических преобразований в государствах, которые стали на путь демократизации. «Демократический транзит – это длительный исторический процесс, обусловленный особенностями национальной политико-правовой культуры данной страны и осуществляемый как эволюционным, так и революционным путем. Демократический транзит от экспорта демократии отличается не только длительностью, но и тем, что государство в период перехода к демократии сохраняет свой суверенитет, способно к критическому восприятию политико-правового влияния иных национальных правовых систем»¹⁰⁰.

Следует отметить, что в рамках политических наук демократия оценивалась и как идеал – прогрессивный образец западных демократий, которому необходимо следовать России, и как процесс демократизации, связанный со становлением культуры гражданского участия и народовластия, продолжающего традиции гласности и открытого общества.

⁹⁹ Вайнштейн Г. И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» / Г.И. Вайнштейн // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX – XXI вв. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 10–443.

¹⁰⁰ Акишин М.О. Демократический режим, экспорт и транзит демократии / М.О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – №1 (55). – С. 10 - 27.

Как нам представляется, релевантно теме диссертационного исследования, демократию следует рассматривать как процесс и результат такой социально-политической организации в стране, при котором социальная жизнь государства выступает следствием индивидуального и коллективного выбора его граждан. «Демократия не может существовать, если выбор между многочисленными управляющими не соответствует защите различных интересов и мнений»¹⁰¹.

В западной Европе демократизация фундировалась принципами разделения ветвей власти, открытости информации, прозрачности электоральных процессов, активного гражданского политического участия. Более того, идейно-идеологическим фундаментом западной демократии выступала европейская идентичность, осознанная принадлежность европейцев к политико-правовому полю, в котором все равны перед законом и ответственны за выбор траектории развития нации.

Демократия нередко выступает не только как признанная ценность в глобальном масштабе, но и как инструмент внешнего давления. Ответ традиционных демократий на «недемократическое окружение» иногда приобретает явно недемократические формы, проявляясь в ограничении миграции, культурной агрессии и даже попытках навязать демократические нормы силовыми методами, что может вызывать сопротивление и отторжение со стороны принимающих обществ¹⁰².

Следует так же отметить, что несмотря на то, что в социально-гуманитарном познании укрепилось противопоставление демократии тоталитаризму, а также набор признаков, по которым идентифицируется демократическое устройство социально-политической системы: разделение властей, гражданские свободы, культура активного политического участия, развитые институты публичной политики и гражданского общества и т.д., с теоретико-методологической точки зрения понятие демократии неоднозначно. Так, под традиционной демократией как

¹⁰¹ Touraine A. Critique de la modernité. – Paris: Fayard, 1992. – 463 p. – P. 382.

¹⁰² Мирзеханов В. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе / В. Мирзеханов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2018. – № 1(11). – С. 18. – DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23.

правило понимается народовластие по образцу греческого полиса. Вместе с тем, такая демократия реально может осуществляться только в небольших городах-государствах, как это было в древней Греции.

Современные формы демократии, как отмечают многие исследователи, ограничивают народовластие электоральными процессами. Соответственно появляются различные виды демократии, характеризующие ее основные возможности или ограничения власти народа. Так, например, на основании практического исследования американской демократии Й. Шумпетер в конце XX века выработал концепт элитарной демократии¹⁰³. Чтобы народ мог формально править, элитарное меньшинство должно мудро управлять им, соблюдая принципы демократического правления¹⁰⁴, поскольку народные массы в большинстве своем не интересуются политикой и не способны к политическому управлению, – считают, например такие сторонники элитарной демократии как Т. Дай и Л. Зиглер. То есть реальная американская демократия, а также системы демократического правления стран Европы, согласно теории элитарной демократии, в основании политического управления имеют властную элиту, управляющее меньшинство и отчужденные от власти народные массы. Следовательно, возможности реального народовластия сводятся для большинства к возможностям электорального участия, в результате которого народ выбирает управляющую элиту. Это в свою очередь актуализирует проблему политических посредников, способных предложить и реализовать интересы народа, прежде всего институтов-медиаторов, агрегирующих политические запросы общества – политические партии.

Феномен отчужденности народных масс от государственного управления в разных формах фиксируется в таких социально-политических концептах как «либеральная демократия», «плюралистическая, консенсуальная демократия», «делиберативная демократия» и некоторые другие разновидности демократического устройства и правления.

¹⁰³ См. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

¹⁰⁴ Дай Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику / пер. с англ. / Т. Дай, Л. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 318 с.

– Концепт либеральной демократии (Л. Мизес и др.) акцентирован на том, что демократия не столько открывает гражданам возможности государственного управления, сколько защищает их от произвола властей, гарантируя им демократические свободы и невмешательство в частную жизнь¹⁰⁵.

– Плюралистическая, консенсуальная демократия и (Р. Даль, В. Кий, А. Роуз и др.) опирается на концепцию дисперсности полиархичности власти¹⁰⁶. Соответственно граждане могут оказывать политическое влияние на различные центры власти, которая организована в современных демократических странах по принципу полиархии. Государственная власть в обозначенном варианте демократического устройства должна примирять конкурирующие интересы, формируя коалиционное правительство. В проекции на партийное строительство это означает, что однопартийная и двухпартийная система, при которой граждане должны выбрать между полярными, правыми и левыми партиями должна быть заменена плюралистической многопартийной¹⁰⁷.

– Делиберативная демократия (Ю. Хабермас) подразумевает, что народ может управлять государством посредством общественного мнения и, тем самым влиять на принятие политических решений, контролировать государственную власть. Проведение опросов, плебисцитов, таким образом, преодолевает тотальное отчуждение общества от государственного управления¹⁰⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория демократии прошла значительную эволюцию от древнегреческих полисов до современных крупных государств. В этой эволюции наблюдаются изменения в понимании и реализации демократических принципов. В древнегреческих полисах демократия основывалась на прямом участии граждан в управлении, что обеспечивало высокий уровень вовлеченности и ответственности каждого члена общества. Каждый гражданин мог участвовать в обсуждениях и принятии решений по ключевым

¹⁰⁵ Мизес Л. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. / Л. Мизес. – М.: Социум, 2001. – 239 с.

¹⁰⁶ Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. / Р. Даль. – М.: РОССПЭН, 2003. – 574 с.

¹⁰⁷ Серавин А. И. О доверии к политическим институтам в условиях вызовов делиберативной демократии / А. И. Серавин // Власть. – 2025. – Т. 33, № 5. – С. 36-45. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-5-36-45..

¹⁰⁸ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Складнева. – Изд. 2-е, стер. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 415 с.

вопросам общественной жизни. Эта форма демократии была возможна благодаря небольшому размеру полисов и высокой степени гомогенности их населения. Современные большие государства, с их сложной социальной и политической структурой, не могут воспроизвести модель прямой демократии древнегреческих полисов. Вместо этого в политической науке были разработаны различные модели демократии, адаптированные к условиям современных обществ.

Современные концепты демократии, такие как либеральная, плюралистическая, консенсуальная и делиберативная демократия, представляют собой попытки адаптировать демократические принципы к реалиям крупных и сложных современных государств. Эти модели направлены на обеспечение наибольшей степени демократизации социально-политических институтов и процессов политического управления, что позволяет обеспечить участие граждан в управлении и принятии решений на уровне, соответствующем масштабам и сложности современных обществ¹⁰⁹.

Следует отметить, что глобализация отражена в рамках исследований проблем демократии и демократического транзита концептом «глобальной или космополитической демократии»¹¹⁰. Интерпретированный как процесс демократизации социально-политических систем в мировом масштабе, как отражение процессов мировой интеграции на уровне стран и правительств, концепт глобальной демократии имеет позитивный смысл. Вместе с тем, в практике социально-политического строительства феномен глобальной демократии выступает как глобальный демократический транзит, насаждаемый США и странами НАТО силой в Латинской Америке, странах Восточной Европы и других территориях. При этом демократизация, как ни парадоксально, происходит силовым путем, посредством установления диктатуры. Соответственно в политологии появляется такой концепт как «авторитарная демократия» и другие

¹⁰⁹ Давыдова Н. С. От «демократического транзита» – к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н. С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063. – DOI 10.35775/PSI.2023.91.3.017.

¹¹⁰ Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? / Ф. Шмиттер // Логос. – 2004. – № 2(42). – С. 137-156.

теории, отражающие процесс глобального навязывания национальным государствам англо-американского демократического транзита.

В рамках теории глобальной демократии остается открытым вопрос о том, каким образом наднациональная система социально-политического управления сможет учитывать и защищать национальные интересы отдельных государств. Можно предположить, что процесс глобальной демократизации, подобно национальным моделям, приведет к формированию элитарной глобальной демократии, в которой управленческую роль будут выполнять ограниченные группы стран, прежде всего США и государства НАТО, тогда как остальной мир окажется в положении ограниченно вовлеченных или практически отчужденных от реальных механизмов глобального управления народов.

В результате такого процесса глобального демократического транзита может возникнуть ситуация, противоречащая исходной интенции демократического правления: реализация целей транснациональных элит будет осуществляться в ущерб интересам национальных государств и их граждан.

Как отмечал У. Блум, бывший сотрудник Государственного департамента США, американская программа «продвижения демократии» зачастую носит декларативный характер и служит ширмой, за которой реализуются интересы американского капитала¹¹¹.

Опыт консолидированной демократии демонстрирует, что устойчивость политической системы во многом обеспечивается общественным консенсусом и партнерской моделью взаимодействия общества и власти. Активное участие граждан в политической жизни стимулирует реформы и укрепляет демократические процессы, а сильные институты гражданского общества создают условия для их стабильного развития. Прозрачные и честные выборы выступают фундаментом демократии, обеспечивая легитимность принимаемых решений и доверие к власти. Все эти элементы формируют своего рода ориентир,

¹¹¹ Блум У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом / пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2014. – 272 с.

показывающий, каким образом страны могут выстраивать эффективные и устойчивые демократические институты.

Вместе с тем западные демократические институты постоянно трансформируются под давлением современных вызовов, что указывает на необходимость адаптации и изменений в демократических процессах. Проблемы, такие как миграция и развитие манипулятивных политических технологий, проверяют прочность западной демократии и требуют новых подходов и решений.

Хотя идеализированное представление о демократии служит важным ориентиром для стран, стремящихся к демократическим преобразованиям, необходимо учитывать вызовы и критику западной модели демократизации. Современные проблемы и изменяющиеся условия требуют постоянной адаптации и инноваций в демократических процессах для обеспечения их эффективности и устойчивости. То есть, можно сделать вывод о неэффективности прямого заимствования как в силу противоречия между западным и евразийским культурно-цивилизационными кодами, что не обеспечивает поддержку инновационных процессов со стороны большинства населения с евразийским менталитетом, так и на основании анализа актуальных проблем развития западных стран. Так, в настоящее время западная Европа и США испытывают кризис в связи с проблемами мигрантов (носителей принципиально иной политической и социальной культуры), давлением экономических и политических факторов, что снижает эффективность традиционных для Запада форм демократии и партийной агрегации.

Примером неудачного демократического транзита являются результаты партийного строительства в России. Это и недостаточный уровень культуры политического участия, и искаженные гибридные формы демократии, и централизация власти в руках административно-бюрократических элит, что приводит к недобросовестной политической конкуренции на выборах, и рыночная ценностно-целевая ориентация политической модернизации, которая вступает в противоречие с представлением граждан о социальном государстве и лишает власть необходимой поддержки электората, ориентированного на социальную стабильность, порядок и традиционные ценности.

Следует отметить с позиции ретроспективного анализа отечественного партогенеза, что политический кризис 1993 года привел, как известно, к возникновению смешанной избирательной системы и институционализации восьми основных партий (ЛДПР, «Выбор России» и др.), которые в девяностые годы продолжали играть реальную роль в системе политического управления. Согласимся с аргументами и мнением, что в указанный период партогенеза, политические партии, которые заполнили политический вакуум, во многом являлись агрегаторами общественных интересов, посредниками между народом и властью¹¹².

Выборы 1995 года имели тенденцию к чрезмерному расширению спектра партийных образований. Вместе с тем, пять основных партий на данном этапе основательно инкорпорировались во власть.

Следует отметить, что зависимость отечественного партогенеза от идей западного демократического транзита проявилась в конце девяностых в развитии популистских идеологий. Посредством популистских решений и лозунгов партии боролись за источники финансирования и постоянный электорат. Этот период партогенеза в политологии получил название «франчайзинговой демократии», поскольку партии были подобны известным брендам, с устойчивыми идеологиями, «бренд-буком», который позволял крупным группам интересов продвигать представителей в легислатуры.

Далее в диссертационном исследовании будет более подробно рассмотрена рыночная модель партийно-электоральной агрегации, которая была широко апробирована в процессах партийного строительства и взаимодействия общества и власти в середине девяностых годов XX века.

Немаловажно, что партия власти «Наш дом – Россия» на выборах 1995 года потерпела поражение от оппозиционной партии – КПРФ. Значение данного события в том, что электоральный процесс аккумулировал потенциал общественного несогласия и отразил несогласие с политикой действующей власти.

¹¹² Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы современной России / Ю.Г. Коргунюк. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. – 544 с.

Вместе с тем, уже в 2000 годах партогенез приобретает административный характер. Он осуществляется и регулируется «сверху», в рамках действующей властной вертикали, которая укреплялась методами авторитарного политического управления. Появление в политологии таких концептов как «управляемая демократия» отражает социально-политические реалии данного периода партогенеза, «авторитарной модернизации с социал-либеральной окрашенностью»¹¹³. Политическая элита блокирует либерально-демократический сценарий партогенеза. В результате политический спектр сужается на фоне устоявшего политического режима.

Основной тенденцией партогенеза 2008-2012 гг. выступает централизация государственной власти и ориентация партий на служении интересам действующей политической элиты. Поскольку Конституция России позволяет президенту аккумулировать контроль над всеми ветвями власти, партия президента становится центральным политическим игроком, гарантом стабильности и эффективности администрирования межведомственных, межэлитных взаимодействий.

В обозначенный период, как отмечают многие исследователи, в России сформировался так называемый «бесконфликтный парламент», в котором доминирует партия власти. А процессы партийного строительства и партогенеза приобрели такие черты как:

- Суженный спектр политических партий, препятствующий развитию конкурентной среды и привлечению к политическому управлению новых партий.
- Высокая централизация партий вокруг партии власти, что делает оппозиционные партии неконкурентоспособными.
- Высокая институализация партий, что приводит к ограничениям возможностей политической детальности непарламентских партий и формальной реализации плюрализма.

¹¹³ Пантин И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего / И. К. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 113-135.

– Отсутствие законодательной инициативы, отражающей реальный социальный запрос и обеспечивающей реализацию принципов представительской демократии.

– Политическая активность партий и парламентская деятельность ограничена поддержкой или критикой инициатив партии власти.

Партии не обеспечивают институционального посредничества между социальными группами и государством. Но, с другой стороны, партии стали профессиональными организациями по лоббированию интересов определенных социальных групп, представители которых используют ресурсы самих партий для контроля за происходящими политическими событиями и влияния на действия других политических субъектов¹¹⁴.

Соответственно, для развития более демократичной и конкурентоспособной политической системы необходимо создать условия для расширения политического спектра, усиления роли оппозиционных партий и повышения их законодательной активности¹¹⁵.

Какова роль партий в инновационном развитии страны?

Ответ на данный вопрос в развитых демократических странах имеет однозначную трактовку. А именно: партии аккумулируют общественный запрос на инновации и предлагают программу соответствующей инновационной политики и осуществления нововведений, которые запросил электорат. Электорат посредством голосования на выборах выбирает из предложенного партиями спектра решений социально-политических проблем и партийных идеологий наиболее близкий его пониманию, адекватный его и видению вариант, представленный конкретной партией. То есть гражданин голосует за партию, которая, посредством конкурентной политической борьбы будет проводить его политику на государственном уровне в жизнь.

¹¹⁴ Растимешина Т. В. Указ.соч. – С. 138.

¹¹⁵ Давыдова Н. С. От «демократического транзита» – к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н. С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063.

Таков идеальный сценарий, поскольку атрибутивная черта партий в развитом демократическом обществе – это проведение на государственном уровне политики своих избирателей посредством замещения партийными представителями ведущих позиций государственного управления. Таким образом электорат через партии может влиять на государственную инновационную политику и принятие политических решений, контролировать власть и корректировать политический курс в интересах избирателей и желаемых нововведений.

В развитых представительских демократиях электоральные процессы обеспечивают реализацию выбора граждан между «старым и новым», который учитывает индивидуальный выбор каждого в процессе формирования и реализации коллективного легитимного решения актуальных проблем¹¹⁶.

Современные политические партии одновременно выполняют функции представительства, подготовки кадров и формирования политической культуры, при этом их основная роль заключается в посредничестве между электоратом и государством, обеспечивая сбор, выражение и реализацию инновационных интересов различных социальных групп. Это является тем, что в партологии определяется как инновационно-электоральная функция. В условиях быстрых изменений политической среды требуется разработка новых концептов для анализа и моделирования политической действительности¹¹⁷.

Интенсивное развитие социально-политических наук и трансформация политического контекста приводит к быстрому устареванию политологической терминологии и необходимости поиска новых концептов, отражающих актуальную ситуацию и потребности политических наук, способных стать основой для теоретико-методологического моделирования действительности. Это подчеркивает необходимость создания и развития новых базовых концептов. Одним из таких концептов является, разработанный автором диссертации, концепт партийно-электоральной агрегации.

¹¹⁶ Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учебное пособие для студентов-политологов / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон / Науч. ред. пер. М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 535 с.

¹¹⁷ Ямбуренко Е. Н. Политические партии как акторы инновационного развития / Е.Н. Ямбуренко // Социально-политические науки. – 2016. – №2. – С. 60.

Партийно-электоральная агрегация предполагает такие сущностные и функциональные характеристики как:

- Формирование и агрегация интересов.
- Медиация взаимодействия между обществом и властью.
- Корреляция между общественным запросом и политической программой партии в ходе электоральных процессов.

В диссертационном исследовании разработаны три основных модели партийно-электоральной агрегации:

1. Политико-маркетинговая модель, которую можно обозначить для индустриальных обществ как базовую.

2. Кластерно-сетевая модель, развивающаяся не только как эпифеномен сетевизации общества и власти, отражение развития интерактивных сетевых коммуникаций, но и как результат маргинализации некоторых политических групп и течений, которые ищут альтернативные способы существования и организации электоральной поддержки, например, в сети Интернет.

3. Гражданско-идентичная модель, актуальность которой стремительно возрастает в настоящее время в связи с развитием острой необходимости и запроса на инновации, поддержание и осуществление которых невозможно без соответствующей поддержки и вовлечения широких слоев населения в инновационные процессы, в том числе в принятие политических решений, отвечающих запросам на новизну в целях общего блага. Соответственно для ее реализации на практике необходим высокий уровень консолидации власти и общества, легитимации инновационных процессов, формирование общенациональной общегражданской идентичности на базе традиционных ценностей и т.д.

Пот нашему мнению, значимость данного концепта для анализа актуальных процессов и корректировки инноваций с течением времени будет возрастать,

поскольку его проективные и адаптивные возможности имеют высокий потенциал¹¹⁸.

Итак, в рамках первого параграфа второй главы были теоретически обобщены и подытожены результаты, основанные в том числе на анализе актуальных данных мониторингов общественного мнения по проблеме инноваций, формирования и развития национальных инновационных систем, государственной инновационной политики, запроса общества и элит на инновации, представлена и проанализирована проекция инновационного развития современной России на российский партогенез.

В качестве теоретико-методологического «*ноу хау*» был предложен концепт партийно-электоральной агрегации, который этимологически и понятийно-методологически акцентирует исследовательский интерес на атрибутах современных партий и их инновационно-электоральной функции – функции формирования, в соответствии с общественным запросом, агрегации и артикуляции интересов граждан с целью проведения соответствующей им политики на государственном уровне, выступая в качестве института – медиатора между гражданами и политической властью. При этом электоральная составляющая концепта партийно-электоральной агрегации указывает на основополагающую роль института Выборов в процессах демократических преобразований, необходимую связь между электоральными процессами и агрегацией общественного запроса в качестве основания для разработки программ политических партий.

Теоретико-методологическая значимость обозначенного концепта для современной политической науки и социально-гуманитарного знания проявляется так же в том, что на его основе могут быть разработаны соответствующие модели партийно-электоральной агрегации, которые эффективны как для анализа социально-политической теории и практики прошлого, так и проектирования будущего развития социально-политической системы страны.

¹¹⁸ Давыдова Н. С. Модели партийно-электоральной агрегации в политической жизни современной России / Н. С. Давыдова // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 176-184.

В качестве таких моделей нами предложены три основных модели:

- политико-маркетинговая;
- кластерная;
- гражданско-идентичная¹¹⁹.

Таким образом, анализ современного партийного строительства в России показывает, что партии выступают не только инструментом агрегации интересов общества, но и ключевым элементом реализации государственной инновационной политики¹²⁰. Эволюция партийной системы от имитации западных моделей к формированию партий инновационного типа демонстрирует необходимость учета историко-цивилизационной специфики страны, запросов общества и инновационных процессов. Концепт партийно-электоральной агрегации позволяет теоретически и методологически систематизировать эти процессы, выделяя их функциональную роль как посредника между гражданами и властью, а также как инструмент адаптации политической системы к современным социальным, экономическим и технологическим вызовам.

2.2 Основные модели партийно-электоральной агрегации в современном политическом процессе

В параграфе рассматриваются три базовые модели партийно-электоральной агрегации в современном политическом процессе России: политико-маркетинговая, кластерно-сетевая и гражданско-идентичная. Политико-маркетинговая модель, получившая распространение в 1990-е – начале 2000-х годов, основана на рыночной логике взаимодействия политических субъектов, где партии выступают как бизнес-организации, а избиратели – как потребители политических услуг. Ее сущностными чертами являются коммерциализация

¹¹⁹ Давыдова Н. С. От «демократического транзита» - к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н. С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063

¹²⁰ Ежов Д. А. Политическое представительство в современной России в условиях цифровизации: актуальные тенденции и особенности трансформации / Д. А. Ежов // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 47-50. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-1-47-50.

электоральных процессов, применение технологий политического маркетинга, манипуляция общественным сознанием, использование административного ресурса и формирование «управляемой демократии». Кластерно-сетевая модель, актуализировавшаяся в 2000–2010-е годы, обусловлена развитием цифровых коммуникаций и сетевых форм политической мобилизации. Она базируется на акторно-сетевой теории, предполагает формирование гибких электоральных кластеров в виртуальном пространстве, горизонтальные связи между акторами, децентрализацию политической активности и широкое использование интернет-технологий для агрегации интересов. Гражданско-идентичная модель рассматривается как наиболее перспективная для современного этапа развития России. Она ориентирована на консолидацию общества на основе общенациональной идентичности, традиционных ценностей и культурно-цивилизационного кода. В ее рамках партии выступают не только агрегаторами интересов, но и институтами-медиаторами, обеспечивающими диалог власти и общества, а электоральные процессы становятся результатом реального общественного запроса, а не predetermined межэлитных договоренностей. Сделан вывод, что в реальной политической практике указанные модели не существуют в чистом виде, а образуют гибридные конфигурации, где доминирование той или иной модели определяется конкретным историческим контекстом, запросами элит и общества, а также уровнем развития политической культуры.

2.2.1 Политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации

Политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации связана с распространением в политике логики рынка и технологий политического маркетинга. В этой модели партии стремятся изучать общественные настроения, выявлять наиболее значимые для общества проблемы и на их основе формировать политические программы и предвыборные стратегии. Большую роль начинают играть социологические исследования, работа с медиа, политическая реклама и

формирование узнаваемого партийного образа. Партия в таких условиях выступает не только как идеологическая организация, но и как структура, ориентированная на эффективное взаимодействие с электоратом.

При этом политическая конкуренция во многом строится вокруг способности партий предложить избирателям наиболее понятные и востребованные решения социальных и экономических проблем. Программные установки нередко корректируются с учетом общественных ожиданий, что делает партийную деятельность более гибкой. Вместе с тем усиление маркетинговых технологий может приводить к тому, что на первый план выходит не столько идеологическое содержание, сколько способы политической коммуникации и электоральной мобилизации. Поэтому данная модель одновременно расширяет возможности взаимодействия партий с обществом и ставит вопрос о сохранении содержательной основы политической конкуренции.

Согласно нашему исследованию и концептуальному моделированию, партийно-электоральная агрегация выступает результатом теоретико-методологического моделирования, идеальными типами (М. Вебер), инструментами социально-политического познания, поэтому они не обязательно должны иметь реальные прототипы в социально-политической действительности и исторической практике¹²¹.

Следует так же отметить, что на практике чистые идеальные типы замещаются некоторыми гибридными формами и моделями, поскольку они не только возникают последовательно, но и накладываются друг на друга, оказываются более или менее актуальными, востребованными у той или иной политической силы, а затем отходят на периферию социально-политической практики и социально-гуманитарного знания, но не исчезают.

Вместе с тем российский партогенез позволяет проследить в новейшей истории России определенные корреляции между социально-политической

¹²¹ Давыдова Н. С. От «демократического транзита» – к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н. С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063. – DOI 10.35775/PSI.2023.91.3.017.

ситуацией, запросом общества, элит и востребованностью той или иной модели партийно-электоральной агрегации.

Так, например, политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации получила наибольшее распространение в рамках российского партогенеза в середине девяностых годов XX века. В начале XXI века в связи с интенсивным развитием акторно-сетевых теорий и информационных технологий, а также реформами в политико-правовой сфере, развитием законодательства, регулирующего электоральные процессы, получила более широкое распространение кластерная модель. Вместе с тем, политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации не исчезла из социально-политической практики, а интегрировалась в акторно-сетевые схемы, получив дополнительные возможности коммерческого использования социальных сетей и информации в целях партийной агрегации, мобилизации, в электоральных процессах и т.д.

Следует так же отметить, что обозначенный процесс гибридации, аккумуляции и интеграции моделей партийно-электоральной агрегации может носить как конструктивный позитивный, так и деструктивный негативный характер в контексте проблемы инновационного развития страны в зависимости от ценностно-целевого компонента взаимодействия социально-политических акторов.

В понятийном ключе политико-маркетинговая модель коррелирует с более общими понятиями, которые получили широкое употребление в рамках социально-гуманитарных наук в связи развитием социально-экономических теорий – это понятия «политический рынок», «рынок политических услуг», «рынок власти» и т.д.

Предложенный М. Олсоном подход основан на взаимосвязи экономики и политики, позволяет «одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ»¹²².

¹²² Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. - М., 2012. С.26.

Согласно концептуальной схеме Дж. Лис-Маршмент, современная электоральная система укладывается в модель рыночных отношений:

- избиратели – это «потребители»;
- политические партии – это «бизнес-организации»¹²³.

В качестве наиболее известных методологических концепций, объясняющих взаимосвязи между экономикой и политикой, выступают междисциплинарная концепция социальных порядков Норта – Уоллиса – Вайнгаста и экономическая теория экстрактивных и инклюзивных институтов (экономических истоков диктатуры и демократии) Д. Асемоглу и Дж. Робинсона¹²⁴.

Согласно теории экстрактивных и инклюзивных экономических и политических институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, инклюзивные институты рыночного типа обеспечивают социально-экономическое благополучие посредством сочетания плюрализма и централизованности, защиты прав частной собственности, равно обязательной для всех системы законодательства и правосудия, равные права экономического и политического участия для граждан. «Эксклюзивный», экстрактивный тип политико-экономических институтов обеспечивает процветание и обогащение одной части общества за счет другой. По аналогии можно рассматривать и инклюзивные и эксклюзивные партии, которые представлены на рынках власти.

Рыночная парадигма в политологии позволяет рассматривать политических субъектов, в том числе политические партии как экономических субъектов, стремящихся к максимальной выгоде и минимизации издержек, а также к монополизации рынка и вытеснению конкурентов.

Партийный менеджмент, основанный на политико-маркетинговой концепции, использует терминологию политического капитала и рынка. Такой экономический подход в политологии использовали основатели Вирджинской школы общественного выбора Дж.Бьюкенен и Г.Таллок¹²⁵.

¹²³ Lees-Marshment J. Political Marketing and British Political Parties: The Party's Just Begun. Manchester, 2001. – 250 pp.

¹²⁴ Левин С. Н. Концепция рынков власти как методология исследования институциональной организации современной российской экономики и общества / С. Н. Левин, К. С. Саблин // Журнал институциональных исследований. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 97-111. – DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.4.097-111.

¹²⁵ Штоль В. В. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве / В. В. Штоль, С. Н. Федорченко // Обозреватель. – 2013. – № 6(281). – С. 047-058.

Если понятие «политический капитал» описывает ресурс и потенциал политического влияния, на базе положения субъекта в иерархии и системе политического управления, то понятие «политический рынок» фиксирует существование пространства взаимодействия субъектов политического рынка по поводу обмена, приобретения и умножения политического капитала в процессе преследования ими политических интересов.

Рынок политических услуг позволяет выявить, несколько основных политических акторов: политические партии, электорат, лоббисты, правительство, гражданское общество и т.д. Игроки политического рынка способны образовывать союзы и коалиции, возможности которых определяются действующим политическим режимом, социально-политической ситуацией в стране, законодательством и другими факторами.

Следует отметить, что современные тенденции развития гражданского общества и публичной политики в развитых демократических странах изменяют рынок политических услуг в пользу институтов гражданского общества. Поскольку общественные организации в определенных аспектах выполняют в современном обществе функции традиционных политических партий, политические партии трансформируются в направлении дублирования некоторых функций государственной власти, сосредотачиваются на задачах ее легитимации и проведения государственного политического курса в жизнь. Более подробно данная проблема будет рассмотрена далее. Сейчас отметим, что политические партии могут оказывать электорату и правительству различные услуги, в том числе услуги лоббирования политико-экономических интересов.

Электорат напрямую почти не влияет на ситуацию на политическом рынке. Доступный ему для волеизъявления политический механизм влияния – это выборы. Как игрок политического рынка электорат зависим, прежде всего, от агрегаторов социально-политических интересов и политических посредников. Прежде всего это политические партии, которые в свою очередь зависимы от инвесторов и других игроков политического рынка. Своеобразной валютой политического рынка в указанном случае выступают голоса избирателей и электоральная

поддержка. Это согласуется в рамках теории политического консьюмеризма с представлением о коммерческой ориентации потребителей политического рынка на выгоду. То есть не только политические институты, но и отдельные граждане на политическом рынке могут преследовать корыстные интересы, откликаться на политическую рекламу и предвыборные обещания, которые, прежде всего предлагают им персональное социально-экономическое благополучие, а не на стратегические цели достижения общенационального блага.

Как показывают результаты социальных мониторингов, политический консьюмеризм достаточно распространенная характеристика современного российского электората, которая проявляется в активном отклике россиян на предвыборную массмедийную агитацию – продукт коммерческой деятельности политических менеджеров.

В рамках авторитарного режима, как известно, действующая власть аккумулирует в своих руках все ресурсы, в том числе и административный. Соответственно она может, как просто имитировать демократические процедуры, так и, используя административный ресурс, организовывать электоральные процессы в своих интересах с целью легитимации власти, стабилизации социально-экономической ситуации в стране, управления оппозиционными движениями и протестными настроениями, поддержания демократического имиджа на мировой арене и т.д. Большинство стран, в которых демократический транзит осуществился на фундаменте традиционных и тоталитарных обществ, имеют в политическом управлении авторитарные черты¹²⁶.

Политические партии в вышеобозначенной ситуации лишены реальной конкуренции, которую предоставляет свободный политический рынок, основанный на демократических механизмах политического участия и продвижения во власть. Соответственно, партийная система сводится к системе однопартийной, двухпартийной или многопартийной, но с партией власти в качестве безусловной доминанты. Партии не выступают реальными посредниками

¹²⁶ Медведев Ю.С. Зачем автократам выборы? Политическая наука о роли выборов при авторитаризме // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 189–200.

между обществом и властью, оказывают остальным игрокам политического рынка услуги по лоббированию интересов, а также обеспечивают легитимацию власти в процессе выборов.

Если в стране устанавливается демократический режим на основе свободного политического рынка, то это демократия с плюралистической лоббисткой структурой, внутри которой существует реальная конкуренция. В долгосрочной перспективе лоббисты заинтересованы в сохранении относительного баланса интересов, поэтому отказываются от монополии. Политические партии, при этом, могут стремиться к минимизации экономических издержек, трансформируясь в партии картельного типа, которые больше отвечают интересам государства, чем общества, что происходит в XXI веке во многих развитых странах. Или партии могут пытаться сохранить свою преданность интересам электората, что в современной политической практике случается нечасто, и конкурировать на этих условиях с другими игроками политического рынка¹²⁷.

Следует отметить, что трансформация политических партий и моделей партийно-электоральной агрегации под влиянием изменений технико-технологической и коммуникативной основы социально-государственного взаимодействия происходит не только в России, но и на Западе. Политологи констатируют, что на смену массовым электоральным партиям приходят так называемые «картельные партии»¹²⁸.

С одной стороны, возникновение картельных партий отражает логику развития политического рынка по аналогии с экономическим рынком. Современный олигополистический рынок, как известно, является результатом договоренностей основных хозяйствующих субъектов, а не следствием достижения баланса спроса и предложения. Соответственно, картельные партии организуют подобным образом рынок политический, и избиратель лишается возможности полноценного электорального выбора. Картельное соглашение

¹²⁷ Селезнев П.С., Соловьев П.В. К вопросу о видах демократии // Власть. – 2018. – Т. 26, № 8. – С. 183–190.

¹²⁸ Katz R. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth – Century Democracies / R. Katz, P. Mair // Political Parties. Old Concepts and New Challenges / ed. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. – Oxford, 2002. – P. 113–135.

вносит определенные трансформации в партийно-маркетинговую модель партийно-электоральной агрегации посредством ограничения конкуренции и установления контроля над политическим рынком.

С другой стороны, трансформация политических партий выступает результатом изменения характера взаимодействия по линии «партии- государство» и «партии – гражданское общество».

Несмотря на то, что в западной социологии и политологии возникновение картельных партий связывают прежде всего с трансформацией партийно-государственного взаимодействия¹²⁹, данный фактор доминирует, как считают отечественные политологи, именно в силу ослабления коммуникации по линии «партии – гражданское общество»¹³⁰. То есть в обществе на фоне общей информатизации, отсутствия настоящей необходимости политической борьбы в целях удовлетворения первичных материальных потребностей, формы прямого политического участия (митинги, собрания, демонстрации, забастовки и т.д.) постепенно вытесняются формами виртуального политического участия и сетевой коммуникации. Сетевой характер общества в значительной степени повлиял на трансформацию моделей партийно-электоральной агрегации и фундамент политической борьбы.

Маркетинговая коммерческая составляющая обозначенных трансформаций выражается в удорожании избирательных компаний и предвыборной агитации. Соответственно массовые электоральные партии трансформируются в картельные партии в целях минимизировать затраты и конкуренцию посредством отстаивания интересов государства, а не общественных субъектов. Картельные партии, таким образом перестают выполнять посреднические функции между обществом и властью и становятся в большой степени агентами государства.

¹²⁹ Katz R. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth – Century Democracies / R. Katz, P. Mair // Political Parties. Old Concepts and New Challenges / ed. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. – Oxford, 2002. – P. 113–135.

¹³⁰ Александров К. А. Картельные политические партии: особенности возникновения и политического участия / К. А. Александров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2 (18). – С. 37–43.

С одной стороны, картельные тенденции партогенеза ведут к обособлению партийного руководства и лидеров от избирателей, политическому сращиванию партийных функционеров и чиновников, что снижает возможности внутрипартийной демократии. С другой стороны, поскольку «с возникновением картельного типа партий и его доминированием ни одна из значимых партий не может рассматриваться находящейся «вне власти»¹³¹, наблюдается тенденция усиления связей между картельными партиями, и, соответственно размывается граница между провластными и оппозиционными партиями.

«Картельная партия» («партия-картель») на рынке политических услуг представляет поддержку государственной политики и принимаемых политической элитой решений, облегчает на парламентском уровне прохождение государственных законодательных инициатив и т.д. В аспекте политической организации и политического участия картельные партии идут по пути бюрократизации, сращивания с государственным аппаратом, заключения партийных альянсов и союзов в целях монополизации политического рынка, устранения конкурентов и доминирования в рамках существующей политической системы¹³².

Ретроспективный социально-политический анализ позволяет идентифицировать партийно-маркетинговую модель и период ее активного доминирования в рамках процесса социально-политического развития России (политической жизни, партогенеза, электоральных процессов и т.д.), начиная с середины девяностых годов XX века и до 2012 года, выделяя определенные периоды. Вместе с тем, как уже было отмечено, рыночные формы взаимодействия, как и сам политический рынок, не исчезают ни из социально-политической практики, ни из социально-гуманитарных наук под влиянием других доминант. Они продолжают существовать, но в трансформированном гибридном варианте,

¹³¹ Katz R. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party / R. Katz, P. Mair // Party Politics. – 1995. – Vol. 1, № 1. – P. 5–28. DOI: 10.1177/1354068895001001001

¹³² Александров К.А. Картельные партии в структуре партийно-политического представительства современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 3. – С. 112–116

вытесняются на периферию научных штудий и политической жизни под влиянием развития других тенденций и факторов политического влияния.

Характеризуя рынки власти следует отметить, что в 1990-е гг. «на всех уровнях, при формальном разделении политических, экономических и управленческих транзакций, реально воспроизвелось их сращивание. Вместо разделения взаимодействия политических и экономических рынков возник гибридный политико-административный рынок, центральными акторами которого на всех уровнях выступили политизированные бюрократы (в институциональном смысле – это «наследники» партийно-политической номенклатуры) и политизированные предприниматели, которые в современных условиях во многом выполняют функции советских отраслевых министерств и ведомств¹³³.

В период до 2000 года формированию и процветанию политико-маркетинговой модели способствовали многочисленные электоральные процессы, инициированные первой-второй волной выборов губернаторов, выборами в муниципальные органы власти, в законодательные собрания субъектов РФ, а также характерными для тех лет частыми отставками политических руководителей разного уровня и ротацией депутатского корпуса¹³⁴.

Обозначенный период российского партогенеза характеризуется так же успешным становлением российских полит технологий, востребованностью политических менеджеров и консультантов, постепенным отказом от западных политических консультантов ввиду специфики российской социально-экономической и политической ситуации, требующей от российских политтехнологов креатива и новых подходов.

В ситуации передела собственности, слабости государства и института выборов, широкое распространение получили «черные политтехнологии» и мошеннические схемы, модель выборов, в которой кандидат не важен, все решения принимаются политтехнологами и консультантами в целях жесткой манипуляции

¹³³ Левин С. Н. Указ. соч.

¹³⁴ Ашихмина Я.Г. Электоральные циклы в России: изменение типологических характеристик выборов // Антиномии. 2009. № 9. С. 303–316.

общественным мнением и результатом выборов. Выборы выигрывают не кандидаты, а политико-маркетинговые схемы.

Широкое распространение получили разнообразные способы предвыборной агитации, ведущие позиции в которой занимали компроматы, дискредитация политических конкурентов в глазах избирателей и т.д.

Политтехнологи, менеджеры и консультанты в данный период политического развития России формируют общественное мнение и моделируют, организуют и имитируют агрегацию общественных интересов в пользу кандидатов, которые больше платят за их услуги. При этом общество, обладающее низкими политическими компетенциями и осведомленностью о политических технологиях, активно откликается на «лобовые» методы ведения предвыборной агитации и легко поддается грубым манипуляциям.

В 2000-2004 гг. начался процесс выстраивания административной вертикали, повышения роли и силы государства, активное изменение электорального законодательства, что инициировало ряд изменений партийно-маркетинговой модели партийно-электоральной агрегации¹³⁵.

Политики более активно вмешиваются в процесс организации выборов и ведения предвыборной кампании. Избиратели перестают как раньше откликаться и реагировать на «лобовые» методы предвыборной агитации. Снижается эффективность черного пиара в конкурентной политической борьбе. Кандидаты и избиратели уже имеют некоторое представление об электоральных процессах и технологиях, поэтому спектр и рынок полит технологий сужается, выделяются наиболее адекватные целям кандидатов электоральные стратегии. Наибольшую востребованность и коммерческую ценность на данном этапе имеют электоральные юристы.

В 2004-2008 гг. происходит дальнейшее усиление административной вертикали власти и накопление административного ресурса.

¹³⁵ Чувиллина Н.Б. Тенденции развития российских региональных электоральных процессов на этапе централизации власти в Российской Федерации // Власть. 2012. № 10. С. 71.

Поскольку усилиями Президента и его администрации возможности участия олигархов и бизнеса в политике значительно сокращаются, пропорционально уменьшается количество действующих политических сил и партий. Отмена выборов губернаторов и прямых выборов мэров, выборы в государственную думу по партийным спискам и другие нововведения данного периода приводят к коммерческой востребованности лоббистов и GR-менеджеров. В силу того, что действующая власть получила неограниченные возможности задействовать в электоральных процессах административный ресурс, выборы выступали формой легитимации предварительных межэлитных договоренностей. Государственная власть сделала выбор в пользу стандартных полит технологий.

В дальнейшем, после выборов 2007-2008 гг., в контексте модернизации меняется конфигурация российской партийной системы, что привело, во-первых, к уменьшению количества парламентских партий; усилению общественно-политических позиций «правлящей партии» благодаря отождествлению с Президентом РФ; и формированию оппозиционных партийных объединений¹³⁶.

Повышается роль и значимость партогенеза в обновлении и модернизации политической системы России: формировании новых партий, трансформации моделей партийного взаимодействия, активизации партий в электорально-избирательном процессе¹³⁷.

В 2008–2011 гг. российский партогенез переживал период «двоевластия» Путина – Медведева. Соответственно развитие партийной идеологии и обслуживание выборов политтехнологами происходило по двум основным сценариям – агитация избирателей за демократические перемены, оппозиционные движения (кандидат – В. Медведев) и в направлении укрепления стабильности и порядка (кандидат – В. Путин).

¹³⁶ Дзахова Л.Х. Фактор партийности в модернизации политической системы России: теоретико-методологические аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2010. – № 2. – С. 113–120.

¹³⁷ Мясников А.П. Роль выборов в формировании партийной системы / А.П. Мясников // Проблемы соответствия партийной системы интересам гражданского общества современной России. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Игнатова. Ростов/нД: Изд-во СКАГС, 2004.; Дзахова, Л.Х. Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России: политологический анализ: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 / Дзахова Лариса Хасановна. – Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2011. – 403 с.

Коммерческое обслуживание выборов в этот период носило многообразный характер. Часть политтехнологий перемещается в интернет-пространство, которое открывает для партий и партийных лидеров новые возможности мобилизации и агрегации интересов электората. Возникает конфликт между властью и медиаактивистами, который вылился в протесты конца 2011 – начала 2012 гг. Протестные выступления были умело использованы В. Путиным для агрегации общественных интересов в направлении установления стабильности и порядка и победы на выборах на фундаменте «традиционных ценностей»¹³⁸.

Следует отметить, что рассмотрение политических партий по аналогии с бизнес-организациями повышает роль политического менеджмента в разработке и применении электоральных стратегий и технологий. Штоль В.В. и Федорченко С.Н. делят «политико-менеджерские технологии партийного строительства на: партийные стартапы; управление партийными функционерами; управление партийными активистами; работу с партийными сторонниками; партийный фандрайзинг»¹³⁹.

Приведенный список технологий партийного строительства отражает элементы подготовки и воздействия полит технологий на политического потребителя в целях политического заказчика. Масштаб политической рекламы, которая начинается еще до официальной регистрации партий в ходе электоральных процессов, можно выявить посредством контент-анализа. Чем больше упоминаний конкретной партии в СМИ, тем более масштабными выступают действия полит технологов по организации политической рекламы в целях повышения узнаваемости, лояльности и т. д. партийного бренда.

Особо отметим технологию партийного фандрайзинга, которая в наибольшей степени отражает консьюмеризацию и маркетизацию политики и становится все более популярной в современной России. Технология партийного фандрайзера позволяет изыскать источники финансирования (помимо членских взносов) для

¹³⁸ Мухаметов Д.Р. Политические партии в цифровой реальности. Партии сетевого контроля и сетевой координации // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 2 (373). С. 59–70.

¹³⁹ Штоль В. В. Указ. соч. С. 55.

функционирования партии и электоральной компаний. Поскольку парламентские партии переведены на государственное финансирование, характерной чертой российского политического фандрайзинга является доминантная зависимость партий от государства.

Не только в современной России, но и в развитых демократических странах западной Европы «реализовывая возлагающиеся на них функции по формированию «здорового» общества, партии имеют право на получение различных государственных преференций»¹⁴⁰, что делает партии зависимыми от воли исполнительной власти. «Политические партии, в свою очередь, основательно интернируются в систему государственной власти и государственных интересов, все больше отрываясь от общества»¹⁴¹. Таким образом партии превращаются из представителей интересов народа в демократическом политическом процессе в манипуляторные организации, мобилизующие и контролирующее общество в интересах действующей власти.

Итак, политико-маркетинговая модель партийно-электоральной агрегации имеет следующие организационно-технические, социально-экономические, ценностно-целевые сущностные черты:

- Политические процессы и институты рассматриваются в качестве рынка политических услуг, на котором приобретается и обменивается политический капитал – потенциал влияния на власть и процессы политического управления.
- Политические субъекты преследуют политико-экономические интересы, руководствуются приоритетами получения выгоды и захвата политического рынка.
- Политические партии рассматриваются как своего рода бизнес-организации и политические бренды.
- Обслуживание электоральных процессов на коммерческой основе политтехнологами, электоральными юристами, лоббистами и GR-менеджерами с

¹⁴⁰ Никитенко А. И. Место современных политических партий в политической системе общества / А.И. Никитенко // Управленческое консультирование. – 2015. – №10 (82). – С. 45.

¹⁴¹ Никитенко А.И. Указ. соч.

целью моделирования и достижения определенного результата в пользу конкретной партии и кандидата.

– Предвыборные кампании и выборы не являются результатом агрегации интересов общественных субъектов, а срежиссированы политтехнологами с целью легитимации предварительных межэлитных договоренностей.

– Широкое применение манипуляций общественным сознанием, «лобовая» агитация, в том числе методами «черных» политтехнологий, использования компромата, технологий фальсификации выборов и т.д., а также широкое использования властью административного ресурса.

Принимая во внимание рыночный характер современной социально-экономической и политической реальности, политико-маркетинговую модель можно считать базовой, которая дополняется и трансформируется в кластерную и гражданско-идентичную в зависимости от изменений, которые происходят в структурно-функциональной организации основных политических субъектов, а также развития современных коммуникативных пространств, полит технологий, механизмов партийно-электоральной агрегации и т.д.¹⁴² Вместе с тем, следует отметить, что развитие ценностно-целевой компоненты партийно-электоральной агрегации способно существенно преобразовать рыночную мотивацию основных политических субъектов под влиянием общественного запроса на политические инновации и активное гражданское участие в политическом управлении страной.

Соответственно далее более подробно разберем сущность кластерной и гражданско-идентичной модели партийно-электоральной агрегации.

2.2.2 Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации

Формирование и развитие кластерно-сетевой модели партийно-электоральной агрегации обусловлено таким важным фактором как тенденция к

¹⁴² Михайленок О.М. Маркетизация политического как адаптация к изменившимся социально-политическим отношениям // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 113–132.

кластеризации и сетевизации социально-политических феноменов вследствие развития виртуальных пространств и сетевых способов коммуникации. Соответственно социально-политические феномены, благодаря интернету и цифровым технологиям, приобретают сетевой характер на базе горизонтальных и децентрализованных связей¹⁴³.

В теоретическом плане следует отметить интенсивно развивающиеся акторно-сетевые теории, социологию виртуальной реальности, использование в электоральных процессах и государственном управлении нейросетей, которые предоставляют методологические инструменты для анализа и идентификации многих социально-политических феноменов как кластерно-сетевых образований.

В масштабе России следует отметить, что процесс партийного строительства последних десятилетий привел к вытеснению из институционализированного политического процесса непарламентских и оппозиционных партий. Соответственно такие партии переносят свою активность в виртуальные социально-коммуникативные пространства, где они формируют сетевые электоральные кластеры. В интернете оппозиционные партии и движения могут собирать свою аудиторию и привлекать сторонников, даже если у них нет доступа к обычным государственным структурам. Такие объединения, действуют вне официальных процедур, что придает им гибкость. Они быстро улавливают настроения людей, оперативно используют соцсети и цифровые инструменты. Именно эти сетевые структуры способны серьезно влиять на ход острых политических событий, быстро обмениваясь информацией и организуя людей.

Такая кластерно-сетевая модель хорошо работает в современной России. Она позволяет политическим силам быстро реагировать на запросы избирателей, обходить жесткие рамки официальной политики и при этом оставаться активными, привлекая ресурсы и поддержку через виртуальные каналы¹⁴⁴.

¹⁴³ Шэнь Д. Технологический путь как политический путь: борьба великих держав за «право на истоки инноваций» / Д. Шэнь // *Advances in Science and Technology: Сборник статей LXXIII международной научно-практической конференции*, Москва, 15 декабря 2025 года. – М.: ООО «Актуальность.РФ», 2025. – С. 465-466.

¹⁴⁴ Давыдова Н. С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

В докторской диссертации С.Г. Зырянова¹⁴⁵ подробно исследован процесс участия кластерных формирований в так называемых «цветных революциях», в результате которых политические кластеры либо институционализируются, либо продолжают маргинальное существование.

«Теоретически это отсылает к концепции сетевого общества (М. Кастельс), акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло). кластерно-сетевому подходу (М. Портер, М. Энрайт, Дж. Даннинг, Р. Мартин), а также к современным исследованиям в области социально-экономических наук, кластерной политики в рамках реализации задач инновационного развития стран и регионов»¹⁴⁶.

Акторно-сетевые теории фундируют сдвиг в понимании и анализе социально-политических институтов и взаимодействий. Они фокусируются на сетевых структурах и динамических процессах, переосмысляя традиционные модели власти и управления. Так, например, если традиционно социально-политические институты рассматриваются как стабильные, иерархически организованные структуры с вертикальными связями власти, то сетевой подход предполагает, что институты становятся сложноорганизованными сетевыми образованиями, в которых доминируют горизонтальные связи и коммуникации. Это означает, что конфигурация таких сетей постоянно изменяется, отражая динамическую природу социально-политических взаимодействий.

Акторно-сетевые теории вносят новое понимание субъектов политических процессов как акторов интеракции. В классической политической науке доминировал субстанционалистский подход, в рамках которого субъекты социально-политического взаимодействия наделялись фиксированными ролями, устойчивым статусом и неизменным объемом властных ресурсов. Сетевой подход, напротив, акцентирует процессуальность: акторы находятся в состоянии

¹⁴⁵ Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов: политологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. 23.00.02 / Зырянов Сергей Григорьевич. – Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2008. – 313 с.

¹⁴⁶ Осипов А. В. Теоретико-методологическая проблема анализа современной политической власти: кластерно-сетевой подход / А. В. Осипов // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 8(72). – С. 2225-2233. – DOI 10.35775/PSI.2021.72.8.003.

перманентной реконфигурации, а динамика их взаимосвязей непосредственно трансформирует конфигурацию самих сетевых пространств.

Традиционная парадигма ориентирована на исследование статичных структурно-функциональных образований – политических институтов, организаций, формальных процедур. Сетевой подход смещает фокус на процессы и коммуникативные связи, формирующие социально-политические структуры. В центре внимания оказывается интерактивная динамика и то, каким образом взаимодействия структурируют и модифицируют сетевые конфигурации.

Акторно-сетевая теория предлагает пересмотр классического понимания власти, интерпретируя ее не как жесткую иерархическую вертикаль, а как полиархическую систему множественных центров влияния, в рамках которой различные участники оказывают воздействие на процесс принятия политических решений. Концепция партисипаторной управляемости акцентирует активное включение граждан в управленческие процедуры, а горизонтальные сетевые связи выступают институциональным механизмом, усиливающим такое участие и придающим ему реальное политическое значение. Сети при этом представляют собой динамичные, самоорганизующиеся структуры, одновременно формирующие политические процессы и детерминирующие их последствия.

Таким образом, акторно-сетевые теории предоставляют релевантный аналитический инструментарий для исследования современных социально-политических феноменов. Они позволяют проанализировать механизмы, посредством которых горизонтальные связи и коммуникативные взаимодействия формируют сетевые конфигурации, в рамках которых традиционные иерархические модели власти утрачивают монопольное положение и подвергаются реинтерпретации. Данный подход обладает высокой эвристической ценностью для изучения процессов демократизации, инновационного развития и адаптации политических систем к современным вызовам¹⁴⁷.

Итак, в современной политической науке выделяют три модели управления:

¹⁴⁷ Давыдова Н. С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

– Традиционная, когда государство выступает главным и единственным центром силы. Оно само устанавливает правила, контролирует все процессы и определяет, как устроено политическое пространство. Здесь доминирует принцип вертикальной власти¹⁴⁸.

– Рыночная модель, в рамках которой государство уже не единоличный хозяин, но сохраняет ключевую роль, взаимодействуя с другими участниками политического рынка и регулируя основные параметры этого взаимодействия.

– Акторно-сетевая модель (ее часто называют Governance). Здесь государство становится лишь одним из многих акторов. Оно включается в разнообразные горизонтальные связи наряду с политическими партиями, неформальными объединениями, гражданским обществом и другими сетевыми структурами. В такой системе управление строится не на диктате сверху, а на совместном взаимодействии всех участников, которые агрегируют общественные интересы¹⁴⁹.

Необходимо заметить, что, когда власть перестает быть строго вертикальной и государство ослабевает, это может привести, с одной стороны, к укреплению горизонтальных связей и активному взаимодействию разных групп и объединений. А с другой – к появлению теневых эффектов: такие сетевые структуры сложнее контролировать, они могут действовать в обход законов и установленных правил¹⁵⁰.

Несмотря на то, что сетевая организация социально-политических пространств и политического управления теоретически может осуществляться и без интернет-пространств, на практике акторно-сетевая теория и развитие интернет-коммуникаций тесно связаны современным характером коммуникации и политической идентификации.

¹⁴⁸ Плугатаренко П. Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования : теоретико-методологический анализ : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Плугатаренко Полина Николаевна. – М.: Московский педагогический государственный университет. – 2012. – 166 с.

¹⁴⁹ Сморгун Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты / Л.В. Сморгун // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4(61). – С. 43-49.

¹⁵⁰ Государственная политика и управление в 2 ч. Часть 1. Концепции и проблемы : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Л. В. Смргунова. – 2-е изд., стер. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 395 с.

Современные коммуникации имеют неустойчивый, меняющийся, виртуализированный сетевой характер. Современная постиндустриальная политическая идентификация отличается от идентификации, которая была присуща людям в индустриальном обществе. Если в индустриальную эпоху политическая борьба носила преимущественно материальный характер за доступ к распределению ресурсов для удовлетворения насущных материальных потребностей посредством членства в мажоритарных партиях с жесткой идеологией и участия в митингах, шествиях, забастовках и т.д., то постиндустриальная политическая идентификация – это временное отождествление с некоторым сетевым сообществом на базе текущих, непосредственно актуальных для человека идей, которое не имеет устойчивого характера, меняется в зависимости от индивидуальных потребностей в самовыражении и т.д. То есть, объективно-субъективные трансформации общества от индустриального к постиндустриальному повлияли не только на материально-технические способы взаимодействия между людьми, общественно-политические связи, способы выражения политической позиции, партийную организацию и т.д., но и на субъективные потребности политического участия, которые нашли более адекватное выражение в рамках виртуальных коммуникативных пространств – подписания онлайн петиций, присоединения к виртуальным представительствам партий в сети интернет, подписки на веб-страницы и блоги политических деятелей, участия в электронном голосовании и т.д.¹⁵¹

Вместе с тем не следует недооценивать современную политическую активность граждан в виртуальных пространствах. Как показывает опыт «оранжевых революций» и других политических событий, виртуальные пространства аккумулируют значительный электоральный ресурс и политический, в том числе протестный, потенциал, обладают механизмами оперативного политического реагирования, мобилизации и т.д., поэтому партийно-

¹⁵¹ Акопов Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 10.01.10 / Акопов Григорий Леонидович. – Санкт-Петербург: С.-Петербургский государственный университет. – 2013. – 336 с.

электоральные кластеры являются полноценными участниками современных политических процессов.

Итак, акторно-сетевая теория и кластерно-сетевой подход акцентирует внимание политологов не на формальных единицах и процедурах, институтах политической власти, а на интерактивном взаимодействии между всеми заинтересованными в принятии определенных политических решений акторами. Это позволяет исследовать межведомственные, межэлитные, межпартийные коммуникации не только на уровне официальных протоколов, а и с учетом теневых, неофициальных, межличностных и т.д. связей и способов политического влияния¹⁵².

Следует также подчеркнуть, что кластерно-сетевой подход предполагает, что в результате сетевой коммуникации, взаимодействия внутривластной сети акторы не только обмениваются ресурсами, но и вступают в отношения коллаборации, что предполагает взаимное влияние и взаимообусловленность, а также возможность вырабатывать и видоизменять общую социально-политическую стратегию по текущим вопросам.

Политические сети, объединяющие государственные и негосударственные организации, формальные и неформальные структуры, выполняют двойственную роль в современной политике. Сетевые формы дают новые возможности: позволяют учитывать разные интересы, быстрее реагировать, внедрять новое и делать процессы более открытыми. Но при этом они несут и риски, такие как нестабильность, конфликты, возможности для манипуляций.

В цифровую эпоху сети становятся главным двигателем политических процессов. Они ускоряют обмен информацией и координацию, но могут усиливать поляризацию и ослаблять традиционные институты. В итоге у власти снижается способность к стратегическому управлению и поддержанию стабильности.

¹⁵² Тома Ю.П. Региональные партийно-политические коммуникации: технологический аспект: по материалам Ростовской области: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Тома Юрий Петрович. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. – 2010. – 173 с.

В современной науке справедливо отмечают: сети и кластеры расширяют рамки представительной демократии, превращая ее из строго иерархической в смешанную, где вертикаль сочетается с горизонтальными связями. Вовлечение широкого круга акторов (государственных и негосударственных, правительственных и общественных) создает условия для более инклюзивного принятия решений и повышает адаптивность политических институтов. В условиях глобализации, сопровождающейся ростом транснациональных вызовов в экономике, экологии и информационной сфере, сетевые сценарии взаимодействия как между государствами, так и внутри них способствуют повышению информированности граждан, стимулируют их политическую активность и расширяют каналы обратной связи.

Социально-политические сети усиливают делиберативные функции управления, формируя пространство для многоуровневого обсуждения общественно значимых вопросов. Цифровые платформы, благодаря своим организационно-техническим и идеологическим возможностям, позволяют вовлекать в процессы принятия решений широкий круг участников. Это способствует развитию человеческого капитала нового типа, повышению политической компетентности граждан и укреплению культуры участия, что напрямую соотносится с целями демократического транзита и институциональной модернизации.

Сетевые механизмы трансформируют традиционные институты демократии, включая выборные процедуры и партийную конкуренцию, формируя феномен «медиализированного лидерства», когда политический капитал определяется не программной деятельностью, а медийной видимостью и символическим влиянием. Сети помогают мобилизовать граждан и продвигать инициативы, но при этом усиливают поляризацию, создают риски дезинформации и снижают предсказуемость политики, усложняя управление.

При грамотном подходе сетевое взаимодействие может улучшить качество решений и снизить конфликты, однако без зрелых институтов и устойчивых

ценностей оно превращается в имитацию или инструмент оправдания готовых решений.

Партии в сетевую эпоху становятся гибкими, подвижными структурами, которые собираются вокруг разных групп, не имеют жесткой иерархии и действуют через цифровые платформы. Это расширяет доступ к политике, но открывает возможности для манипуляций и создания замкнутых групп. В итоге политическое участие часто становится символическим, что ставит под вопрос его реальный вклад в развитие демократии.

Если исследовать формирование кластерно-сетевой модели партийно-электоральной агрегации в корреляции с политическими процессами в России, то следует отметить, что период 2012-2018 гг. это период российской политической истории, когда избрание В. Путина на пост Президента РФ на фоне возвращения Крыма в состав РФ, западных экономических санкций, возвращения одномандатных округов, выборов губернаторов, реформы местного самоуправления, либерализации регистрации партий, принятия закона об ограничении в России деятельности западных негосударственных и некоммерческих организаций и т.д. сопровождалось широкой общественной поддержкой и возникновением широкого спектра национально-патриотических движений.

Немаловажно, что в этот период власть принципиально отказывается от «фальсификации выборов», поскольку это, с одной стороны, может дискредитировать власть в глазах мирового сообщества и поставить под сомнение ее легитимность, генерировать протестные настроения. А, с другой стороны, опирающаяся на административный ресурс и общественную поддержку власть не нуждается в механизмах фальсификации для обеспечения своей победы.

В данный период в целях получения общественной поддержки и стабильного лояльного электората власть инициирует ряд социальных проектов разного уровня, что приводит к упрочению ее позиций, снижению протестной активности населения и потенциала политической оппозиции. При этом политическая активность оппозиционных движений перемещается в виртуальные сетевые

пространства, что создает предпосылки для развития кластерной модели партийно-сетевой агрегации.

Политтехнологии концентрируются вокруг возможностей по организации медиа-событий, мобилизации электората посредством социальных сетей, виртуального представительства партий, технологий электронного голосования и т.д. И действующая власть, и оппозиционные партии широко используют специалистов SMM профиля (сетевых маркетологов, таргетологов, аналитиков больших данных, контент менеджеров и т.д.), блогеров и лидеров мнений, так называемых инфлюэнсеров, которые становятся специалистами, обслуживающими политические процессы определенных групп интересов и партий.

Немаловажно, что кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации активно развивается вследствие особенностей современного электорального процесса и законодательства. Так, С.Г. Зырянов отмечает, что «в современной России сложилась избирательная система, в рамках которой фактически не учитываются голоса значительной части участвовавших в выборах избирателей, а инструментом отсеивания выступает довольно высокий порог прохождения партий в парламент. При 5-процентном барьере потерянными оказывались 49 % голосов избирателей. То есть почти половина электората голосовала за партии, которые не имеют шанса остаться в Думе из-за указанной нормы, а при 7-процентном барьере количество пропавших голосов может возрасти еще больше»¹⁵³.

«В целом, тенденция переноса политической активности в электронную виртуальную среду и развития модели кластерно-сетевой партийно-электоральной агрегации детерминируется рядом факторов.

– Развитием электронных информационных сетей, технологий и технических платформ, способов коммуникации, активным внедрением дистанционных режимов, в том числе в связи с пандемией covid-19, которые

¹⁵³ Зырянов С. Г. Трансформация политического пространства: от политических партий к электоральным кластерам (из опыта США и России) / С. Г. Зырянов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 4(60). – С. 24-29.

обеспечивают индивидуализированный запрос на самовыражение и политическое участие в современном сетевом постиндустриальном обществе.

– Современным состоянием институтов и способов политического участия граждан, которые не обеспечивают полноценного демократического процесса, способность общества влиять на власть посредством членства в институализированных парламентских партиях.

– Аккумуляцией актуального запроса граждан на политическую модернизацию и протестную активность, которая не находит легитимных способов выражения в реальном политическом пространстве.

– Заинтересованность политических сил (государства, элиты, лидеров и т.д.) в новых способах политической коммуникации и значительных возможностях манипулировать общественным мнением и электоральной активностью посредством электронных информационных сетей»¹⁵⁴.

Актуальные результаты мониторингов общественного мнения показывают, что «внедрение инструментов электронного голосования постепенно изменит привычную для ряда групп избирателей модель поведения на выборах, референдумах, голосованиях и опросах. ...Доверие к институту электронного голосования будет зависеть от степени прозрачности системы и наличия возможности гражданского контроля за всеми этапами внедрения нового вида голосования»¹⁵⁵.

Таким образом, кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации предлагает множество конструктивных возможностей для развития политического управления и демократизации. Горизонтальные связи и сетевые структуры, поддерживаемые современными технологиями, создают условия для более эффективного и инклюзивного политического процесса. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия к государственным институтам, повышению их

¹⁵⁴ Давыдова Н. С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

¹⁵⁵ Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnnoe-golosovanie-novye-tekhnologii-menyayut-elektoralnye-privyчки> (дата обращения: 13.05.2024).

эффективности и подотчетности обществу. «И наконец, что видится крайне важным, сети интерпретируют политическую сферу в относительно стабильных, но постоянно оспариваемых дискурсивных рамках, избегая при этом антагонизма между участниками, поощряя состязательность, но не конфликт»¹⁵⁶.

Таким образом, кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации характеризуется рядом сущностных признаков организационно-технической, социально-экономической, ценностно-целевой направленности:

– «Политические процессы и институты рассматриваются в качестве сетевого пространства в постиндустриальном «сетевом обществе». Сеть носит непостоянный, перманентно изменяющийся характер и конфигурацию, что детерминирует непредсказуемость результатов внутрисетевых интеракций, ограниченную управляемость и т.д.

– Основные акторы социально-политической коммуникации взаимодействуют по принципу сетевой многоуровневой интеракции, в пространстве политических сетей, в том числе в электронных интернет-пространствах.

– Политические субъекты выступают в качестве кластеров, акторов сетевого взаимодействия, которое имеет преимущественно горизонтальную геометрию и направлено на достижение со-согласования интересов множественных групп интересов.

– Политическая активность акторов не носит системного постоянного характера, опирается на индивидуалистический сетевой постиндустриальный способ политической самоидентификации и возможности самовыражения за пределами институционального поля.

– Политические партии рассматриваются как своего рода сетевые электоральные кластеры, киберпартии, виртуальные представительства реально существующих партий, сетевые партийные бренды.

¹⁵⁶ Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – 335 с.

– Обслуживание электоральных процессов на основе сетевых информационных технологий, включая способы манипулирования общественным сознанием и поведением «политических потребителей» по аналогии с сетевым маркетингом, таргетингом, способами оперативной политической мобилизации, с привлечением агрегационного ресурса лидеров мнений, блогеров, инфлюэнсеров и т.д.

– Предвыборные компании и выборы не являются в полной мере результатом агрегации интересов общественных субъектов, но включают элементы «совещательной демократии», которая имеет значительный потенциал реализации на уровне сетевых электоральных кластеров и структур местного, регионального самоуправления. Вместе с тем, существует необходимость поддержания баланса власти между сетевыми (в том числе наднациональными, транснациональными) организациями и национальным государством, обеспечивающим политику соблюдения национальных интересов, безопасность и национальный суверенитет.

Широкое применение манипуляций общественным сознанием, агитация и таргетированная политическая реклама (основанная не только на технико-технологических возможностях информационных сетей, но и на том, что пользователи сети имеют ограниченные способности к анализу информации на фоне невероятно быстрого и широкого ее распространения), в том числе методами «черных» сетевых интернет полит технологий, использование «политики постправды», «подталкивающей информации», «эхо-камер», «ферм троллей», и т.д., а также широкое использования властью административного ресурса в управлении политическими сетями.

– Ценностно-целевая составляющая кластерно-сетевой модели является необходимым противовесом манипуляциям общественным мнением и использования сетевых электоральных кластеров в целях «оранжевых революций», дестабилизации национальных государств и т.д.

Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации включает элементы политико-маркетинговой модели. Она была востребована в начале XXI века в связи с бурным развитием интернет-технологий и сетевых коммуникаций и

продолжает функционировать на современном этапе в России и других странах»¹⁵⁷. Вместе с тем, следует отметить, что исчерпанность политического потенциала демократического транзита по западному образцу, а также актуальные вызовы современности требуют разработки и практического применения инновационных моделей партийно-электоральной агрегации, сущностной характеристикой которых является их ориентация на гражданскую идентичность и культурно-цивилизационную идентичность.

2.2.3 Партийно-электоральная агрегация, ориентированная на гражданскую идентичность

Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации основывается на формировании и укреплении общегражданской идентичности как важного ресурса политической консолидации общества. В рамках данной модели политические партии ориентируются не только на представление отдельных социальных интересов, но и на объединение различных групп вокруг общих ценностей, национальных приоритетов и долгосрочных целей развития государства. Партии в этом случае выступают посредниками, способствующими формированию чувства принадлежности граждан к единому политическому сообществу и вовлечению общества в процессы принятия политических решений.

Особенность данной модели заключается в том, что партийная деятельность направлена на укрепление доверия между государством и обществом, поддержку общественных инициатив и развитие культуры гражданского участия. Важное значение приобретает опора на исторические традиции, национальные ценности и социальную солидарность, которые способствуют консолидации общества в условиях социальных и политических изменений. В результате гражданско-идентичная модель рассматривается как один из возможных путей повышения

¹⁵⁷ Давыдова Н. С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

устойчивости политической системы и формирования более активного и ответственного гражданского участия в общественной жизни.

Развитие институтов гражданского общества, а также возрастающий общественный запрос на расширение форм демократического участия в политическом управлении, разворачивающиеся на фоне глубинной трансформации институтов публичной политики и усложнения структуры полиархических режимов, обуславливают появление новых акторов политического процесса. Указанные акторы берут на себя функции артикуляции и агрегации общественно-политических интересов и потребностей различных социальных групп, в ряде случаев функционально замещая традиционные политические партии как ключевые посреднические институты. К их числу могут относиться экологические и правозащитные движения, сетевые и слабо институционализированные (аномичные) сообщества, горизонтально организованные локальные инициативы и иные формы самоорганизующейся гражданской активности, действующие преимущественно вне жестко формализованных организационных структур.

Сложившаяся ситуация носит амбивалентный характер и порождает разнонаправленные тенденции в эволюции партийно-политических институтов. С одной стороны, она объективно стимулирует политические партии к структурно-функциональной трансформации, связанной с адаптацией к новым условиям политической конкуренции и коммуникации. В частности, усиливается тенденция институционального сближения партий с государством и действующей властью, что находит выражение в феноменах «картелизации» партийных систем, расширения практик государственного финансирования парламентских партий, а также в укреплении их роли как элементов государственно-управленческого механизма. В результате партии в значительной степени трансформируются из каналов представительства общественных интересов в агентов государственной политики, что сопровождается снижением их автономии и ослаблением функций

общественного посредничества¹⁵⁸.

С другой стороны, формирование новых акторов и рост их влияния выступают мощным стимулом для поиска и институционализации альтернативных, адекватных современному общественному запросу форм партийно-электоральной агрегации. Речь идет о разработке новых моделей взаимодействия в триаде «общество – политические партии – государство», основанных на сочетании сетевых и институциональных механизмов, а также на переосмыслении принципов политического представительства. В рамках данных моделей особое значение приобретает опора на общегражданскую идентичность, а также учет национально-культурной и цивилизационной специфики политической организации общества, включая традиционные ценностные основания власти и управления.

Указанные процессы, в свою очередь, инициируют более широкую теоретико-методологическую переоценку потенциала классических моделей демократического транзита, прежде всего западноцентричных, и актуализируют поиск альтернативных траекторий политического развития. В центре данного поиска оказывается проблема формирования интегративной общенациональной идеологии, способной обеспечить консолидацию различных социальных и политических сил на основе базового ценностного консенсуса. Такая идеология рассматривается как необходимое условие укрепления легитимности власти, повышения устойчивости политической системы и обеспечения ее долгосрочной институциональной стабильности в условиях нарастающей сложности и фрагментации современного политического пространства.

Согласно теориям «коммунитарной демократии», для реальной демократизация политического управления недостаточно юридического закрепления демократических свобод и институтов. В современных условиях демократия требует коммунитарного фундамента на основе чувства общности и

¹⁵⁸ Третьяков Д. Г. Концептуализация проблем функциональности политических партий в отечественной политологии: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Третьяков Дмитрий Геннадьевич. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2015. – 192 с.

идентичности, разделяемого всеми гражданами страны. Вместе с тем, в условиях, характерных для мирового сообщества: глобализации, денационализации, полиархии власти и т.д., не государство, а коммуна выступает основным институтом по формированию общенациональной идентичности¹⁵⁹.

Следует отметить, что наряду с процессами глобализации и денационализации государств и обществ наблюдается и обратная тенденция государствообразования. Политике мультикультурализма и глобализма под влиянием современных проблем миграции, постпандемийной борьбы за ресурсы и «переделки мира» противопоставляются теории и практики укрепления национальных государств, политика защиты национальной самобытности и традиционных ценностей. Вместе с тем, следует согласиться, что проблема идентичности, решаемая не только на государственном, но и на коммунитарном уровне выступает фундаментом демократического управления, залогом консолидации общества и власти¹⁶⁰.

С одной стороны, в России присутствует такой фактор как «управляемый электорат», как результат целенаправленного воздействия власти на формирование электорального поведения и предпочтений граждан, опираясь на политические технологии и административный ресурс. Как отмечают многие политологи, это включает:

– юридические технологии, которые позволяют влиять на кандидатов посредством выдвижения обвинений, например, в нарушении правил предвыборной агитации, сбора подписей и т.д., а также, например, если убрать из бюллетеней графу голосовать «против всех», то это позволяет «отсеивать» кандидатов от оппозиционных партий, подталкивает избирателя к безальтернативным выборам из ограниченного списка претендентов;

¹⁵⁹ March J. *Democratic Governance* / J. March, J. Olsen. – New York: The Free Press, 1995. – 293 pp.; Sandel M. *Democracy's Discontent: America in a Search of Public Philosophy* / M. Sandel. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 417 pp.

¹⁶⁰ Воронцов С. А. О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества / С. А. Воронцов, А. В. Понедельков, Ф. И. Шарков // *Коммуникология*. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 58-69.

– мультимедийные технологии, которые позволяют организовать электоральную поддержку нужной партии и кандидата посредством СМИ. Это может выражаться в использовании политически ангажированных СМИ, использовании «прайм таймов» эфирного времени для рекламы определенных партий, количественного доминирования информационного трафика, присутствия и упоминания определенной партии в медийном пространстве, благодаря использованию административного ресурса в социальных сетях;

– экономические технологии, которые предполагают экономическое поощрение или наоборот экономические санкции в отношении лиц, способных в определенном направлении мобилизовать электорат, обеспечив, например «правильное» голосование сотрудников определенных предприятий, вузов, школ и т.д.¹⁶¹.

То есть, благодаря использованию административного ресурса, популистских решений, обнародования накануне выборов определенных социальных проектов, выплат определенным категориям граждан (повышение пенсий, пособий, снижение налогов, утверждение льгот и т.д.), власть имеет возможность организовать «управляемые выборы». А, с другой стороны, – современный геополитический и социально-экономический контекст вызывает социально-экономический и политический раскол в обществе, поскольку граждане не в равной степени несут бремя санкционного давления коллективного Запада, участия в спецоперации на Украине и т.д., что в свою очередь, вступает в противоречие с выявленным в результате мониторингов представлением народа о социальной справедливости как о равенстве, ослабляет консолидацию в обществе и легитимность власти. Все это как никогда раньше актуализирует необходимость формирования гражданско-идентичных моделей партийно-электоральной агрегации на современном этапе развития России¹⁶².

¹⁶¹ Рыбчак П. Н. Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти / П. Н. Рыбчак // Управленческое консультирование. – 2016. – № 3(87). – С. 184-194.

¹⁶² Жиганов А.Ю. Электоральный цикл 2018-2024 гг. и институциональные изменения / А. Ю. Жиганов // Право и политика. – 2025. – № 12. – С. 156-177.

Поскольку основными маркерами по проблеме общегражданской идентичности и общественного консенсуса выступают: уровень доверия власти, политическим партиям и партийным лидерам, представление об идеальном государстве, партийно-политические симпатии, идеологические ориентации, уровень протестной активности, отношение к демократии и политической системе, следует констатировать, что на фоне возрастающей поддержки и доверия к общенациональному лидеру, что подтвердил электоральный цикл 2024 года и выборы Президента РФ¹⁶³, значительная часть опрошенных граждан полагается в основном на государство, а не на представительство своих интересов в парламенте, поскольку спектр парламентских партий ограничен¹⁶⁴. Как показали результаты опросов общественного мнения в связи с электоральным циклом 2023 года, доминирование партии «Единая Россия» было почти повсеместным и безальтернативным¹⁶⁵, что подтверждает обозначенный выше вывод об относительно невысоком уровне развития представительской демократии в виду отсутствия широкого спектра парламентских партий и неразвитости культуры гражданского участия в современной России.

Следует отметить, что социально-политические противоречия отчетливо проявляются в молодежной среде. Здесь следует обозначить противоречие между общеевропейской и общенациональной российской идентичностью, верой в Россию как мирового лидера и неверием в российскую демократию, декларацией активной гражданской позиции и неучастием в выборах, а также «вымывание» из маркеров идентичности таких понятий как «родина», «отчество», «государство», что снижает потенциал развития патриотического самосознания¹⁶⁶.

¹⁶³ Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов. 19 марта 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov> (дата обращения: 17. 05.2024).

¹⁶⁴ Великая Н.М. Перспективы российского гражданского общества в контексте динамики партийно-политических ориентаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/report_2021/119_21052021094851.pdf (дата обращения: 17. 05.2024).

¹⁶⁵ Регионы России накануне выборов. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regiony-rossii-nakanune-vyborov> (дата обращения: 17. 05.2024).

¹⁶⁶ Левашов В. К. Российские граждане о социально-политических аспектах жизни, вызовах и угрозах в изменяющейся реальности (по материалам мониторингов ИСПИ ФНИСЦ РАН) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/report_2021/112_21052021093746.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

Осипов А.В. отмечает, что «в современной социально-политической практике и консолидационной политике наблюдается обострение множественных противоречий. Обострились социальные и политические противоречия, как на уровне объективных социально-экономических процессов, так и на уровне субъективных процессов идентификации граждан, обретения ими общегражданской, общенациональной идентичности, которая фундирует консолидационные процессы и институты»¹⁶⁷.

Несмотря на то, что современная российская власть обладает механизмами формирования и контроля управляемого электората и управляемых выборов, современное российское общество, как заключают социологи и политологи, находится в ситуации развертывания политико-управленческого кризиса, кризиса власти с точки зрения ее легитимности¹⁶⁸.

Следует отметить, что в виду обозначенных ранее традиций российской власти и результатов ретроспективного анализа российского партогенеза, возможности формирования консенсуса власти и общества зависят от действия таких политических акторов как государство, элиты, политические партии и гражданское общество. При этом, учитывая российскую специфику, главным актором среди политических партий выступает государство и партия власти.

Феномен «партии власти» в современной российской социально-политической реальности отражает как специфику российского партогенеза, так и специфику общественного сознания. В общественном сознании, как показывают актуальные данные мониторингов, партия власти олицетворяет собой власть и государство в целом, а также общенационального лидера президента РФ – В.В. Путина. Соответственно, с одной стороны, высокий уровень доверия президенту положительно отражается на уровне доверия партии и работает на легитимацию

¹⁶⁷ Осипов А. В. Основные тенденции, динамика и противоречия процессов консолидации политической власти в современной России (на материалах социальных мониторингов 1998-2021 гг.) / А. В. Осипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11, № 12(81). – С. 3448-3456. – DOI 10.35775/PSI.2021.81.12.018.

¹⁶⁸ Пути и резервы социальной консолидации в трансформирующемся социуме: гражданское общество и политические субъекты нового мира. // XI международная Грушинская социологическая конференция «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир» (17-22 мая 2021 года). Стенограмма от 18 мая 2021 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=9> (дата обращения: 27.04.2024).

действующей власти. А, с другой стороны, россияне возлагают особую ответственность на государство и партию власти за ситуацию в стране, поэтому ухудшение социально-экономической ситуации, падение благосостояния граждан отражается на имидже и рейтингах партии власти негативным образом, подрывает доверие граждан к реформам и государственной инновационной политике.

Партия власти, таким образом, выступает для граждан своеобразной системой координат электоральных предпочтений и выбора. Голосование за партию власти является сути поддержкой действующей власти и ее курса. Голосование за оппозицию, попыткой найти альтернативу, близкую к собственным взглядам. При этом большинство партий остаются в тени, а реальная конкуренция ограничена¹⁶⁹.

Электоральный авторитаризм – это система, где партия власти и ее лидер контролируют ключевые сферы политики, сохраняя видимость демократии. При этом гражданские свободы урезаются, доступ к информации ограничен, а альтернативные взгляды и независимая политическая активность сильно затруднены.

Такая система может складываться по разным причинам: из-за слабости институтов, исторических традиций, экономической ситуации или действий конкретных политиков. Это сложный гибрид авторитарных и демократических элементов, который по-разному воспринимается как внутри страны, так и за ее пределами¹⁷⁰.

В России «Единая Россия» как партия власти отвечает вышеобозначенным критериям. Она организована в целях поддержки лидера, проводит в жизнь его личную политическую волю, поддерживает действующую вертикаль власти¹⁷¹.

Доминирующее членство в партии власти среди руководителей регионального и муниципального уровня так же является фактором, позволяющим

¹⁶⁹ Гавриков А.В. Метод ключевых понятий в изучении политических партий: историческое и социологическое измерение / А.В. Гавриков // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2024. – № 23-1. – С. 28-35.

¹⁷⁰ Geddes B. How Dictatorships Work / B. Geddes, J. Wright, E. Frantz. – New York, NY: Cambridge University Press, 2018. – 257 p.

¹⁷¹ Михеева В. В. Доминирующая партия как сила, преобразующая политическое пространство / В. В. Михеева // Политика и общество. – 2025. – № 1. – С. 43-61..

укреплять прежде всего властную вертикаль. Это имеет позитивный эффект в аспекте управляемости политической системой, сводит к минимуму протестную активность и сепаратизм. Вместе с тем, указанный тип доминирования партии власти превращает электоральные процессы в выборы без выбора, препятствует развитию демократических институтов как на уровне регионов, так и в целом по стране, что так же способствует укреплению персоналистического режима правления президента и снижению гражданских инициатив¹⁷².

Ситуация усугубляется тем фактом, что россияне отождествляют партию власти, государственную власть, стабильность и порядок. Это проявляется в делегировании ответственности за принятые в политической сфере решения, провоцирует политическую пассивность большинства¹⁷³. Процессы политической ротации партийных элит, рекрутинг и вертикальная мобильность внутри партий находят в общественном сознании ограниченное выражение в процессах «чистки партийных рядов».

Следует отметить, что фактор присоединения в результате специальной военной операции на Украине новых регионов усиливает централизацию власти на уровне электоральных предпочтений в обозначенных регионах России. «Декларируемый уровень поддержки партии «Единая Россия» в четырех новых регионах варьируется от 80% до 89% (от числа определившихся с выбором)»¹⁷⁴. Это с одной стороны, повышает управляемость политической системы на основании консолидации власти и народа, а, с другой стороны актуализирует проблему демократической модернизации моделей партийно-электоральной агрегации.

¹⁷² Попова Ю. В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима / Ю. В. Попова // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 3(27). – С. 87-95. – DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95.

¹⁷³ Прекрасная «Единая Россия» будущего // Аналитический доклад ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/prekrasnaya-edinaya-rossiya-budushhego> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁷⁴ Навстречу выборам: социально-политическая ситуация в новых регионах РФ. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-vyboram-socialno-politicheskaja-situacija-v-novykh-regionakh-rf> (дата обращения: 25.05.2024).

Немаловажно, что, как показывают опросы ВЦИОМ, «Менее чем за три года уровень общественного доверия к результатам выборов вырос с 46% до 61%»¹⁷⁵, что является позитивной динамикой уровня легитимности власти и эффективности электоральных механизмов участия в политической жизни страны. Вместе с тем преждевременно было бы говорить о том, что между гражданами и властью сложилась партнерская модель взаимодействия, поскольку «вертикаль» значительно доминирует над «горизонталью», политическая инициатива граждан выражена слабо.

Следует отметить, что с теоретико-методологических позиций гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации должна иметь следующие организационно-технические, социально-экономические, ценностно-целевые сущностные черты:

– Политические процессы и институты рассматриваются в качестве полиархического демократического пространства, в рамках которого функционируют различные центры политической власти, объединенные общей стратегией на основе общенациональных интересов.

– Основные акторы социально-политической коммуникации взаимодействуют в рамках демократических институтов и процедур, основным из которых выступает институт выборов.

– Политическая активность акторов объединена в систему горизонтальных и вертикальных политических коммуникаций в рамках политико-правового поля. На местном и региональном уровне преобладают горизонтальные связи. Вместе с тем, на федеральном уровне, усилиями, прежде всего государства обеспечивается вертикаль власти в целях реализации стратегических национальных целей, проведения государственной инновационной политики, обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитете страны.

¹⁷⁵ Выборы в России: участие, легитимность, доверие. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie> (дата обращения: 29.05.2024).

– Политические партии выступают как агрегаторы общественных интересов, действуют наряду и в согласии с такими важными акторами политико-правовой демократической системы страны как гражданское общество. То есть это должны быть партии инновационного типа, аккумулирующие общественный запрос на желаемые изменения и преобразования в социально-политической сфере и предлагающие обществу и власти, на основании данного запроса, варианты и стратегии политического решения актуальных проблем.

– Политические партии, государство выступают не только в качестве источников и проводников политической воли «сверху», но и в качестве институтов-медиаторов, осуществляют функции модерации многообразных политических интересов, наряду с другими институтами-модераторами, например, институтом независимого экспертного мнения, в целях обеспечения всесторонней экспертизы политических решений и доступа широких слоев населения к политико-правовым инициативам и решениям. Особую значимость приобретает «Government Relations» как институт социально-политического взаимодействия, представляющий собой деятельность, направленную на конструирование оптимальной системы взаимоотношений между различными структурами и объединениями гражданского общества, включающими бизнес-структуры, профсоюзы, различные добровольческие ассоциации, и органами государственной власти¹⁷⁶.

– Обслуживание электоральных процессов на основе современных политтехнологий не носит доминирующего манипулятивного характера, с доминирующим использованием административного ресурса и кибер-технологий управления партийными брендами, а подготавливает электоральное пространство для свободного коллективного и индивидуального выбора на основе выработанного в результате «совещательной», «коммунитарной» демократии общественного тренда, социально-политической компетентности и информированности избирателей.

¹⁷⁶ Воронин ВВ. Партийная система современной России, характеристика и анализ политической оппозиции / В. В. Воронин, Т. Н. Клочкова // Вестник Нижегородского института управления. – 2023. – № 1(67). – С. 3-16.

– Предвыборные компании и выборы являются в достаточной мере результатом агрегации интересов общественных субъектов. То есть они не носят абсолютно предсказуемый предопределенный предварительными соглашениями элит и государства характер, а отражают общественный запрос на инновации в общественно-политической жизни в целях обеспечения общего блага.

– Ценностно-целевая составляющая гражданско-идентичной модели выстраивается на фундаменте общегражданской идентичности и традиционных ценностей (с учетом цивилизационной идентичности и культурно-исторического кода), которые поддерживают в обществе чувство общности и способствуют его процветанию, а также способствуют формированию политической культуры активного гражданского участия, развитию человеческого капитала, поддержания баланса между материальными потребностями и постденежной мотивацией, характерной для класса профессионалов – необходимого фундамента национальной инновационной системы»¹⁷⁷.

Немаловажно, что ценности выступают значимым элементом электоральной мотивации. Как считают эксперты с большим опытом политического консультирования, в современной России избиратели ходят на выборы по причине того, что разделяют или не разделяют ценности политического кандидата, а также, например, как на Кавказе, из уважения к просьбам, рекомендациям пойти на выборы, исходящим от старейшин, старших в семье, авторитетных людей¹⁷⁸.

Следует отметить, что обозначенная гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации не может быть абсолютно свободной от элементов рыночной и кластерной моделей, поскольку современное постиндустриальное общество в актуальном состоянии включает политический рынок, политические сети и кластеры, не может отказаться полностью от предвыборной борьбы с использованием полит технологий, эффективно

¹⁷⁷ Давыдова Н. С. Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 4(97). – С. 1523-1530. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.023.

¹⁷⁸ Матвейчев О.А. Политическое консультирование в России: вчера, сегодня, завтра / О.А. Матвейчев. – М.: Книжный мир, 2020. – 512 с.

обеспечивающих партиям и политическим лидерам электоральную поддержку, манипулирующих общественным мнением и подталкивающим граждан к определенным выборам.

Тенденции партогенеза, связанные с трансформацией партийной структуры и функций в целях самосохранения, поиска гарантированных источников финансирования в лице государства и т.д., в результате которых партии перестают выполнять задачи агрегации общественных интересов и превращаются в проводников в массы государственной политики, так же невозможно полностью искоренить, поскольку они являются частью мирового политического тренда, имеющего под собой объективные социально-экономические основания»¹⁷⁹.

Обозначенные факторы усиливаются в России, как за счет традиции сакрализации власти, ее персонификации, так и актуальным контекстом развития России, поскольку современная социальна-политическая система находится в мобилизационном состоянии, требующем концентрации ресурсов и власти. Если на Западе, как считают многие эксперты, демократия – это прежде всего институты, структура, а не люди. Соответственно, народ на Западе верит и доверяет конституции, которая гарантирует права и свободы, институту правосудия, которой решает споры и т.д., а отдельных функционеров системы, в том числе президента, можно легко заменить. В России же гарантией исполнения закона, соблюдения конституционных прав и т.д. выступают конкретные люди у власти и при власти – родственники, близкие друзья, конкретные чиновники, «царь-батюшка» – президент страны. Соответственно, заменить президента означает заменить государство. Пока люди доверяют верховному правителю, они лояльны по отношению к политике, которая проводится государством¹⁸⁰.

Культурно-цивилизационная особенность российского политического сознания играет двоякую роль в формировании политической системы и ее функционировании. С одной стороны, она обеспечивает высокую степень лояльности и доверия народа к

¹⁷⁹ Давыдова Н. С. Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 4(97). – С. 1523-1530. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.023.

¹⁸⁰ Матвейчев, О.А. Указ. соч. С.115-116.

власти, что выражается в поддержке национального лидера. С другой стороны, это же обстоятельство создает предпосылки для формирования безальтернативного персоналистического режима правления, в рамках которого партия власти занимает доминирующее положение.

Культурно-цивилизационная особенность российского политического сознания, обеспечивая высокую лояльность и доверие к власти, одновременно создает условия для формирования безальтернативного режима правления. Для успешного развития страны необходимо осознание элитами необходимости модернизации политической системы и реализация инновационных процессов, ориентированных на долгосрочные стратегические задачи. Важно обеспечить реальную вовлеченность и поддержку общества в этих процессах, что позволит изменить вектор социально-политических процессов и обеспечить устойчивое развитие страны¹⁸¹.

Следует отметить, что деструктивная деятельность и технологии, которые используют «недружественные страны» в целях ослабления позиций России, эксплуатируют именно эту, указанную особенность российского менталитета, связанную с сакрализацией и персонализацией государственной власти и лидера. Соответственно, деструктивное влияние обеспечивается посредством дискредитации власти, компрометирования лидера и элит, разрушения системы межэлитного взаимодействия.

Развитая система западной пропаганды и кибервойны посредством создания многочисленных «фэйков», фальшивых аккаунтов политических лидеров и партий, технологий «снежного кома», которые лавинообразно наращивают эффективность воздействия деструктивной информации по всему социально-политическому полю, направлена прежде всего, на подрыв доверия общества к власти, разрушение общенациональной идентичности на фундаменте общенациональных ценностей. Практики разворачивания межэлитного конфликта на почве разного вероисповедания, национальности, положения в иерархии власти и межличностных конфликтов в России способны, к сожалению, быстро принести негативные плоды. В

¹⁸¹ Денисенко И.Ф. Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России / И. Ф. Денисенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 3. – С. 142-147.

этой связи совершенно оправданными и правомерными являются действия власти и законодательные инициативы, направленные на укрепление общенациональной идентичности и сохранения традиционных для России ценностей, например, Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹⁸², который защищает фундамент общенационального единства многонационального народа России.

Соответственно, формирование и развитие гражданско-идентичной модели партийно-электоральной агрегации в России, является необходимым противовесом, компенсирующим гипервлияние персонального личностного фактора на функционирование современной политической системы. При этом акцент должен быть поставлен на развитии человеческого капитала – политически компетентного консолидированного электората и элит – основы демократизации и эффективного функционирования социально-политических институтов¹⁸³.

2.2.4 Контент и дискурс-анализ партийно-электоральной агрегации в программах парламентских партий Российской Федерации

Анализ механизмов партийно-электоральной агрегации в современной России предполагает обращение к программным документам политических партий, поскольку именно они выступают институционализированной формой агрегации общественных интересов и отражают стратегию политического позиционирования партий в электоральном пространстве. Программные тексты фиксируют совокупность ценностных ориентиров, политических приоритетов и дискурсивных стратегий, посредством которых партии стремятся агрегировать

¹⁸² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸³ Давыдова Н. С. Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации / Н. С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 4(97). – С. 1523-1530. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.023.

запросы различных социальных групп и трансформировать их в политическую повестку.

В рамках настоящего исследования анализ партийно-электоральной агрегации осуществляется на основе программ парламентских партий Российской Федерации «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Новые люди». Выбор данных партий обусловлен их институциональной представленностью в Государственной Думе Российской Федерации и, соответственно, их ключевой ролью в формировании современного партийно-политического пространства страны. Программные документы данных партий отражают различные модели политической репрезентации, а также демонстрируют специфику агрегирования интересов различных социальных и электоральных групп.

Методологическую основу исследования составляет сочетание качественного и количественного контент-анализа. Количественный контент-анализ направлен на выявление тематической структуры партийных программ, определение частотности ключевых политических концептов и оценку степени представленности различных направлений государственной политики в программных документах. Качественный контент-анализ позволяет выявить ценностные основания партийных программ, дискурсивные стратегии политического позиционирования партий и особенности интерпретации социально-политических проблем.

В рамках количественного анализа в качестве единицы кодирования использовался смысловой фрагмент текста, отражающий определенную тематическую категорию. На основе предварительного анализа партийных программ было выделено двадцать категорий кодирования, включающих экономическое развитие, социальную политику, государственное управление, национальную политику, вопросы безопасности, предпринимательство, цифровизацию и ряд других направлений. Данные категории позволяют выявить структурные особенности программных документов и определить приоритетные направления партийной повестки.

Качественный анализ, в свою очередь, был ориентирован на выявление дискурсивных конструкций, ценностных категорий и идеологических элементов, формирующих основу партийных программ. Особое внимание уделялось анализу ключевых политических концептов, используемых партиями для обозначения социальных проблем и формулирования программных решений. Такой подход позволяет выявить не только тематическое содержание партийных программ, но и особенности политического языка, посредством которого партии конструируют собственное место в политическом пространстве.

Использование комбинированной методологии количественного и качественного контент-анализа позволяет комплексно исследовать механизмы партийно-электоральной агрегации. С одной стороны, количественный анализ фиксирует структуру программных приоритетов и позволяет выявить распределение тематических категорий в партийных программах. С другой стороны, качественный анализ раскрывает смысловое содержание партийного дискурса и демонстрирует, каким образом политические партии интерпретируют общественные запросы и трансформируют их в программные положения.

Проведенный анализ показывает, что партийные программы российских парламентских партий, несмотря на наличие ряда общих тематических блоков, демонстрируют существенные различия в структуре программных приоритетов, характере дискурсивных стратегий и моделях партийно-электоральной агрегации. Эти различия проявляются как на уровне количественных параметров программных текстов, так и на уровне качественного содержания политического дискурса.

В дальнейшем изложении представлены результаты количественного и качественного контент-анализа партийных программ, позволяющие выявить особенности структурирования партийной повестки и определить модели партийно-электоральной агрегации, реализуемые различными политическими партиями современной России.

Единицей количественного анализа выступал смысловой фрагмент текста, относящийся к определенной тематической категории. В результате анализа было

выделено двадцать тематических категорий, отражающих основные направления партийной политики.

Результаты количественного анализа показывают, что партийные программы характеризуются различной структурой тематических приоритетов. Несмотря на наличие ряда общих категорий, таких как социальная политика, экономическое развитие и государственное управление, их представленность в программах существенно различается, что наглядно показано в таблице 3.

Таблица 3 – Структура тематических категорий партийных программ (%)¹⁸⁴

Категория	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	НЛ
Экономическое развитие	10	9	8	8	14
Государственное регулирование экономики	6	12	6	10	4
Предпринимательство	6	2	5	4	12
Социальная политика	13	12	9	15	8
Социальная справедливость	6	11	4	11	3
Пенсионная политика	4	6	4	6	2
Здравоохранение	5	5	4	6	3
Образование	6	6	5	6	9
Региональное развитие	8	5	6	5	4
Государственное управление	7	4	5	4	5
Демократические институты	3	5	3	4	5
Национальная политика	4	3	8	3	2
Миграционная политика	2	2	7	2	1
Безопасность	5	4	6	3	2
Внешняя политика	4	3	4	3	2
Суверенитет	3	2	5	2	1
Технологическое развитие	2	2	3	2	8
Экология	1	1	2	2	5
Цифровизация	1	1	1	1	6
Гражданское участие	1	2	1	2	4

Количественный анализ показывает, что социально-экономическая проблематика занимает центральное место во всех партийных программах. Наиболее высокая доля социально-экономических категорий наблюдается у партий левого спектра – КПРФ и «Справедливой России».

В то же время программа партии «Новые люди» отличается высокой концентрацией тем, связанных с предпринимательством, технологическим

¹⁸⁴ Manifesto Project (Comparative Manifestos Project). Международная база данных партийных программ с количественным кодированием для анализа идеологий и электоральных стратегий. Доступно: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu> (дата обращения 18.03.2026).

развитием и цифровизацией. Программа ЛДПР демонстрирует повышенную представленность категорий национальной политики, безопасности и миграционного регулирования.

Таким образом, уже на уровне количественного анализа проявляется различие в стратегиях партийного позиционирования.

Для оценки степени идеологической артикуляции партийных программ использован лево-правый индекс (RILE), применяемый в исследованиях партийных манифестов в рамках Manifesto Project¹⁸⁵.

Индекс отражает идеологическую направленность партийной программы, рассчитываемую как разность между долей «правых» и «левых» программных категорий. Индекс идеологической ориентации партийных программ представлен в таблице 4.

Формула индекса:

$$RILE = \sum R - \sum L$$

где R – суммарная доля категорий, относимых к правому идеологическому спектру (предпринимательство, свободный рынок, национальная безопасность, традиционные ценности, ограничение государственного вмешательства);

L – суммарная доля категорий, относимых к левому спектру (социальная справедливость, перераспределение доходов, государственное регулирование экономики, расширение социальной политики).

Значение индекса варьируется от –100 (максимально левая программа) до +100 (максимально правая программа).

Таблица 4 – Индекс идеологической ориентации партийных программ (RILE)¹⁸⁶

Партия	Индекс
КПРФ	–32
Справедливая Россия	–18
Единая Россия	+4
ЛДПР	+9
Новые люди	+16

¹⁸⁵ Manifesto Project (Comparative Manifestos Project). Международная база данных партийных программ с количественным кодированием для анализа идеологий и электоральных стратегий. Доступно: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu> (дата обращения 18.03.2026).

¹⁸⁶ Составлена автором

Полученные результаты демонстрируют различную степень идеологической артикуляции партийных программ. Наиболее выраженную левую идеологическую ориентацию демонстрирует программа КПРФ, что связано с высокой долей категорий социальной справедливости, государственного регулирования экономики и расширения социальной политики.

Программа партии «Справедливая Россия» также характеризуется левоцентристской направленностью, однако степень идеологической артикуляции здесь менее выражена, что отражает сочетание элементов социал-демократической и патриотической риторики.

Программа партии «Единая Россия» занимает центристскую позицию, что связано со сбалансированным распределением социально-экономических и государственно-институциональных категорий.

Программы ЛДПР и «Новых людей» демонстрируют смещение в сторону правого спектра, однако по различным основаниям. В случае ЛДПР это связано с высокой долей категорий национальной политики, безопасности и государственного суверенитета, тогда как программа партии «Новые люди» характеризуется акцентом на предпринимательство, рыночные реформы и технологическое развитие.

Таким образом, результаты количественного анализа подтверждают наличие идеологической дифференциации парламентских партий, проявляющейся в структуре их программных документов и отражающей различные стратегии партийно-электоральной агрегации.

Качественный анализ позволил выявить ключевые ценностные основания и дискурсивные стратегии партий.

Программа партии «Единая Россия» строится вокруг модернизационного дискурса, в центре которого находятся идеи развития, социальной стабильности и государственного управления. Государство выступает главным субъектом модернизации экономики и гарантом социальной защиты. Дискурс партии

характеризуется относительно низкой идеологической поляризацией и ориентирован на прагматическое решение социально-экономических задач.

Программа КПРФ формирует ярко выраженный идеологический дискурс, основанный на концептах социальной справедливости, коллективизма и исторической преемственности советской модели развития. Политическая риторика партии строится на противопоставлении интересов народа и крупного капитала. В рамках партийного дискурса активно используется апелляция к исторической памяти и идее восстановления социальной справедливости.

Программа ЛДПР характеризуется популистской риторикой и высокой степенью персонификации политического дискурса. Центральное место занимают идеи сильного государства, национального суверенитета и защиты национальных интересов. При этом значительная часть программных положений носит декларативный характер и ориентирована на мобилизацию протестного электората¹⁸⁷.

Программа «Справедливой России» сочетает элементы социал-демократической и патриотической риторики. Основные ценностные категории программы связаны с социальной справедливостью, перераспределением доходов и укреплением социального государства. Партийный дискурс ориентирован на мобилизацию социально уязвимых групп населения и представителей бюджетной сферы.

Программа партии «Новые люди» отличается прагматическим и технократическим характером. Основные темы программы связаны с поддержкой предпринимательства, развитием человеческого капитала, модернизацией образования и цифровой трансформацией экономики. В отличие от других партий, риторика «Новых людей» практически лишена традиционной идеологической лексики и ориентирована на позитивную повестку будущего развития.

¹⁸⁷ Каверзина Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР) / Н. П. Каверзина // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 40-44. – DOI 10.17223/15617793/438/5.

Переход от формально-количественного анализа партийных программ к дискурсивному измерению позволяет существенно расширить рамки политического анализа партийно-электоральной агрегации. Если количественный и качественный контент-анализ фиксируют структурные параметры текстов (частотность тематических категорий, распределение проблемных блоков, приоритетность политических вопросов), то дискурс-анализ позволяет выявить глубинные механизмы конструирования политической реальности, посредством которых партии формируют собственную идентичность, определяют границы политического сообщества и артикулируют электоральные интересы. В данном контексте партийная программа рассматривается не только как нормативно-политический документ, но и как особая форма политической коммуникации, посредством которой конструируются нарративы политического развития, легитимируются политические требования и формируются символические границы между различными социально-политическими субъектами¹⁸⁸.

В методологическом отношении дискурс-анализ опирается на положения критической дискурс-аналитической традиции, представленной в работах Н. Фэркло,¹⁸⁹ Т. ван Дейка¹⁹⁰ и Р. Водак¹⁹¹, согласно которым политический дискурс рассматривается как социальная практика, воспроизводящая и одновременно трансформирующая отношения власти и социальные идентичности. В рамках данной парадигмы дискурс понимается как совокупность коммуникативных практик, через которые конструируются представления о социальной реальности, формируются субъектные позиции и воспроизводятся символические структуры политического пространства. Соответственно, анализ партийных программ

¹⁸⁸ Лисничая М.А. Региональный избирательный процесс и инновации в политической коммуникации: особенности применения социально-сетевых технологий / М.А. Лисничая, С.В. Медведев // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 11. – С. 350-353.

¹⁸⁹ Олешкова А. М. Критический дискурс-анализ в традиции Н.Фэркло: социально-философский аспект / А. М. Олешкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6-4(96). – С. 15-18. – DOI 10.23670/IRJ.2020.96.6.113.

¹⁹⁰ Аласания К. Ю. Ментальная модель в социальном познании: интерпретации Т. Ван Дейка / К. Ю. Аласания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 62. – С. 260-264. – DOI 10.17223/1998863X/62/25.

¹⁹¹ Киосе М. И. Р. Водак. Политический дискурс в действии: политика без прикрас / М. И. Киосе // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 260-275.

позволяет выявить не только содержательные приоритеты партий, но и способы их символической репрезентации в публичном политическом поле.

Методологическая рамка дискурс-анализа в настоящем исследовании включает три взаимосвязанных аналитических уровня. Первый уровень – это текстовый, который предполагает анализ лексических, стилистических и риторических особенностей партийных программ, включая употребление ключевых концептов, модальных конструкций и оценочной лексики. Вторым уровнем – это дискурсивно-практический, который связан с выявлением способов конструирования политических идентичностей, нарративных структур и символических оппозиций, формирующих политическое пространство. Третьим уровнем – это социально-практический, который направлен на интерпретацию дискурсивных стратегий партий в контексте их институционального позиционирования, электоральных стратегий и отношений с государственными институтами.

В качестве ключевых аналитических категорий дискурс-анализа были использованы: нарративная структура партийных программ, фигуры адресации (адресаты политического послания), система дихотомий, модальные конструкции и стратегии легитимации. Анализ данных категорий позволяет выявить способы, посредством которых партии формируют представления о политическом прошлом, настоящем и будущем, конструируют образ «своего» и «чужого» электората и легитимируют собственные политические позиции.

Проведенный анализ программ парламентских партий Российской Федерации («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Новые люди») выявил значительную дискурсивную дифференциацию стратегий партийно-электоральной агрегации. В частности, дискурс партии «Единая Россия» характеризуется ориентацией на нарратив преемственности и устойчивого развития. В программных документах партии практически отсутствует риторика кризиса или радикального разрыва с прошлым; напротив, политическое настоящее интерпретируется как результат последовательной реализации долгосрочных государственных стратегий. Центральным элементом данного дискурса выступает

апелляция к национальным целям развития и к президентской стратегии, выступающей в качестве рамочной структуры для политической программы партии. Адресатом политического послания выступает «народ» как недифференцированная совокупность граждан, при этом социальная сегментация осуществляется преимущественно по социально-демографическим признакам (семьи, молодежь, работники социальной сферы). В дискурсивном отношении партия стремится минимизировать конфликтные линии и представить политическое пространство как сферу совместного решения задач развития. Легитимация политической позиции осуществляется через апелляцию к результативности государственной политики и институциональной преемственности власти. Таким образом, в дискурсивном измерении данная стратегия соответствует политико-маркетинговой модели партийно-электоральной агрегации, ориентированной на максимальную инклюзивность и универсализацию политической повестки.

Иная дискурсивная логика прослеживается в программах КПРФ. В отличие от дискурса правящей партии, коммунистический дискурс построен на бинарной исторической структуре, в рамках которой советский период интерпретируется как эпоха социальной справедливости и государственного могущества, тогда как постсоветские реформы рассматриваются как источник социальной травмы и экономической несправедливости. В рамках данной нарративной модели настоящее выступает как продолжение несправедливого социально-экономического порядка, требующего радикальной трансформации. Центральной дихотомией выступает противопоставление «народа» и «олигархии», формирующее классовую структуру политического дискурса. Адресатом программы являются «трудящиеся», «люди труда», «ветераны», что свидетельствует о стремлении партии апеллировать к социальным группам, ощущающим себя экономически и социально маргинализированными. Легитимация политической позиции осуществляется через апелляцию к исторической преемственности советской государственности и моральному превосходству идеи социальной справедливости. В дискурсивном отношении

данная стратегия соответствует гражданско-идентичной модели партийно-электоральной агрегации, основанной на реконструкции коллективной идентичности и апелляции к исторической памяти.

Программа ЛДПР формирует иной тип политического дискурса, который можно охарактеризовать как дискурс популистского протеста. В отличие от системных исторических нарративов КПРФ или «Единой России», дискурс ЛДПР носит фрагментированный и ситуативный характер. Политическое настоящее конструируется как пространство многочисленных социальных проблем, требующих немедленного решения. Основной нарративный элемент связан с идеей «сильной власти», способной быстро и эффективно устранить существующие дисфункции. Адресатом программы выступает «народ» в популистской интерпретации, прежде всего «бедные» и «честные» граждане, противопоставляемые коррумпированным элитам. Характерной особенностью риторики партии является использование императивных формулировок («вернуть», «отменить», «наказать»), эмоционально насыщенных лозунгов и гиперболизированных формулировок. Легитимация политической позиции осуществляется через апелляцию к «народному гневу» и образу сильного лидера, способного восстановить порядок. В дискурсивном измерении данная стратегия может быть интерпретирована как разновидность кластерно-сетевой с элементами политико-маркетинговой модели агрегации, ориентированной на мобилизацию протестно настроенных сегментов электората.

Дискурс партии «Справедливая Россия» характеризуется попыткой синтеза левозкономической и патриотической риторики. Центральной категорией партийного нарратива выступает концепт «правды», вокруг которого строится интерпретация политической реальности. Прошлое рассматривается как пространство искажения исторической правды, настоящее, как период социальной несправедливости и доминирования олигархических структур, а будущее, как возможность построения «социализма XXI века». Адресатом программы выступает «человек труда», что позволяет партии соединить элементы социальной и моральной идентичности. В риторическом отношении партия активно использует

антиолигархическую аргументацию, сочетая ее с апелляциями к патриотическим ценностям и идеям социальной справедливости. Легитимация политической позиции осуществляется через утверждение морального превосходства и позиционирование партии как носителя «правды». В дискурсивном отношении данная стратегия соответствует гражданско-идентичной модели агрегации, дополняемой элементами кластерного представительства социальных интересов¹⁹².

Особый тип политического дискурса демонстрирует партия «Новые люди». В отличие от большинства парламентских партий, ее программный дискурс практически не опирается на исторические нарративы. Прошлое в партийной программе практически не артикулируется, тогда как политическое настоящее представлено как пространство нереализованных возможностей, ограниченных избыточной бюрократией.

Центральным элементом партийного дискурса выступает противопоставление «новых людей» и «старых партий». Адресатом политического послания являются преимущественно молодые, образованные и экономически активные группы населения, включая предпринимателей и представителей креативных индустрий. В риторическом отношении программа характеризуется постполитическим стилем коммуникации, минимизацией идеологической риторики и акцентом на прагматических решениях конкретных проблем. Легитимация политической позиции осуществляется через апелляцию к компетентности и управленческой эффективности. В дискурсивном отношении данная стратегия может быть интерпретирована как новая разновидность политико-маркетинговой модели партийной агрегации, ориентированной на формирование позитивной, аполитичной идентичности.

Сравнительный анализ партийных программ позволяет выделить несколько ключевых осей дискурсивной дифференциации. Во-первых, партии различаются по характеру нарративных структур: от нарратива преемственности и стабильности («Единая Россия») до нарратива исторической травмы (КПРФ), протестной

¹⁹² Егоров В.Г. Политические партии: от традиционного облика к сетевой организации / В.Г. Егоров // Обозреватель. – 2026. – № 1(414). – С. 31-45

фрагментарности (ЛДПР) и постполитического прагматизма («Новые люди»). Во-вторых, различия проявляются в системе центральных дихотомий, структурирующих политическое пространство: «стабильность – хаос», «народ – олигархия», «бедные – богатые», «новое – старое». В-третьих, значительные различия наблюдаются в фигурах адресации, через которые партии сегментируют электоральное пространство: от универсалистского «народа» до классовых, протестных или постматериальных групп.

Проведенный дискурс-анализ позволяет сделать вывод о том, что партийно-электоральная агрегация в современной России осуществляется преимущественно через символические и нарративные механизмы конструирования политических идентичностей. В отличие от классических партийных систем, основанных на устойчивых идеологических кливажах, российское партийное поле характеризуется сочетанием деидеологизированных интеграционных дискурсов и гибридных идеологических конструкций. В этих условиях политические партии стремятся не столько артикулировать устойчивые социальные интересы, сколько формировать дискурсивные рамки, через которые избиратели интерпретируют собственную социальную позицию и политические предпочтения¹⁹³.

Таким образом, анализ показывает, что парламентские партии современной России реализуют различные модели партийно-электоральной агрегации. Идеологическая составляющая гражданско-идентичной модели наиболее ярко представлена КПРФ, политико-маркетинговая – «Единой Россией», кластерно-сетевая – ЛДПР, гражданско-идентичная – «Справедливой Россией», тогда как партия «Новые люди» формирует технократическую политико-маркетинговую модель агрегации, ориентированную на модернизационную повестку и новые социальные группы. Такое распределение моделей отражает структурную дифференциацию российской партийной системы и специфику механизмов политической репрезентации представленные в таблице 5.

¹⁹³ Бродовская Е.В., Конкуренция информационных потоков российских политических партий (2020 – 2021 г.): основные результаты социально-медийной предиктивной аналитики / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/report_2021/115_21052021094245.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

Таблица 5 – Соответствие парламентских партий моделям партийно-электоральной агрегации¹⁹⁴

Партия	Модель агрегации	Характеристика
«Единая Россия»	политико-маркетинговая	ориентация на широкий электоральный спектр, прагматическая повестка, программная универсальность
КПРФ	гражданско-идентичная	мобилизация на основе идеологии социальной справедливости и историко-политической идентичности
ЛДПР	кластерно-сетевая	апелляция к отдельным электоральным группам через национально-патриотическую и протестную риторику
«Справедливая Россия»	гражданско-идентичная (социальная модификация)	агрегация интересов социально уязвимых групп и сторонников социального государства
«Новые люди»	политико-маркетинговая (модернизационная модификация)	ориентация на новые социальные группы – предпринимателей, городскую среду, молодежь

Такое распределение моделей отражает дифференциацию механизмов политической мобилизации и способов представительства социальных интересов в современной российской партийной системе.

Таким образом, дискурс-анализ партийных программ позволяет выявить важный аспект функционирования партийной системы современной России: партийно-электоральная агрегация осуществляется не только через институциональные механизмы политического представительства, но и через дискурсивное конструирование идентичностей, нарративных структур и символических оппозиций, формирующих специфическую конфигурацию российского партийного пространства.

Проведенный контент и дискурс-анализ программ парламентских партий позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, партийно-электоральная агрегация в современной России структурируется преимущественно вокруг социально-экономической повестки, которая занимает центральное место в программах всех парламентских партий.

¹⁹⁴ Составлена автором

Во-вторых, различия между партиями проявляются не столько в тематике программных документов, сколько в характере дискурсивных интерпретаций социальных проблем и предлагаемых механизмов их решения.

В-третьих, российская партийная система характеризуется высокой степенью идеологической гибридности, что проявляется в сочетании элементов различных идеологических традиций в рамках партийных программ.

В-четвертых, в современной российской политической системе сосуществуют несколько моделей партийно-электоральной агрегации, такие как политико-маркетинговая, кластерно-сетевая и гражданско-идентичная, каждая из которых отражает различные механизмы мобилизации электората.

Таким образом, партийно-электоральная агрегация выступает важнейшим механизмом институционализации общественных интересов и формирования партийной конкуренции в современной России.

Заключение

В диссертационном исследовании были рассмотрены теоретические и практические аспекты формирования моделей партийно-электоральной агрегации в современной России. Анализ показал, что трансформация партийной системы происходит в условиях изменений социально-политической среды, развития цифровых коммуникаций и усиления роли политических инноваций в процессе взаимодействия государства, партий и общества. Была предпринята попытка комплексного анализа процессов современного партийного строительства и электоральной политики в России через призму концепта партийно-электоральной агрегации.

Актуальность постановки проблемы обусловлена происходящими трансформациями политической системы, изменением характера взаимодействия государства, партий и общества, а также необходимостью поиска устойчивых моделей политической организации, способных учитывать как российскую цивилизационную специфику, так и накопленный мировой опыт политического развития. В условиях формирования новых норм и практик общественно-политической жизни особое значение приобретает системное осмысление механизмов институционального посредничества между государством и обществом. К числу механизмов, безусловно, относятся политические партии, которые играют ключевую роль в обеспечении связей между гражданами и органами государственной власти, формируя платформу для коммуникации, представительства интересов и выработки политических решений.

В рамках проведенного исследования была обоснована возможность рассматривать политическую систему по аналогии с национальной инновационной системой, что позволило анализировать ее не просто как совокупность формальных институтов, но как комплекс взаимосвязанных акторов, институтов и механизмов, участвующих в выработке, распространении и реализации социально-политических инноваций. Данный подход дает возможность рассматривать политические партии не только в контексте электоральной конкуренции, но и как

структурные элементы политико-инновационного процесса, способные аккумулировать общественные ожидания, формировать новые политические практики и транслировать их в систему государственного управления.

В диссертации были предложены и теоретически обоснованы модели партийно-электоральной агрегации, отражающие разнообразные способы объединения интересов граждан, программных инициатив и электоральной поддержки. Эти модели позволяют сопоставлять различные этапы развития партийной системы России с механизмами функционирования партий и их влиянием на политические процессы. Представленный в диссертации концептуальный подход дает возможность рассматривать партийное строительство в более широком контексте – через призму формирования суверенного понимания демократических институтов, проведения государственной инновационной политики и поиска действенных форм взаимодействия между политическими акторами и структурами власти.

В первой главе основное внимание уделено теоретико-методологическим основам изучения партийного строительства и политических инноваций. В ней освещаются вопросы публичной политики, партогенеза, эволюции партийной системы, а также использования современных политических технологий в условиях меняющегося политического контекста. Отдельно рассматриваются механизмы, влияющие на появление и распространение инноваций в политической сфере, а сама политическая система анализируется как среда, в которой возникают, закрепляются и развиваются новые социально-политические инициативы. Ретроспективный взгляд на российский партогенез показал, что его развитие определялось не только институциональными реформами, но и изменениями в общественных ожиданиях, политической культуре и структуре участия граждан. Это, в свою очередь, дало возможность выявить ключевые тенденции в эволюции партийной системы и определить направления трансформации публичной и государственной политики.

В рамках первой главы также обобщены результаты социологических исследований и данных мониторингов общественного мнения, касающихся

инновационного развития, государственной инновационной политики и общественного запроса на преобразования. Сопоставление этих данных с процессами партийного строительства позволило проследить связь между ожиданиями граждан и деятельностью политических институтов, а также показать, каким образом инновационное развитие проецируется на партийно-электоральную агрегацию.

Во второй главе внимание сосредоточено на анализе современных моделей демократии и особенностях их практической реализации. Междисциплинарный анализ обнаружил определенное расхождение между нормативными представлениями о демократическом устройстве и реальными механизмами функционирования политических институтов. В различных концепциях демократии (либеральной, плюралистической, делиберативной, космополитической) прослеживается проблема ограниченного участия граждан в процессах государственного управления. Это делает особенно значимыми те институты, которые способны обеспечивать более устойчивое взаимодействие общества и власти.

К числу таких институтов относятся современные политические партии, которые в условиях трансформации политической среды постепенно отходят от традиционных организационных форм к более гибким, инновационным моделям деятельности. Они выполняют роль посредников: между государством и обществом, между сложившимися властными структурами и новыми общественными запросами, между политическими элитами и широкими группами населения. По сути, партии становятся той площадкой, где происходит согласование интересов, налаживается коммуникация и интегрируются различные политические процессы.

В ходе исследования была выявлена структура современных моделей партийно-электоральной агрегации, включающая три базовых типа: политико-маркетинговую, кластерно-сетевую и гражданско-идентичную. Политико-маркетинговая модель ориентирована на применение технологий политического маркетинга и коммуникации для формирования электоральной поддержки и

эффективного взаимодействия с избирателями. Кластерно-сетевая модель отражает влияние цифровых технологий и сетевых форм политической организации, объединяющих различные социальные группы вокруг отдельных инициатив и политических программ. Гражданско-идентичная модель направлена на укрепление общенациональной идентичности и консолидацию общества вокруг ценностей и стратегических целей государства.

Анализ показал, что названные модели не существуют изолированно – в реальной политической практике они часто пересекаются, дополняют друг друга и образуют различные сочетания. Их использование позволяет более полно описывать процессы партийного строительства, выявлять механизмы формирования электоральной поддержки и проследить трансформацию политической коммуникации, особенно с учетом возрастающей роли цифровых технологий и сетевых форм организации.

Таким образом, предложенный в диссертации концепт партийно-электоральной агрегации обладает высоким аналитическим потенциалом. Он объединяет в единой модели вопросы партийного строительства, электоральных процессов и политических инноваций, давая возможность выявлять механизмы взаимодействия различных политических акторов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом прикладных аспектов партийно-электоральных процессов, изучением новых форм политической мобилизации, цифровых коммуникаций и сетевых структур партийной организации. Это позволяет глубже понять динамику политических процессов и сформулировать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию партийной системы и демократических институтов России – с учетом культурно-цивилизационного контекста, а также задач укрепления политического и технологического суверенитета государства.

В результате проведенного контент и дискурс-анализа программ парламентских партий Российской Федерации выявлены ключевые особенности партийно-электоральной агрегации. Анализ показал, что социально-экономическая повестка занимает центральное место во всех партиях, однако различия

проявляются в дискурсивных стратегиях, способах интерпретации социальных проблем и механизмах легитимации программных положений.

Российская партийная система характеризуется высокой идеологической гибридностью: партии используют сочетание различных идеологических и прагматических подходов для мобилизации электората. В современной партийной практике реализуются разные модели агрегации: политико-маркетинговая (ориентация на широкий электорат – «Единая Россия», «Новые люди»), гражданско-идентичная (мобилизация на основе социальной справедливости – КПРФ, «Справедливая Россия») и кластерно-сетевая (апелляция к отдельным электоральным группам – ЛДПР). Таким образом, партийно-электоральная агрегация в России осуществляется не только через институциональные механизмы, но и через дискурсивное конструирование идентичностей и символических нарративов, что определяет специфику функционирования современной партийной системы и ее способность представлять разнообразные социальные интересы.

Список литературы

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – № 144. – 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) ФЗ РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
6. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. – № 25. – 13.02.2009.
7. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
8. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению

традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2025).

Книги

1. Абалкин, Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки / Л.И. Абалкин. – 2-е изд., доп. – М: Наука, 2005. – 464 с.
2. Блум, У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом / У. Блум / пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2014. – 272 с.
3. Глазьев, С.Ю. Возможные и вероятные сценарии долгосрочного развития России: цикл публ. лекций «Академики – студенчеству» / С.Ю. Глазьев. – М.: ГУУ, 2006. – 25 с.
4. Государственная политика и управление в 2 ч. Часть 1. Концепции и проблемы: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Л. В. Сморгунова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 395 с.
5. Даль, Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. / Р. Даль. – М.: РОССПЭН, 2003. – 574 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
7. Дюверже, М. Политические партии / Пер. с франц. / М. Дюверже. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
8. Жичкин, В. В. Образ будущего в программах непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва / В. В. Жичкин // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 3. – DOI 10.18384/2224-0209-2022-3-1124.
9. Ильин, В.В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер; Под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 300 с.
10. Ильин, М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М.В. Ильин. – М.: Приор, 2000. – 321 с.

11. Индикаторы инновационной деятельности: 2024: статистический сборник / В.В. Власова, Л. М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 260 с.
12. Инновации как драйвер социокультурного развития / В. А. Юрченко, В. И. Супрун, Р. С. Гринберг и др.; Ответственный редактор: В.И. Супрун. – Новосибирск: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2013. – 372 с.
13. Коргунюк, Ю. Г. Становление партийной системы современной России / Ю.Г. Коргунюк. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2007. – 544 с.
14. Матвейчев, О. А. Политическое консультирование в России. Вчера, сегодня, завтра / О. А. Матвейчев. – М.: Издательство «Книжный мир», 2020. – 512 с.
15. Мизес, Л. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. / Л. Мизес. – М.: Социум, 2001. – 239 с.
16. Новая власть граждан / Отв. Ред. С. Марг, Л. Гайгес, Ф. Бутцлафф, Ф. Вальтер. Серия: Том 1332. – Бонн: Федеральный центр политического образования, 2013. – 341 с.
17. Общество в поисках баланса: Материалы XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 23–27 мая 2022 года / отв. ред. А. В. Кулешова; Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения». – М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2022. – 308 с.
18. Олсон, М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. – М., 2012. – 212 с.
19. Сети отношений и политическая реальность: [монография] / О. М. Михайленок, А. В. Назаренко О. А. Воронкова [и др.]; отв. ред. О. М. Михайленок; А. В. Назаренко; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. – 276 с. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025.
20. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учебное пособие для студентов-политологов / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон / Науч. ред. пер. М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 535 с.

21. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер.с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
22. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. – Изд. 2-е, стер. – СПб: Наука, 2008. – 415 с.
23. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. – М: АСТ, 2014. – 571 с.
24. Хантингтон, С. Ф. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Ф. Хантингтон; [пер. с англ. А. Башкирова]. – М.: Изд-во АСТ, 2008. – 635 с.
25. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия /Й. Шумпетер. Отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
26. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, Г. Г. Фетисов. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
27. Freeman, C. Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics / C. Freeman. – Edward Elgar Pub, 2008. – Pp. 257.
28. Freeman, C. The Economics of Industrial Innovation – 3rd Edition. The MIT Press, edition 3, vol. 1, № 0262061953, December 1997.
29. Geddes, B. How Dictatorships Work / B. Geddes, J. Wright, E. Frantz. – New York, NY: Cambridge University Press, 2018. – 257 p.
30. Janda K. Political parties: A cross-national survey. – London, New York: Collier-Macmillan, The Free press, 1980. – XVIII, 1019 p.
31. Lees-Marshment J. Political Marketing and British Political Parties: The Party's Just Begun. Manchester, 2001. – 250 pp.
32. March, J. Democratic Governance / J. March, J. Olsen. – New York: The Free Press, 1995. – 293 pp.
33. Sandel M. Democracy's Discontent: America in a Search of Public Philosophy / M. Sandel. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 417 pp.

34. Sartori, G. Parties and party systems a framework for analysis / Giovanni Sartori; with a new preface by the author and an introduction by Peter Mair. – Colchester: ECPR press, 2005. – XXIV, 342 p.

35. Touraine A. Critique de la modernité. – Paris: Fayard, 1992. – 463 p.

Диссертации

1. Акерманн, Г. А. Инновации как фактор модернизации: концептуальная интерпретация и политические смыслы: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Акерманн Гильем Аймар. – М.: Российский университет дружбы народов. – 2013. – 138 с.

2. Акопов, Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 10.01.10 / Акопов Григорий Леонидович. – Санкт-Петербург: С.-Петербургский государственный университет. – 2013. – 336 с.

3. Арустамов, Л.Г. Избирательные и партийные системы современной России: проблемы и тенденции взаимодействия: политико-правовой анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Арустамов Левон Георгиевич. – М.: Государственный университет управления. – 2010. – 153 с.

4. Вотченко, Е. С. Социальное инвестирование как инновационный механизм взаимодействия власти и бизнеса в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Вотченко Елена Сергеевна. Краснодар: Южный федеральный университет. – 2017. – 263 с.

5. Головацкий, Е.В. Политические нововведения: ресурсное обеспечение в современном российском обществе: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук: 23.00.02 / Головацкий Евгений Васильевич. – Кемерово. – 2009. – 278 с.

6. Дзахова, Л.Х. Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России: политологический анализ: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 /

Дзахова Лариса Хасановна. – Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2011. – 403 с.

7. Зырянов, С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов: политологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. 23.00.02 / Зырянов Сергей Григорьевич. – Ростов н/Д: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2008. – 313 с.

8. Михайлова, О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – 335 с.

9. Плугатаренко, П. Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования : теоретико-методологический анализ : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Плугатаренко Полина Николаевна. – М.: Московский педагогический государственный университет. – 2012. – 166 с.

10. Тома, Ю.П. Региональные партийно-политические коммуникации: технологический аспект: по материалам Ростовской области: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Тома Юрий Петрович. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. – 2010. – 173 с.

11. Третьяков, Д. Г. Концептуализация проблем функциональности политических партий в отечественной политологии: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.01 / Третьяков Дмитрий Геннадьевич. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2015. – 192 с.

Статьи

1. Aganbegyan A. G. On the modernization of public production in Russian Federation / A. G. Aganbegyan // Economy of Region. – 2011. – Iss. 2. – P. 11-14.

2. Field, A. As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution // *The Journal of Economic History*. – 2002. – 62(02). – Pp. 634-636. DOI:10.1017/S0022050702000979
3. Katz, R. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party / R. Katz, P. Mair // *Party Politics*. – 1995. – Vol. 1, № 1. – P. 5–28. DOI: 10.1177/1354068895001001001
4. Katz, R. The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organizational Change in Twentieth – Century Democracies / R. Katz, P. Mair // *Political Parties. Old Concepts and New Challenges* / ed. R. Gunther, J. R. Montero, J. J. Linz. – Oxford, 2002. – P. 113–135. – DOI:10.1093/0199246742.003.0005
5. Kynev, A. The Scandalous Electoral Victory of the Governing Party United Russia / A. Kynev // *Euxeinos. Culture and Governance in the Black Sea Region*. – 2023. – Vol. 13, No. 35. – P. 8-14. – DOI:10.1093/0199246742.003.0005.
6. Yashkova, T. A. Инновационная политика в контексте структурных изменений экономики Российской Федерации первой половины XXI века / T. A. Yashkova // *Innovation Management and Technology in the Era of Globalization: materials of the international scientific-practical conference: материалы международной научно-практической конференции*. Vol. I: Региональная Академия Менеджмента, 2014. – P. 36-42.
7. Акишин, М.О. Демократический режим, экспорт и транзит демократии / М.О. Акишин // *Ленинградский юридический журнал*. – 2019. – №1 (55). – С. 10–27.
8. Аласания, К. Ю. Ментальная модель в социальном познании: интерпретации Т. Ван Дейка / К. Ю. Аласания // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2021. – № 62. – С. 260-264. – DOI 10.17223/1998863X/62/25.
9. Александров, К.А. Картельные политические партии: особенности возникновения и политического участия / К. А. Александров // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2011. – № 2 (18). – С. 37–43.

10. Арутюнов, А.Г. Эксперты в области этнополитологии и эксперты в области региональных выборов: общее, различное, перспективы взаимодействия / А.Г. Арутюнов // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 65-68. – DOI 10.31171/vlast.v31i1.9463.

11. Архипов, И.А. Основные измерения цифровизации в современных отечественных исследованиях политической коммуникации / И. А. Архипов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 154-159. – DOI 10.17072/2218-1067-2025-2-154-159.

12. Ашихмина Я. Г. Электоральные циклы в России: изменение типологических характеристик выборов / Я. Г. Ашихмина. // Антиномии. – 2009. – № 9. – С. 303–316.

13. Басов С. В. Национальные инновационные системы: формирование концепции / С. В. Басов, И. Б. Илюхина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 8. – С. 57–62.

14. Белов, С.И. Проблемы цифровизации политической коммуникации между властью и обществом в современной России / С.И. Белов // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 16-22. – DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22.

15. Бурцев Д. С. Развитие теоретических подходов к определению сущности и функций понятия национальной инновационной системы / Д. С. Бурцев // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 12. – С. 19–22.

16. Вайнштейн, Г.И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» / Г.И. Вайнштейн // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX – XXI вв. – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 10–443.

17. Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян / Е. В. Бродовская, С. Е. Заславский, А. Ю. Домбровская, В. А. Лукушин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 1(173). – С. 96-120. – DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2254.

18. Володенков, С.В. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193. – DOI 10.17223/1998863X/60/16.

19. Воронин, ВВ. Партийная система современной России, характеристика и анализ политической оппозиции / В. В. Воронин, Т. Н. Ключкова // Вестник Нижегородского института управления. – 2023. – № 1(67). – С. 3-16.

20. Воронцов, С. А. О ценностных основаниях и коммуникативных факторах консолидации современного российского общества / С. А. Воронцов, А. В. Понеделков, Ф. И. Шарков // Коммуникология. – 2018. – Т. 6, № 3. – С. 58-69. – DOI 10.21453/2311-3065-2017-6-3-58-69.

21. Гавриков, А.В. Метод ключевых понятий в изучении политических партий: историческое и социологическое измерение / А.В. Гавриков // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2024. – № 23-1. – С. 28-35.

22. Гохберг, Л. М. Инновации в российской экономике: стагнация в преддверии кризиса? / Л. М. Гохберг, И. А. Кузнецова // Форсайт. – 2009. – Т. 3, № 2. – С. 28-46.

23. Грошев, И.В. Экономические реформы в России сквозь призму русской ментальности / И.В. Грошев // Социально-гуманитарные знания, 2000. – № 6. – С. 25-46.

24. Давыдова, Н.С. Гражданско-идентичная модель партийно-электоральной агрегации / Н.С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 4(97). – С. 1523-1530. – DOI 10.35775/PSI.2023.97.4.023.

25. Давыдова, Н.С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика / Н.С. Давыдова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 303-308. – DOI 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308.

26. Давыдова, Н.С. Кластерно-сетевая модель партийно-электоральной агрегации / Н.С. Давыдова // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 3(96). – С. 997-1004. – DOI 10.35775/PSI.2023.96.3.021.

27. Давыдова, Н.С. Модели партийно-электоральной агрегации в политической жизни современной России / Н. С. Давыдова // Коммуникология. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 176-184. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-176-184.

28. Давыдова, Н.С. От «демократического транзита» – к современной российской партийной демократии. Концепт «партийно-электоральной агрегации» / Н.С. Давыдова // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1055-1063. – DOI 10.35775/PSI.2023.91.3.017.

29. Дай, Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику / пер. с англ. / Т. Дай, Л. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 318 с.

30. Денисенко, И.Ф. Политические партии в процессе осуществления политической модернизации России / И. Ф. Денисенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 3. – С. 142-147. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-3-142-147.

31. Егоров, В. Г. Цивилизационные предпосылки политической и социально-экономической эволюции России / В. Г. Егоров // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 3. – С. 21-54. – DOI 10.18384/2224-0209-2018-3-903.

32. Егоров, В.Г. Политические партии: от традиционного облика к сетевой организации / В.Г. Егоров // Обозреватель. – 2026. – № 1(414). – С. 31-45. – DOI 10.48137/2074-2975_2026_1_31.

33. Ежов, Д. А. Политическое представительство в современной России в условиях цифровизации: актуальные тенденции и особенности трансформации / Д. А. Ежов // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 47-50. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-1-47-50.

34. Еремян, В. В. Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы ее знаем? (часть I) / В.В. Еремян, Э.В. Еремян //

Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 141-161. – DOI 10.24412/1608-8794-2022-1-141-161.

35. Жиганов, А.Ю. Электоральный цикл 2018-2024 гг. и институциональные изменения / А. Ю. Жиганов // Право и политика. – 2025. – № 12. – С. 156-177. – DOI 10.7256/2454-0706.2025.12.76471.

36. Зырянов, С.Г. Трансформация политического пространства: от политических партий к электоральным кластерам (из опыта США и России) / С.Г. Зырянов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 4(60). – С. 24-29.

37. Ирсетская, Е. А. Современная экономическая культура в поисках оптимального баланса развития: по материалам XII Международной социологической Грушинской конференции / Е. А. Ирсетская, А. Г. Тюриков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 4(170). – С. 332-342. – DOI 10.14515/monitoring.2022.4.2249.

38. Каверзина, Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР) / Н. П. Каверзина // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 40-44. – DOI 10.17223/15617793/438/5.

39. Киосе, М. И. Р. Водак. Политический дискурс в действии: политика без прикрас / М. И. Киосе // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 260-275.

40. Крапивин, Н.П. Политическая коммуникация в избирательном процессе в рамках технофеодальной концепции цифровизации политики / Н.П. Крапивин // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 6. – С. 239-244.

41. Кшов, А. С. Политическая коммуникация как производная идейно-функциональной программатики политических партий / А. С. Кшов // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 7(95). – С. 3377-3384. – DOI 10.35775/PSI.2023.95.7.009.

42. Левин, С. Н. Концепция рынков власти как методология исследования институциональной организации современной российской экономики и общества /

С. Н. Левин, К. С. Саблин // Журнал институциональных исследований. – 2018. – Т. 10, № 4. – С. 97-111. – DOI 10.17835/2076-6297.2018.10.4.097-111.

43. Лисничая, М.А. Региональный избирательный процесс и инновации в политической коммуникации: особенности применения социально-сетевых технологий / М.А. Лисничая, С.В. Медведев // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 11. – С. 350-353.

44. Мау, В. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) / В. Мау // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 32-50. – DOI 10.32609/0042-8736-2009-9-32-50.

45. Медведев, Н. П. Электорально-политическая конкуренция: аналитический обзор научных публикаций (часть первая) / Н. П. Медведев, Д. Е. Слизовский // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14, № 10(115). – С. 3350-3359. – DOI 10.35775/PSI.2024.115.10.028.

46. Мелешкина, Е.Ю. Использование образов советского прошлого в дискурсе «Единой России» и КПРФ / Е. Ю. Мелешкина, И. В. Фомин // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2022. – № 3(106). – С. 80-104. – DOI 10.30570/2078-5089-2022-106-3-80-104.

47. Минтусов, И.Е. Коммуникационные технологии в контексте электоральных и неэлекторальных политических технологий: опыт классификации / И.Е. Минтусов, Т. Э. Гринберг // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 февраля 2023 года. – М.: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2023. – С. 221-222.

48. Мирзеханов, В. Демократия и демократический транзит в исторической ретроспективе / В. Мирзеханов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2018. – № 1(11). – С. 7-24. – DOI 10.28995/2073-6339-2018-1-7-23.

49. Михеева, В. В. Доминирующая партия как сила, преобразующая политическое пространство / В. В. Михеева // Политика и общество. – 2025. – № 1. – С. 43-61. – DOI 10.7256/2454-0684.2025.1.73443.

50. Мищенко, Я.П. Российские политические инновации / Я.П. Мищенко, П.С. Захарова // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее: Сборник трудов четвертой международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09–22 февраля 2024 года. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – С. 167-170.

51. Никитенко, А. И. Место современных политических партий в политической системе общества / А. И. Никитенко // Управленческое консультирование. – 2015. – № 10(82). – С. 40-47.

52. Олешкова, А. М. Критический дискурс-анализ в традиции Н.Фэркло: социально-философский аспект / А. М. Олешкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6-4(96). – С. 15-18. – DOI 10.23670/IRJ.2020.96.6.113.

53. Осипов, А.В. Основные тенденции, динамика и противоречия процессов консолидации политической власти в современной России (на материалах социальных мониторингов 1998-2021 гг.) / А.В. Осипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11, № 12(81). – С. 3448-3456. – DOI 10.35775/PSI.2021.81.12.018.

54. Осипов, А.В. Теоретико-методологическая проблема анализа современной политической власти: кластерно-сетевой подход / А.В. Осипов // Вопросы политологии. – 2021. – Т. 11, № 8(72). – С. 2225-2233. – DOI 10.35775/PSI.2021.72.8.003.

55. Пантин, И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего / И. К. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 113-135.

56. Парма Р. В. Тренды развития политических партий в цифровой среде коммуникации / Р. В. Парма // Власть. – 2023. – № 4. – С. 121-125.

57. Пеньков, В.Ф. О некоторых особенностях партстроительства и социальной базе политических партий в России / В. Ф. Пеньков // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 75-86.

58. Першуткин, А. Гантер Р., Даймонд Л. Виды политических партий: Новая типология (Реферат) GUNTHER R., DIAMOND L. Species of political parties: A new typology // Party politics - L. etc., 2003 - Vol. 9, № 2 - P. 167-199 / А. Першуткин // Политическая наука. – 2006. – № 1. – С. 54-60.

59. Пивоваров, Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита / Ю. С. Пивоваров // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 12-32.

60. Писеуков, Д.В. Политическая стабильность: понятие факторы, инновации / Д.В. Писеуков // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. – 2024. – № 1. – С. 41-44.

61. Понеделков, А. В. Ростовская научная школа политической элитологии в ретроспективе и перспективе / А. В. Понеделков // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 3. – С. 227-240.

62. Попова, Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима / Ю.В. Попова // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 3(27). – С. 87-95. – DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(3).87-95.

63. Пронин, Э.А. Социально-политические аспекты инноватики в управлении современной Россией / Э.А. Пронин // Право. Экономика. Безопасность. – 2016. – № 2(8). – С. 119-121.

64. Растимешина, Т.В. Политические партии: основные подходы к определению понятия, природа и функции / Т.В. Растимешина, А.С. Епифанов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. – №1 (13). – С. 148-158.

65. Родионова, М.Е. Современные тенденции электоральных процессов в государствах ЕС / М.Е. Родионова, Н. А. Назарова, В.Г. Гималаев // Вопросы

политологии. – 2021. – Т. 11, № 3(67). – С. 846-855. – DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.029.

66. Рудой, В. В. Проблема эффективности политического руководства современными модернизационными процессами в России: элитологический аспект / В. В. Рудой, А. В. Понеделков, А. М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2010. – № 4. – С. 6–12.

67. Рыбалка, С.В. Региональные политические элиты в процессах политической модернизации: структурные предпосылки и проблемы трансформации // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 7–8. – С. 73–77.

68. Рыбчак, П.Н. Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти / П.Н. Рыбчак // Управленческое консультирование. – 2016. – № 3(87). – С. 184-194.

69. Серавин, А. И. О доверии к политическим институтам в условиях вызовов делиберативной демократии / А. И. Серавин // Власть. – 2025. – Т. 33, № 5. – С. 36-45. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-5-36-45.

70. Сергеев, В. М. Инновации, демократия и логика конкуренции / В. М. Сергеев // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 108-113.

71. Скорикова, А.А. Сравнительный анализ партийных систем России и зарубежных стран: выявление тенденций и перспектив развития / А.А. Скорикова, А.А. Крицкая // Политика и право, государство и экономика в условиях глобальных трансформаций: Сборник докладов II Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 ноября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. – С. 162-166.

72. Сморгунов, Л. В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты / Л. В. Сморгунов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 4(61). – С. 43-49.

73. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели / А.М. Старостин // в сборнике трудов Международной научной

конференции «Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики». – Ростов н/Д.: Дониздат, 2013. – 512 с.

74. Старостин, А. М. Политологические инновации в контексте социально-гуманитарной инноватики / А. М. Старостин // Конфликтология. – 2013. – № 3. – С. 178-189.

75. Старостин, А.М. Инновационные аспекты в электоральной политике современной России / А.М. Старостин, А.В. Понеделков, Е.Н. Тованчова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 5(156). – С. 132-137.

76. Старостин, А.М. Инновационные треки репрезентации науки и научной политики во взаимодействии национальной инклюзивности и глобальной динамики / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 201-206.

77. Старостин, А.М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении. Монография. / А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018. – 704 с.

78. Старостин, А.М. Социально-гуманитарные инновации: проблемы философского осмысления / А.М. Старостин // Государственная служба. – 2012. – № 5(79). – С. 52-54.

79. Степаненков, С. Партийная система России – 2012: эволюция, проблемы и перспективы / С. Степаненков // Власть. – 2012. – № 5. – С. 40-43.

80. Степанова, С.С. Политические инновации как фактор изменений института парламентских партий в современной России / С.С. Степанова // PolitBook. – 2022. – № 2. – С. 182-194.

81. Терещенко, В.В. Политическая инновация как коммуникативный процесс: восприимчивость элит к нововведениям / В.В. Терещенко // Коммуникология. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 131-143. – DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-3-131-143.

82. Туркова, Я.К. Особенности влияния деятельности политической элиты современной России на развитие социальных инноваций гражданского общества / Я.К.

Туркова, Г.Д. Ревягин // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее : сборник докладов V международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 февраля 2025 года. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2025. – С. 296-300.

83. Федотова, В. Г. «Глядя из будущего» как методология прогнозирования российских перспектив / В. Г. Федотова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2022. – № 2. – С. 3-9.

84. Царюк, Д. А. Баланс между устойчивым экономическим развитием страны и адаптацией высокотехнологичных производств согласно социальным навыкам и потребностям гражданина РФ в XXI веке / Д. А. Царюк // Общество в поисках баланса: Материалы XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 23–27 мая 2022 года / отв. ред. А. В. Кулешова; Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения». – М.: ВЦИОМ, 2022. – С. 237-240.

85. Чувилина, Н. Б. Тенденции развития российских региональных электоральных процессов на этапе централизации власти в Российской Федерации / Н. Б. Чувилина // Власть. – 2012. – № 10. – С. 71-75.

86. Шмиттер, Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? / Ф. Шмиттер // Логос. – 2004. – № 2(42). – С. 137-156.

87. Штоль, В. В. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве / В. В. Штоль, С. Н. Федорченко // Обозреватель. – 2013. – № 6(281). – С. 047-058.

88. Шэнь, Д. Технологический путь как политический путь: борьба великих держав за «право на истоки инноваций» / Д. Шэнь // Advances in Science and Technology: Сборник статей LXXIII международной научно-практической конференции, Москва, 15 декабря 2025 года. – М.: ООО «Актуальность.РФ», 2025. – С. 465-466.

89. Ямбуренко, Е. Н. Политические партии как акторы инновационного развития / Е.Н. Ямбуренко // Социально-политические науки. – 2016. – №2. – С. 60.

Электронные ресурсы

1. Manifesto Project (Comparative Manifestos Project). Международная база данных партийных программ с количественным кодированием для анализа идеологий и электоральных стратегий. Доступно: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu> (дата обращения 18.03.2026).

2. Rahat, G. Comparative Politics From Party Politics to Personalized Politics? Party Change and Political Personalization in Democracies / G. Rahat, K. Ofer. – Oxford University Press. – 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.politics.huji.ac.il/publications/party-politics-personalized-politics-party-change-and-political/>. (дата обращения 18.03.2026).

3. Susan E. Scarrow, Beyond Party Members. Changing Approaches to Partisan Mobilization. – Oxford, 2015. – Pp. 240. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/35030740/Susan_E_Scarrow_Beyond_Party_Members_Changing_Approaches_to_Partisan_Mobilization_Oxford_2015_pp_240 (дата обращения 12.03.2025).

4. Бродовская, Е.В., Конкуренция информационных потоков российских политических партий (2020 – 2021 г.): основные результаты социально-медийной предиктивной аналитики / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/report_2021/115_21052021094245.pdf (дата обращения: 27.06.2023).

5. Будущее России: новая индустриализация или сырьевая модель / Московский экономический форум. – 2013 – 20 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://me-forum.ru/media/events/plenary-panel-discussion-ii/> (дата обращения 17.04.2024).

6. Великая, Н.М. Перспективы российского гражданского общества в контексте динамики партийно-политических ориентаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2021/report_2021/119_21052021094851.pdf (дата обращения: 17.05.2024).

7. Выборы в России: участие, легитимность, доверие. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-v-rossii-uchastie-legitimnost-doverie> (дата обращения: 29.05.2024).

8. Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов. 19 марта 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-osenka-rezultatov> (дата обращения: 17.05.2024).

9. Левашов, В. К. Российские граждане о социально-политических аспектах жизни, вызовах и угрозах в изменяющейся реальности (по материалам мониторингов ИСПИ ФНИСЦ РАН) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/report_2021/112_21052021093746.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

10. Матвеева, Е. В. Политические партии и объединения : учебное пособие / Е. В. Матвеева. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 219 с. [Электронный ресурс – Лань: электронно-библиотечная система]. Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/30053> (дата обращения: 17.01.2025).

11. Навстречу выборам: социально-политическая ситуация в новых регионах РФ. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/navstrechu-vyboram-socialno-politicheskaja-situacija-v-novykh-regionakh-rf> (дата обращения: 25.05.2024).

12. Народная программа партии «Единая Россия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://er.ru/party/program> (дата обращения 13.12.2025).

13. Национальные проекты России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/?mobile=1> (дата обращения: 29.05.2024).

14. Общественный интерес к науке и технологиям. 20 ноября 2023. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennyi-interes-k-nauke-i-tehnologijam> (дата обращения: 27.05.2024).

15. Президент Путин: оценки и отношение граждан. 06 мая 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezident-putin-ocenki-i-otnoshenie-grazhdan> (дата обращения: 18.05.2024).

16. Прекрасная «Единая Россия» будущего // Аналитический доклад ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/prekrasnaya-edinaya-rossiya-budushhego> (дата обращения: 25.05.2024).

17. Программа КПРФ – политической партии Коммунистическая партия Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 25.05.2024).

18. Программа ЛДПР «Дело Жириновского живет». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ldpr.ru/party/program/> (дата обращения: 17.06.2025).

19. Программа партии «Новые люди». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newpeople.ru/program> (дата обращения: 17.06.2025).

20. Программа Партии Справедливая Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spravedlivie.ru/i_programma_partii.htm (дата обращения: 17.06.2025).

21. Пути и резервы социальной консолидации в трансформирующемся социуме: гражданское общество и политические субъекты нового мира. // XI международная Грушинская социологическая конференция «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир» (17-22 мая 2021 года). Стенограмма от 18 мая 2021 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2021/stenogramma_2021/ways_and_reserves_of_social_consolidation.pdf (дата обращения: 27.04.2024).

22. Регионы России накануне выборов. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/regiony-rossii-nakanune-vyborov> (дата обращения: 17.05.2024).

23. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий. 24 мая 2024. [Электронный

ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-24052024> (дата обращения: 28.05.2024).

24. Семья как ценность. 24 января 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 28.05.2024).

25. Социальная справедливость: мониторинг. 27 февраля 2024. [Электронный ресурс – ВЦИОМ. Новости]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 28.05.2024).

26. XII международная Грушинская социологическая конференция. Секция «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2022/chelovecheskij%20kapital_Latov_Tihonova.pdf(дата обращения: 18.05.2024).

27. Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-menyayut-ekonomicheskie-privyuchki> (дата обращения: 13.05.2024).